

АЙНЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII—XIX ВВ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЙНЫ

В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-
ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

XVIII–XIX ВВ.

Под редакцией В. В. Щепкина

Санкт-Петербург

2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А36

Издание выполнено при финансовой поддержке
Министерства науки и высшего образования РФ

Рецензенты

канд. ист. наук *А. М. Соколов* (МАЭ РАН)
канд. ист. наук *К. Г. Маранджян* (ИВР РАН)

Авторский коллектив

В. Ю. Климов, канд. ист. наук (гл. 1)
М. В. Осипова, канд. ист. наук (гл. 2)
В. В. Щепкин, канд. ист. наук (предисловие, гл. 3)
О. В. Климова, PhD (гл. 4)
А. В. Климов (гл. 5)

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.
Коллективная монография / под ред. В. В. Щепкина; Ин-т
восточных рукописей РАН. — СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2020. —
255 с.

ISBN 978-5-00105-503-7

В XVIII веке айны сыграли важную роль в установлении отношений между Россией и Японией. Однако начавшееся в результате этого приграничное размежевание Японии и России привело к коренным изменениям в культуре и хозяйственной деятельности айнов, поставив под угрозу само их существование. В этой книге собраны результаты последних исследований российских историков, посвященных месту и роли айнов в истории ранних российско-японских отношений.

При оформлении обложки использованы рисунки японского художника
Хирасава Бэджан (1822-1876)

© Авторский коллектив, 2020
© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2020
© Крюкова Е.И., оформление, 2020

ISBN 978-5-00105-503-7

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Из истории отношений японцев и айнов (конец XII — начало XIX вв.)	8
Глава 2. Православные айны: христианизация как способ распространения российского влияния на Курильских островах и Сахалине	78
Глава 3. Айны южных Курильских островов и становление российско-японских отношений во 2-й пол. XVIII в.	127
Глава 4. Записи об айнах в журнале Н. А. Хвостова в ходе экспедиции на Сахалин 1806 г.	183
Глава 5. Торговля айнов Сахалина с народами Приморья до начала XIX в.	214
Сведения об авторах	255

Предисловие

С начала XVIII в. и вплоть до установления дипломатических отношений между Российской империей и Японией в 1855 г. основной контактной зоной русских и японцев являлись территории, окружающие Охотское море, — Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова, южная оконечность полуострова Камчатка. В XVIII–XIX вв. почти все официальные и неофициальные контакты русских и японцев имели место именно на этих землях. Сахалин и Курильские острова оставались предметом взаимных территориальных притязаний вплоть до середины XX в., а юрисдикция России над южными Курилами до сих пор не признается правительством Японии.

В то же время указанные территории многие столетия оставались домом для одного из коренных народов островного мира Тихого океана — айнов. В XVIII веке айны сыграли важную роль в установлении отношений между Россией и Японией: от них русские и японцы получали первые сведения друг о друге, на своих лодках они помогали и тем и другим перемещаться между островами и создавать карты, а на переговорах

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

выступали переводчиками. Однако начавшееся в результате этого приграничное размежевание Японии и России привело к коренным изменениям в культуре и хозяйственной деятельности айнов, поставив под угрозу само их существование.

2019 год был отмечен в России повышением интереса к айнам, их истории и культуре как со стороны государства и общества, так и среди академических кругов. В одном только Санкт-Петербурге прошли научный семинар «Айны: история, культурное наследие, идентичность» в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН и конференция «История и культура айнов: информационный ресурс крупнейших коллекций России» в Российском этнографическом музее, оба музея организовали также специальные выставки предметов материальной культуры айнов.

Институт восточных рукописей Российской академии наук не остался в стороне от этих событий: на протяжении последнего десятилетия сотрудниками института ведутся активные исследования, посвященные истории и культуре айнов, в том числе в тесном сотрудничестве с Историографическим институтом Токийского университета и Центром исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо. Поэтому не случайно, что именно в стенах ИВР

РАН состоялась научная конференция «Айны в истории российско-японских отношений», одним из результатов которой стала представляемая вниманию читателей коллективная монография.

В данной монографии коллективом российских историков публикуются полученные в последние годы результаты исследований места и роли айнов в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Первая глава посвящена истории становления отношений между айнами и японцами с конца XII в. и изменениям форм торговли и межкультурного взаимодействия. Во второй главе излагается история распространения православного христианства на Курильских островах и Сахалине среди айнов в XVIII–XIX вв. и его роли в укреплении российского влияния в этом регионе. В третьей главе исследуется место и роль айнов южных Курильских островов в становлении российско-японских отношений во второй половине XVIII в. Четвертая глава представляет результаты исследования роли айнов Сахалина в экспедиции Н. А. Хвостова 1806 г. Наконец, в пятой главе излагаются ценные сведения о торговых связях айнов Сахалина с народами Приморья, содержащиеся в японских источниках начала XIX в.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Айны не имели государственности и не создали собственной письменности, а потому историческая память этого народа запечатлена лишь в богатейшем мире фольклора, к счастью, в большом количестве записанного российскими и японскими исследователями первой половины XX в., когда ещё были живы знатоки айнского языка и носители фольклорных традиций. В вопросах истории же мы вынуждены обращаться к письменным источникам сопредельных государств, прежде всего России и Японии. Представленные в данной монографии результаты исследований наглядно показывают, что только скрупулезное изучение и сопоставление данных как российских, так и японских источников способно предоставить новые и объективные знания об истории и культуре айнов.

В. В. Щепкин

Глава 1. Из истории отношений японцев и айнов (конец XII — начало XIX вв.)

(В. Ю. Климов)

Кондо Дзюдзо 近藤重蔵 (1771–1829), авторитетный японский исследователь земель айнов, побывавший в них пять раз в качестве чиновника военного правительства с 1798 по 1807 гг., оставил после себя значительные письменные свидетельства (записки, докладные, дневниковые записи, бухгалтерские расчеты, зарисовки и т. п.), которые изданы Историографическим институтом Токийского университета в трех томах. В частности, Кондо отмечал, что контакты Японии с внешним миром ограничиваются четырьмя «окнами»: Нагасаки, Сацума, Цусима и Мацумаэ, три из которых отделены от внешнего мира океаном. При этом Кондо делает оговорку, что Цусима находится рядом с Кореей, но последняя — маленькое и слабое государство, а по сему не представляет угрозы для Японии. Мацумаэ же, однако, находится достаточно далеко от основной территории Японии [Кондо, с. 8] и, добавим от

себя, окружено инородцами, к которым японцы относились всегда не как к равным себе, но «варварам», на полную лояльность которых нельзя было рассчитывать. Существовало два маршрута торговли, в которой активное участие принял клан Мацумаэ, закрепившийся в южной части нынешнего острова Хоккайдо: 1) из Камчатки через Курильские острова на Хоккайдо; 2) из Приморья (устье реки Амур) через Сахалин на Хоккайдо. Через второй маршрут, иногда называемый японцами «маршрутом сантанцев»¹, японцы в конечном счете получали китайские шелковые одеяния, именуемые «парчой, полученной от варваров» (яп. *эдзо нисики* 蝦夷錦). Вероятно, впервые четко было сказано об этих двух маршрутах в письменном источнике «Дело о землях Эдзо» (яп. *Эдзоти уккэн* 蝦夷地一件) в 1785 г, но сложились они, по всей видимости еще в XV в. [Tezuka, p. 350-351]. Обратимся к истории формирования этого четвертого «окна» Японии во внешний мир.

---

¹ Слово «Сантан» (яп. 山丹, 山鞆, 山旦, возм. от нивх. *янто*) использовалось японцами для обозначения района вокруг устья Амура. Под «сантанцами» же имеются в виду проживавшие там народы: ульчи, орочи, амурские нивхи и др.

От эмиси к эдзо

В конце XII в., когда начался период Камакура (1192–1333), произошла смена термина *эмиси/эбису* 蝦夷 на *эдзо* с использованием того же биннома иероглифов. Земли, на которых проживали *эдзо*, по мнению японцев того времени, простирались от северной части Цугару (север о. Хонсю) до нынешнего острова Хоккайдо. Те же из числа *эдзо*, которые были покорены и подчинены японцам, именовались *фусю* 俘囚, реже *ифу* 夷俘 («пленники» или «пленные варвары»). В отличие от японских простолюдинов (яп. *комин* 公民), они не облагались налогом. Японские власти стремились их инкорпорировать и приводить к полной покорности. В северо-восточной части Хонсю были два могущественных рода, родословная которых как раз восходила к таким *фусю*, а именно род Абэ 安倍 из края Осю 奥州 и род Киёхара 清原 из края Дэва 出羽. Позже они были подчинены одной из ветвей Фудзивара, получивших название «Северных Фудзивара», обосновавшихся в Хираидзуми 平泉. Им был жалован титул Муцу-но ками 陸奥守 — повелителей провинции Муцу. Эта ветвь Фудзивара, с одной стороны, представляла императорскую власть в этих землях, а, с другой,

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

вступая в брачные союзы с вышеназванными двумя родами, укрепляла свой авторитет среди местного населения в северной части острова Хонсю. По сути, во многом они проводили самостоятельную от центра политику на местах. В течение ста лет четыре поколения Фудзивара сумели возвести прекрасный город Хираидзуми и достичь процветания.

Но все изменилось с установлением первого военного правительства в Камакура во главе с Минамото-но Ёритомо 源頼朝 (1147–1199, сёгун 1192–1199). Он стал преследовать младшего брата Минамото-но Ёсицунэ 源義経 (1159–1189), получившего убежище у Фудзивара-но Хидэхира 藤原秀衡 (1122–1187) в Хираидзуми. После смерти Хидэхира его сын Фудзивара-но Ясухира 藤原泰衡 (1155–1189), ставший главой рода, опасаясь гнева сёгуна, вынудил Ёсицунэ покончить с собой. В «Восточном зеркале» есть запись от 30 дня дополнительной 4-й луны 5-го года эры Бундзи 文治 (17 мая 1189 г.), в которой сообщается, что особняк, в котором находился Ёсицунэ был окружен несколькими сотнями всадников, завязалось сражение, его охрана пыталась отразить нападение, но потерпела поражение. Ёсицунэ сначала убил 22-летнюю жену, 4-летнюю дочь, а

потом совершил самоубийство. Тем не менее это не спасло Хираидзуми от разрушительного нападения войск сёгуна в 1189 г. В «Восточном зеркале» в записи от 3-го дня 9-й луны 5-го года эры Бундзи (14 октября 1189 г.) сообщается, что Фудзивара-но Ясухира, спасая свою жизнь, прятался подобно крысе, собираясь бежать на остров Итэкусима 夷狄島 — позже за ним закрепилось название Эдзогасима 蝦夷島 (ныне Хоккайдо). Когда Фудзивара в сопровождении верных ему людей отправился из уезда Нуканобу² 糠部郡 и прибыл в Ниэносаку³ 贅柵, что в уезде Хинаи 肥内郡, Кавада-но Дзиро 河田次郎 (?–1189), представитель рода, который на протяжении нескольких поколений верой и правдой служил Северным Фудзивара, неожиданно приказал своим вассалам окружить Ясухира и обезглавил его. После этого, погоняя коня, Кавада поспешил к «господину Нихон» (так называли Минамото Ёритомо в «Адзума кагами»⁴), чтобы преподнести голову

---

² Ныне северная часть префектуры Иватэ и восточная часть префектуры Аомори. Традиционное место разведения лошадей.

³ Ныне город Одатэ 大館 в префектуре Аомори.

⁴ Нихон (二品) — второй класс царевичей и царевен. [Попов, с. 322]. К. А. Попов дает в другом месте дает более

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

убитого им господина. Кавада просил сёгуна включить его в круг ближайших вассалов (*гокэнин*), но по приказу Минамото Ёритомо он был обезглавлен. Правление Северных Фудзивара таким образом закончилось. С этого времени землями *эдзо* стали называть территории севернее Цугару. Именно карательная экспедиция Минамото Ёритомо против Северных Фудзивара способствовала закреплению за нынешним островом Хоккайдо названия «Остров варваров», т. е. Эдзогасима.

Согласно «Записям Синра» (яп. Синра-но кироку 新羅之記録), хроникам дома Мацумаэ, значительное количество людей, оставшихся после

подробный комментарий: «Синно — старшие царевичи. Все члены царской семьи особым указом были разделены на две основные группы: первая — синно — «старшие царевичи и царевны», т. е. родственники по прямой царской линии: родные братья и сестры, сыновья и дочери царя. Вторая группа царской семьи — сёво (досл. «разные царевичи») — младшие царевичи и царевны; сюда относились все лица царской семьи, не вошедшие в первую группу. Кроме того, все члены царской семьи были разделены на четыре класса, в зависимости от степени родства с правящим царем: первый класс — иппон, второй — нихон (к нему в нашем случае отнесли основателя Камакурского сёгуната Минамото Ёритомо. — В. К.), третий — сампон и четвертый — сихон» [Попов, с. 168].

поражения Ясухира, перебрались из Нуканобу на остров Эдзогасима и обосновались там. «Записи Синра» были составлены Кагэхиро 景広 (1602–1658), шестым сыном основателя рода Мацумаэ Ёсихиро 松前慶広 (1548–1616), и были преподнесены военному правительству в 1643 г. Начинается повествование с появления Пресветлого божества Синра/Сираги (яп. *Синра Даймёдзин* 新羅大明神), отсюда и возникло название письменного памятника. В «Записях» приводится генеалогическое древо рода Мацумаэ, а также описываются заслуги дома в хронологическом порядке, начиная с основателя Какидзакис Нобухиро 蠣崎信広 до восьмого колена Мацумаэ Удзихиро 松前氏広. Родословную возводят к Такэда Нобухиро 武田信広 (1431–1494), военачальнику периода Муромати в северной части Хонсю и Эдзогасима.

Таким образом, можно считать, что в период Камакура в японском языке нынешний остров Хоккайдо стали называть Эдзогасима. Он стал местом дальней ссылки преступников. В одном письменном источнике есть запись от 14-го дня 6-й луны 4-го года правления Кэмпо 健保 (30 июня 1216 г.), в которой сообщается: «Сегодня состоялось судебное рассмотрение по делу шайки

злодеев, состоящей из свыше 50 грабителей и морских пиратов, совершивших нападение на храм Годзи 東寺. Их доставил наместник Сасаки Саэмонсё Хироцуна 佐々木左衛門尉広綱 (?–1221). Сообщают, что вынесли приговор отправить их в край Осю, чтобы выслать (яп. *цуйхо* 追放) на остров Эдзогасима». В записи за 11-й день 2-й луны того же года (29 февраля 1216 г.) говорится, что по всей стране был разослан эдикт от 9-го дня 2-й луны 4-го года правления Кэмпо (27 февраля 1216 г.) по розыску и задержанию опасных преступников, совершивших нападение на храм Годзи в Киото и похитивших в 5-й день 2-й луны того же года (23 февраля 1216 г.) ночью реликвию с частицей мощей Шакьямуни и другие ценные вещи. В эдикте горестно отмечается: «Закон Будды уже вступил в период упадка. А Закон Государя утрачивает оберегающую и защищающую силу. Разве это не прискорбно! Нет тому оправдания!». После суда преступников заключили в тюрьму. Толпы народа пришли поглазеть на них. Эксимператор Готоба 後鳥羽 (1180–1239, на троне 1183–1198) приехал, остановил повозку, запряженную волами, и изволил взглянуть на них. Иными словами, это было чрезвычайно редкое преступление, если вызвало такой ажиотаж. Как

указывалось, преступников решили изгнать на остров Эдзогасима.

В средние века (период Камакура и Муромати) за нынешним Хоккайдо закрепился образ земли загрязненной, где живут черти (яп. *они* 鬼) и нелюди (яп. *хинин* 非人). По той же аналогии острова, находящиеся к югу от о. Кюсю на периферии японского государства и тоже служившие местами ссылки преступников с периода Хэйан, несли те же смысловые коннотации — «Острова, граничащие [с миром] демонов» (яп. *Кикайгасима* 鬼界島). Под ними понимались вполне конкретные острова *Иодзима* 硫黄島 и *Осуми* 大隅諸島, составляющих северную часть архипелага Сацунан 薩南諸島. В названии «Острова, граничащие [с миром] демонов» проявились представления средневековых японцев: чем дальше находились земли от места, где пребывает император, тем больше утрачивается их чистота, тем больше они загрязнены. Божественный император согласно официальной доктрине эпохи Хэйан (794–1185), считался центром универсального устройства [Грачев, с. 42].

Будет уместным в этой связи сделать одно дополнение. В морском сражении при Дан-но ура в 1185 г. Минамото одержали решающую победу над

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

родом Тайра, и уже через два года, в 1187 г., Минамото Ёритомо предпринял карательную экспедицию для уничтожения оставшихся сил на островах Кикайгасима 鬼界島. Обе экспедиции — против Северных Фудзивара и к островам Кикайгасима — были предприняты для закрепления власти сёгуна и военного правительства, образованного в Камакура, на всей территории страны. Правление рода Фудзивара, контролировавшего северный край Осю, началось во второй половине периода Хэйан (794–1185), когда в центре страны, в Киото, сложилась система правления монашествующих экс-императоров (яп. *инсэй* 院政). Фудзивара непосредственно и самостоятельно управляли землями, населенными «варварами». Но с возникновением военного правительства именно ему были делегированы все «права на управление восточными варварами», а потому Фудзивара стали более не нужны для управления землями, которые не рассматривались до того времени собственно территорией японского государства. Его границы расширились, а соответственно «землями варваров» стали рассматриваться территории гораздо севернее, то есть прежде всего остров Хоккайдо, т. е. остров варваров Эдзогасима. Превращение варваров в имперских подданных расценивалось государством

в качестве стратегически обоснованного и политически необходимого свершения [Грачев, с. 47].

Письменный источник на японском языке «Иллюстрированное повествование о Пресветлом божестве Сува» (яп. *Сува даймёдзин экотоба 諏訪大明神絵詞*), состоящий из 12 тетрадей и написанный в 1356 г. Сува Энтю 諏訪円忠 (1295–1364), впервые довольно подробно описывает айнов Хоккайдо. Сува Энтю сообщает, что на острове есть три народа: коренные жители (яп. *хино мото 日の本*), «люди, похожие на китайцев (в китайских одеждах)» (яп. *карако 唐子*) и «переселенцы» (яп. *ватарито 渡党*). Первые два народа выглядят как оборотни, внешне похожие на злых демонов-якша (яп. *夜叉*)⁵. Переселенцы

---

⁵ *Якша* в буддизме, индуизме и джайнизме называли разновидность природных духов. Они могли быть как безобидными существами, так и монстрами-людоедами, демонами, нападавшими на путников в лесной чаще. На человеческом языке они не общались и не понимали его. Гораздо позже, в 1712 г. осакский врач Тэрадзима Рёан (1654–?), составитель «Японо-китайской иллюстрированной энциклопедии трех начал» (яп. *Вакан сансай дзуэ 和漢三才図絵*), также писал, что «[Айны] внешностью напоминают духов-якша» [Щепкин 2016, с. 224]

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

(*ватарито*) же похожи на людей из Японии (*вакоку* 和国)». Они создали две группы в южной части Хоккайдо — *Усорикэси* (ныне Хакодатэ) и *Матоумай* (ныне Мацумаэ). Сообщается, что они приезжают и торгуют не только в Цугару, но и в других поселениях края Осю на морском побережье острова Хонсю. Таким образом, из этого источника можно предположить, что они активно занимались торговлей в районе, ограниченном на севере южной частью полуострова Осима 渡島 на Хоккайдо и на юге Цугару на о. Хонсю. А. М. Соколов делает предположение: «Несмотря на то, что состав *ватарито* был разнородным, костяк, по своей видимости, составляли айноидные племена. Но достоверно определить удельный вес айнского компонента в каждой из трех групп (*хиномото*, *карако*, *ватарито*) пока не представляется возможным» [Соколов, с. 210]. Однако, хочется отметить, что в источнике «Сува даймёдзин экотоба» говорится о схожести *ватарито* с японцами.

Во второй половине периода Камакура был написан юридический текст, где давалось подробное объяснение терминов, используемых в то время юристами — «Наставления неискушенным в судебном процессе» (яп. *Сата мирэнсё* 沙汰未練書) [Сата мирэнсё, с. 355]. В

разделе, посвященном управлению военными домами, следует выделить три пункта: 1) управление наместником военного правительства в Рокухара (яп. *Рокухара тандай* 六波羅探題) столицей Киото и западными провинциями Японии; 2) управление островами Кюсю, Цусима и Ики 壱岐 наместником Тиндзэй тандай 鎮西探題, находящимся в г. Хаката на Кюсю; 3) управление восточными варварами (яп. *тои сэйбай* 東夷成敗). Сиккэн Ходзё Ёситоки 北条義時 (1163–1224) назначил первым управляющим (яп. *дайкан* 代官) в Цугару Андо Горо 安藤五郎. В его обязанности входило следить за тем, чтобы не было правонарушений со стороны осужденных за ночной разбой, насилие и морское пиратство в местах их ссылки, а также обеспечить защиту на вверенных ему землях от нападения «восточных варваров» (яп. *тои* 東夷). После 1191 г. японские власти в ряде случаев стали ссылать преступников, достойных смертной казни, на «Остров варваров» [Эмори, с. 44]. Сама процедура ссылки опасных преступников была следующей. Судя по записям из источника «Восточное Зерцало», после того как был вынесен приговор в квартале Рокухара в Киото, преступника отправляли в Камакура в район Канто, а оттуда в край Осю, в северную часть Хонсю, а оттуда уже, видимо, из Цугару, где

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

находился наместник военного правительства из рода Андо, сослал на «Остров варваров».

Порт Тоса-минато в Цугару

На клан Андо была возложена обязанность контролировать и поддерживать торговлю с «варварами» острова Эдзогасима в портах Цугару Сотогахамы 津 軽 外 ヶ 浜 (ныне восточное побережье полуострова Цугару) и Тоса-минато 十 三 湊 (ныне западное побережье полуострова Цугару, с периода Токугава (1603–1867) при том же иероглифическом написании стал называться Дзюсан-минато). В этой торговле активное участие принимали коренные народы, населявшие и Хоккайдо, и Сахалин, и острова Курильской гряды. Торговый путь пролегал из Хоккайдо через вышеназванные порты в столичный район Кинки 近畿 с городами Киото и Осака.

Большую роль при этом играл порт Тоса-минато. Его развитию способствовало то обстоятельство, что клан Андо в годы правления Сёва 正和 (1312–1317) воздвиг замок Фукусима 福島 в местечке Айнай 相内 поблизости от озера Дзюсан 十三湖 (современное название) и порта Тоса-минато. После этого он стал самым крупным портом в Цугару. В «Правилах каботажного

плавания» (яп. *Кайсэн сикимоку* 廻船式目), являющихся первым в истории Японии законом, оговаривающим правила морских торговых перевозок между портами страны, сообщается, что Тоса-минато возник в 1223 г. А. Ю. Левковская, по-видимому, имея в виду эти правила, называет их «Договором о движении торговых судов иностранцев», согласно которому «предусматривалось совместное распределение налогов, собранных с торговых судов, путешествующих через моря от Хонсю до Эдзо». По всей вероятности, под иностранцами она понимает айнов, с которыми заключались торговые договора (?! — В. К.) и строились отношения на равных [Левковская, с. 196]. Довольно смелое утверждение, с которым можно было бы согласиться при условии перевода этих «Правил» на русский язык (или «Договора» — возможно, речь идет о другом документе, поскольку японского названия и даты документа не приводится) и последующего его изучения. Во всяком случае определенно можно говорить, что рассматриваемый порт играл важную роль в торговле между японцами и айнами. О значимости порта Тоса-минато в морских перевозках и торговле свидетельствует тот факт, что он вошел в инфраструктуру морских коммуникаций, носящих

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

название «Три гавани и семь портов» (яп. *сансин ситисо* 三津七湊).

Три гавани (*сансин*) — это:

- 1) гавань Аноцу 安濃 (ныне г. Цу преф. Миэ);
- 2) гавань Хаката 博多 (ныне преф. Фукуока на о. Кюсю);
- 3) гавань Сакаи 堺 (ныне префектура Осака).

Семь портов (*ситисо*) — это:

- 1) Микуни 三国 в пров. Этидзэн 越前 (ныне г. Сакаи преф. Фукуи);
- 2) Хонкити 本吉 в пров. Кага 加賀 (ныне г. Хакусан преф. Исикава);
- 3) Вадзима 輪島 в пров. Ното 能登 (ныне г. Вадзима преф. Исикава);
- 4) Ивасэ 岩瀬 в пров. Эттю 越中 (ныне г. Тояма преф. Тояма);
- 5) Имаматэ 今町 в пров. Этиго 越後 (ныне г. Дзё:эцу преф. Ниигата);
- 6) Акита 秋田 в пров. Дэва 出羽 (ныне г. Акита преф. Акита);
- 7) Тоса в Цугару (ныне г. Госёгавара преф. Аомори).

Таким образом, можно сделать вывод, что от порта Хаката на юге страны на о. Кюсю до порта Тоса-минато в северной оконечности Хонсю образовался торговый маршрут в Японском море. В колофоне «Правил», состоявших из 31-й статьи, записано, что в 16-й день 3-й луны 2-го года правления Дзёо 貞応 (18 апреля 1223 г.) три представителя купцов, занятых в морских торговых перевозках, Цудзимура Симбэ 辻村新兵衛 из порта Хёго в пров. Сэтцу (ныне Кобэ), Синохара Магодзаэмон 條原孫左衛門 из порта Урадо в провинции Тоса (ныне г. Коти на о. Сикоку) и Иида Бидзэн 飯田備前 из порта Бо:ноцу 坊津 в провинции Сацума (ныне преф. Кагосима) представили их на рассмотрение и утверждение Ходзё Ёситоки 北条義時 (1163–1224), второго сиккэна военного правительства Камакура. Эти «Правила» известны сегодня в японской историографии под названием «Кайсэн сикимоку», но оно было дано гораздо позже, в годы Мэйдзи (1868–1912), а до этого они бытовали под другими названиями: «Сэмпоги» 船法儀, «Кайсэн хатто-сё» 廻船法度書, «Кайсэн сахосё» 廻船作法書. Эмори Сусуму отмечает, что эти правила суммируют в себе весь тот опыт, знания, практику и обычаи купцов, которыми они обладали в деле непростого дела морских перевозок [Эмори, с. 67–68].

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Утверждение же «Правил» высшим должностным лицом исполнительной власти придавало им силу закона. Возникшая инфраструктура в виде «трех гаваней и семи портов» получила дальнейшее развитие в периоды Муромати и Эдо. В то же время 20 «судов из Цугару» (яп. *Цугару-фунэ* 津軽船) получили право не платить налоги и пошлины в казну военного правительства. То есть, это были суда, владельцы которых обладали жалованными им грамотами, освобождавшими их от уплаты пошлин.

В порту Тоса-минато купцы по большей части вели торговлю под защитой клана Андо и буддийской амидаистской школы *дзисю* 時宗. В собрание письменных памятников под названием «Сводные хроники Цугару» (яп. *Цугару иттоси* 津軽一統志), автором-составителем которых был Китамура Масаката 喜多村政方 (1682–1729), самурай из княжества Хироасаки, включен источник второй половины XIV в. «Заходы [судов] в [порт] Тоса» (яп. *Тоса орай* 十三往来). В нем есть емкая фраза, характеризующая объем торговли между японцами и айнами в то время: «Собралось большое количество варварских судов (яп. *ибунэ* 夷船) и столичных судов (яп. *кёсэн* 京船), построены в ряд носы кораблей, кормовые весла убраны, порт

превращен в рынок» [цит. по Эмори, с. 70]. «Варварские суда» — это торговые суда айнов, а «столичные суда» — это корабли из портов Обама 小浜 и Цуруга 敦賀 пров. Этидзэн (ныне преф. Фукуи). Сами айны свои большие лодки называли *уимам-цип* (*uimam-sip*), от айн. *уимам* «торговля» и *цип* «лодка», то есть, «торговые суда».

Таким образом, самый северный японский порт был крупной перевалочной базой японо-айнской торговли. В 1993 г. японские археологи провели раскопки средневекового портового города Тоса. Было обнаружено много артефактов. Газета «Асахи симбун» 13 августа 1993 г. писала, что средневековый порт Тоса-минато по своей значимости и объему торговых операций сопоставим с хорошо известным исследователям портовым городом на западе страны — Хаката. Были обнаружены в большом количестве китайские монеты, фарфоровая посуда белого и зеленого цветов, которая ввозилась из Китая. Японцы продавали айнам металлические, деревянные изделия, лаковую посуду, одежду, рис, сакэ. Возникшая потребность айнов в этих товарах постепенно оказывала влияние на культуру их потребления. Однако, в середине XV в. торговля в этом порту пошла на спад, постепенно перемещаясь в южную часть острова Хоккайдо.

Становление клана Мацумаэ

Род Андо из Цугару вёл свою родословную от рода Абэ. С середины XV в. японцы, находившиеся в вассальной зависимости от Андо, стали селиться в южной части Хоккайдо, сооружая небольшие крепости для защиты от внезапного нападения айнов. Таких крепостей было двенадцать, потому в японской историографии за ними закрепился термин «двенадцать маленьких крепостей в южной части Хоккайдо» (яп. *донан дзюни татэ* 道南十二館). Наиболее крупными из них были Одатэ 大館 (ныне г. Мацумаэ), Мобэцу-датэ 茂別館 (ныне г. Камиисо) и Ханадзава-татэ 花沢館 (ныне г. Каминокуни). Последняя крепость принадлежала Какидзаки Суэсигэ 蠣崎李繁 (?–1462), который после изменения фамилии положит начало роду Мацумаэ. Все вышеперечисленные маленькие крепости были сосредоточены в южной части острова Хоккайдо, на полуострове Осима. В 1456 г. айны выступили против японцев в районе нынешнего Хакодатэ (тогда это место называлось Синори-татэ 志濃里館). Молодой айн по имени Оккайпо заказал японскому кузнецу выковать ему нож-*макири*, но остался недоволен низким качеством выполненной работы. Возникла ссора. Кузнец выхватил у айну *макири* и со словами:

«Смотри, как прекрасно режет этот нож», — убил юношу. «Из-за этого, — по свидетельству хроники «Записи Синра», — восстание подняли все варвары (эдзо) и оно длилось с лета 2-го года правления Косё 康正 (1456 г.) вплоть до весны 5-года правления Тайэй 大永 (1525 г.), были уничтожены поселения от востока до запада и убиты японцы (сямо 者某 — айнское название японцев). Все возникло из-за инцидента в деревне кузнецов в Синори» [Цит. по Миядзима, с. 69]. Такакура Синъитиро и Джон Харрисон ошибочно пишут, что в ссоре японский кузнец убил айнского вождя [Takakura, Harrison, p. 12]. Косямаин, глава местных айнов, просто воспользовался ситуацией и обратился к соплеменникам с призывом выступить против японцев, взывая к родоплеменным отношениям, кровнородственным связям, и призывая жестоко остановить бесчеловечные действия японцев. Его призыв нашел отклик: айны, подняли восстание от местечка Мукава 鶺川 на востоке до Ёити 余市 на западе. Сначала было разгромлено укрепленное поселение Синори-татэ, где, собственно, и произошел вышеупомянутый инцидент, а потом и остальные поселения японцев, находящихся у моря вдоль береговой линии. Неразрушенными остались только два японских укрепления — Мобэцу-татэ и Ханадзава-татэ.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Косямаин собирался атаковать и эти последние оплоты японских переселенцев, однако Такэда Нобухиро, основатель рода Мацумаэ, начав переговоры о заключении мира, убил Косямаина и его сына. Таким образом ему удалось отстоять Ханадзава-татэ в Каминокуни и подавить восстание айнов. Положение оставалось серьезным, оно снова обострилось уже в 1471 и 1501 гг. Какидзаки удалось объединить под своим командованием оставшихся японских переселенцев и закрепиться в южной части острова. Но вспышки антияпонских выступлений айнов продолжались в 1473, 1512, 1515, 1525, 1528, 1529, 1531, 1536 гг. [Миядзима, с. 68]. Иными словами, процесс закрепления японских поселенцев на относительно небольшой территории острова проходил с большими издержками, с применением вооруженной силы.

В 1514 г. клан Андо официально предоставил главе рода Какидзаки полномочия по защите своих интересов на Хоккайдо. Был заключен «брак по расчету». Какидзаки Суэсигэ, владелец замка Ханадзава-татэ, женил своего приемного сына Нобухиро 信広 на дочери сюзерена Андо Масасуэ 安藤政李 из пров. Дэва на севере о. Хонсю. Все японские поселения были объединены под властью Нобухиро. Он, искусно используя рельеф

местности, воздвиг новую крепость Кацуяма-датэ 勝山館 с видом на Японское море примерно в 1470 г. В 1514 г. Какидзаки Мицухиро 蠣崎光広 (1456–1518), сын Нобухиро, воздвиг новую крепость Токуяма-татэ 徳山館 на месте нынешнего города Мацумаэ, куда переехал в нее с семьей. Андо из Хияма 檜山安東, сюзерены клана Какидзаки, пожаловали ему титул «военного губернатора» (яп. *сюгосики* 守護職) и право собирать пошлины и налоги со всех купцов, прибывающих на остров. Наконец, в 1550 г. Какидзаки Суэхиро, четвертому по счету правителю «земель варваров», удалось наладить мирные отношения с айнами, а в дальнейшем на ближайшей к резиденции территории привести их к подчинению. Собственно земли, заселенные японцами и находящиеся под управлением рода Какидзаки, представляли собой относительно небольшую полосу земли юго-западной оконечности полуострова Осима. Суэхиро в 1550 г. разделил административно остров на восточную и западную части. Хаситаин из Сэтанаи был им назначен главой западных «варваров и их земель» с резиденцией в Каминокуни, а Тикомотаин из Сириути был назначен главой «восточных земель варваров» с резиденцией в Сириути. На совещании, на котором эти два вассала с господином

определили «Установление о заходе коммерческих судов в [земли] *эдзо* (варваров)» (в «Записях Синра» оно фигурирует под названием «Эдзо-но сёсэн окан-но хатто» (яп. 夷荻の商船往還の法度), а в источнике «Генеалогическое древо дома Мацумаэ» (яп. «Мацумаэкэ кэйдзу» 松前家系図) — под названием «Установления купцам, приезжающим к варварам» (яп. «Эдзо-э о:рай-но сё:нин-но хатто» 夷へ往来の商人の法度). На обоих вассалов была возложена основная обязанность сбора налога с купцов, прибывающих торговать на Хоккайдо, который получил название «налог [за торговлю с] варварами» (яп. *эдзояку* 夷役). В этих «Установлениях» были оговорены правила каботажного плавания вдоль берегов Хоккайдо. В частности, капитанам коммерческих судов было предписано спускать паруса при прохождении Каминокуни и Сириути, где находились вышеназванные вассалы дома Какидзаки, на которых был возложен сбор налогов. Таким образом, был сделан первый шаг к установлению монопольного права на торговлю с аборигенами острова Хоккайдо. Пока что сфера действия этого закона определялась узкими рамками контролируемой родом Какидзаки территории. Кроме того, айнам пришлось по умолчанию признать монопольное право рода Какидзаки

вмешиваться в их жизнь, подвергая в будущем мелочной регламентации. Пока что право огранивалось пределами распространения эффективного контроля территорий рода и его военной и экономической мощи.

В середине XVI в. в доме Андо, контролировавшем провинцию Дэва, произошел раскол. Образовалось два дома: Хияма 檜山 (Носиро 能代) и Минато 湊 (Акита 秋田). Хияма Андо удалось установить контроль за всеми земельными владениями прежде единого дома, и в 1591 г. Андо Санэсуэ 安藤実季 получил от Тоётоми Хидэёси, правителя Японии, грамоту с оттиском красной печати, которая закрепила за ним право владения этими землями. Но с одним исключением: «остров варваров» — Эдзогасима — был выведен из его владений.

Даймё Мацумаэ

В 1590 г. Какидзаки Ёсихиро 蠣崎慶広 (1548–1616), находившийся в вассальной зависимости от дома Андо, обладавшего титулом Муцу-но ками 陸奥守 (повелитель провинции Муцу), стремился сблизиться с Маэда Тосиёэ 前田利家 (1538–1599), основателем могущественного княжества Кага (Канадзава), который находился в близких и

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

доверительных отношениях с Тоётоми Хидэёси, а позже с Токугава Иэясу. В декабре 1590 г. Какидзаки Ёсихиро вместе со своим сюзереном Андо Санэсуэ прибыл в Киото. Благодаря посредничеству Маэда Тосиэ, Какидзаки был принят Тоётоми Хидэёси, правителем Японии, в роскошной резиденции Дзюракудай 聚楽第⁶, ему были оказаны почести как прямому вассалу в ранге *даймё*. Тоётоми с интересом выслушал рассказы о «землях варваров». На следующий год, после того как Ёсихиро вернулся в свои владения, произошел мятеж Кунохэ Масадзанэ 九戸政実 (1535–1591), правителя клана Намбу 南部 в северной части острова Хонсю. В японской историографии он получил название «Смута Кунохэ» (яп. *Кунохэ-но ран* 九戸の乱). Замок Кунохэ, в котором укрылся мятежник Масадзанэ, был занят экспедиционными войсками Тоётоми. После подавления мятежа Намбу Нобунао 南部信直 (1546–1599) дал другое название замку — Фукуока 福岡 (ныне в г. Нинохэ преф. Иватэ), а позже в 1599 г. перенес резиденцию

---

⁶ Б. Л. Уокер дал неправильное прочтение последнего иероглифа дворца Хидэёси — Дзюракутэй, вместо Дзюракудай 聚楽第. Кроме того, грамота была жалована Какидзаки не в 1590 г. в вышеуказанном дворце в Киото, а позже в 1593 г. в Нагоя [Walker, p. 177].

в Мориока 盛岡. Активное участие в подавлении мятежа принял Какидзаки Ёсихиро, под началом которого находились не только японцы, и но искусные лучники айны. Их отравленные ядом стрелы даже при легком ранении убивали воинов мятежного Кунохэ Масадзанэ.

Во время агрессии в Корею Тоётоми Хидэёси перенес свою ставку в Нагоя 名護屋 (не следует путать с более известным г. Нагоя 名古屋). Там он принял Какидзаки Ёсихиро, официально ввел последнего в узкий круг *даймё*, признав его самостоятельность от прежних сюзеренов — дома Андо, и наделил его правом управлять «варварами», то есть айнами. Какидзаки поднес в качестве подарка одежды из парчи варваров (упоминавшиеся выше *эдзо нисики*), а ему была жалована грамота, скрепленная красной печатью (яп. *сюиндзё* 朱印状) правителя Тоётоми Хидэёси.

«Повеление.

Владельцы судов, купцы, прибывающие со всех концов в Мацумаэ, должны обращаться с варварами (яп. *эдзодзин* 夷人) как с податными крестьянами (яп. *дзигэнин* 地下人). Не должны совершать противоправных действий. Наряду с этим, как и прежде должен взиматься налог с заходящих судов (яп. *фунаяку* 船役). Если же найдутся, кто нарушит это

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

постановление, то немедленно сообщить мне об этом и немедленно подвергнуть их наказанию.

5-й день 1-й луны 2-го года правления Бунроку
(6 февраля 1593 г.)

[Красная печать]

Господину Какидзаки, Повелителю Сима

(Какидзаки Сима-но ками-тоно-э 蠣崎志摩守とのへ)».

Итак, Какидзаки получил монопольное право контроля за торговлей с «варварами», но не земли. По возвращению в южную часть нынешнего острова Хоккайдо Ёсихиро собрал у себя наиболее влиятельных айнов, показал им грамоту и объявил, что в случае неповиновения его приказам повелитель Японии Тоётоми отправит многотысячную армию и покарает отступников.

После смерти Тоётоми Хидэёси к власти пришел Токугава Иэясу. Чтобы сохранить свои привилегии, Какидзаки заблаговременно (в 1599 г.) изменили фамилию Какидзаки на Мацумаэ 松前. Существует предположение, что первый иероглиф был «мацу» 松 взят из Мацудайра 松平 — изначальной фамилии новой династии сёгунов, вошедших в историю Японии под фамилией

Токугава 徳川, а второй «маэ» 前 из фамилии могущественного дома покровителей Маэда 前田, приблизив таким образом к произношению полуострова Осима местными жителями: «Матомуаину» (マトウマイヌ). Так получились фамилия и топоним Мацумаэ.

Основатель династии Токугава Иэясу при встрече с Мацумаэ признал привилегии, предоставленные его предшественником, и жаловал главе дома Мацумаэ грамоту из трех пунктов, скрепленной черной печатью (яп. *кокуиндзё* 黒印状), предоставив еще большие привилегии. Приводим её перевод:

«Повеление.

- Без разрешения Повелителя острова [Сима-но ками, иными словами, дома Мацумаэ] не позволяется напрямую вести торговлю с людьми *эдзо* (*эдзодзин* 夷仁 — *В. К.*)⁷ никому, кто направляется в Мацумаэ из всех других провинций [Японии].

---

⁷ Иероглиф 仁 *дзин* в конфуцианской терминологии означает *гуманность, человеколюбие*. Его китайское чтение совпадает с иероглифом *человек* 人 — *дзин*. Не исключено, что это не описка, а намеренная замена одного иероглифа на другой с одинаковым чтением *дзин*.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

- Непременно сразу же должны мне докладывать о [всех], кто без разрешения Повелителя острова прибыл морем и вел торговлю. В дополнение [к вышеизложенному]. Варвары (эдзо 夷 — В. К.) вольны передвигаться [по острову] как им заблагорассудится.

- В дополнение. Категорически запрещается совершать противоправные действия в отношении варваров (эдзодзин 夷人, в этом случае иероглиф 人, а не 仁 — В. К.).

Должны быть сурово наказаны те, кто посмеет нарушить вышеуказанные пункты. Быть по сему.

27-й день 1-й луны 9-го года правления Кэйтё
(26 февраля 1604 г.)

[Черная печать]

Господину Мацумаэ, Повелителю острова (松前志摩守
どのへ)

Д. М. Позднеев первым из отечественных исследователей перевел текст «Повеления» (яп. *садамэ* 定) сёгуна Токугава Иэясу на русский язык, назвав его «Законами Токугава Иэясу» с небольшим пропуском [Позднеев, с. 142]. Кроме того, есть еще перевод В. В. Щепкина [Щепкин 2017б, с. 54]. Тем не менее, мы предлагаем свой вариант перевода, стремясь быть как можно ближе

к тексту, и по возможности передать все нюансы формулировок. До сих пор, к сожалению, мы можем встретить в научных статьях нечеткое разделение приведенных двух указов (Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу). К примеру, в статье А. Ю. Левковской говорится, что «сёгун Иэясу Токугава пожаловал главу клана титулом даймё Осима, закрепив за ним в качестве семейного фонда всю территорию Эдзо (как мы видим, в тексте «Повеления» об этом ничего нет. — *В. К.*). Была выдана лицензия с «красной печатью» (красная печать на указе Тоётоми Хидэёси, а на документе, выданном Токугава Иэясу, печать чёрная. — *В. К.*) на монополию торговли с айнами» [Левковская, с. 196].

По сути, оба повеления фиксировали сложившееся состояние дел на тот момент. Род же Какидзаки/Мацумаэ, до того находившийся в вассальных отношениях с домом Андо, напрямую стал подчиняться Тоётоми Хидэёси, а позже сёгунам Токугава. Из вышеприведенных постановлений Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу явствует, что Какидзаки, изменившим позже фамилию на Мацумаэ, были жалованы не земли, а исключительное право на ведение торговли с айнами и другими местными жителями, населявшими острова, находившиеся к северу от

Хонсю. Уместно будет процитировать в связи с этим четко сформулированную мысль А. В. Климова: «Мацумаэ получил от Токугава Иэясу грамоту, скрепленную черной печатью, о признании за домом Мацумаэ права монопольного ведения торговли с эдзо (айну). Следует особо подчеркнуть последнее обстоятельство: были жалованы не земли, как всем остальным даймё, а право на монополию в торговле (выделено А. В. Климовым). Мацумаэ утвердился в ранге даймё в социальной иерархии Токугавского общества. Можно сказать, что [Мацумаэ] Ёсихиро был скорее политиком, обладающим политическим и экономическим влиянием, чем полководцем. Умер основатель княжества в 1616 г. ... в тот же год, что и основатель династии сёгунов Токугава. С самого начала первостепенное значение играла торговля, а не выращивание риса или других сельскохозяйственных культур. Это нашло отражение в характере управления дома Мацумаэ, структуре финансов, на общении с айну и на многих других сторонах жизни княжества» [Климов А. В., с. 98].

Хоккайдо под управлением Мацумаэ

В 1606 г. Мацумаэ Ёсихиро, чтобы продемонстрировать окружающим более высокий уровень достигнутого престижа, строит новую резиденцию — замок Фукуяма 福山 (ныне г. Мацумаэ), вокруг которого стал формироваться призамковый город. Кроме того, была введена новая должность «городского головы» (яп. *матибугё* 町奉行), в обязанности которого входили полицейские функции, в том числе и досмотр грузов прибывающих и уходящих кораблей, контроль, а в случае необходимости и досмотр, путников, взимание пошлины и налогов и оформление документов, разрешающих посещение «земель варваров» (*эдзоти* 蝦夷地). Все суда, направляющиеся на Хоккайдо, должны были всенепременно прибыть в Мацумаэ, пройти досмотр и оформление документов. Прямые перевозки, сообщения с другими населенными пунктами были запрещены. Контроль и исполнение принятой системы правил был возложен на городского голову.

Христианский миссионер из ордена иезуитов Джеронимо де Анжелис (*Jeronymo de Angelis*) (1567–1623), посетивший призамковый город Мацумаэ, в сообщении от 1 октября 1618 г. описал

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

ежегодную летнюю ярмарку. Айны прибывали на судах *наватодзи-бунэ* 縄綴船. Японцы эти лодки называли также «варварскими лодками» (яп. *эдзобунэ* 蝦夷舟), айны же их называли *итаома-чип* [Соколов, с. 313].

Айны прямо на берегу моря перед замком расположились, разбив свой лагерь из шалашей, сооруженных из шестов и травы. Айны, проживавшие в северной части Хоккайдо привезли для обмена на рис и сакэ шелковые китайские ткани, приобретенные у сантанцев, стеклянные бусы, а также сушеную семгу и сельдь. Другая группа айн, прибывшая из Мэнаси (северо-восточная часть Хоккайдо и ближайших к нему островов Курильской гряды), меняла на хлопчатобумажные ткани, шелк, лаковые изделия и железные котелки привезенные ими меха выдры, орлиные перья, которые охотно покупали представители военного сословия Японии.

Джеронимо де Анжелис сообщает, что около 100 морских лодок *наватодзибунэ* из Мэнаси привозят на обмен сушеную семгу и сельдь, а также большое количество шкурок выдры, именуемых здесь *ракко* (т. е. калан), которые похожи, отмечает Джеронимо, на соболей. Айны продают их по очень высокой цене [Щепкин 2014,

с. 205]. Добывают и привозят их с острова под названием *Ракко*. Помимо упомянутых 100 судов из Мэнси, также приходят в Мацумаэ лодки айнов из Тэсио 天塩 (северо-западная часть Хоккайдо). Они привозят на обмен немало товаров, которые, по-видимому, были произведены на территории Китая или Кореи. Но айны говорили миссионеру, что им ничего не известно об этих странах.

Кроме того, из собственно основной территории Японии каждый год, сообщает Анджелис, приходит около 300 больших для того времени судов. Водоизмещение одного такого судна равнялось 22 *тамбо*, что составляет примерно 135 тонн. Они привозили рис и сакэ [Tezuka, Harrison, p. 354-355].

Итак, земли в южной части Хоккайдо, которые контролировал дом Мацумаэ, стали считаться пограничными японскими территориями. Это нашло отражение во взглядах мыслителей периода Токугава. К примеру, Хаяси Сихэй 林子平 (1738–1793) писал по поводу экспансии японского государства на север и освоении «земель варваров» следующим образом: «Если рассматривать Кумаиси пределами японских земель, то Эдзо нужно считать иностранным государством. Это мягкая, но правдивая позиция. Однако если

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

подумать гораздо глубже, то пределом японских земель следует считать Соя (северная оконечность острова Хоккайдо. — В. К.) и Сирануси (южная оконечность острова Сахалина. — В. К.) и остальной крайний север Эдзо. Это позиция, согласно которой Эдзо входит в территорию Японии. Каким же образом? В давние времена даже провинции Дэва и Муцу, не говоря уже о собственно земле Эдзо, не подчинялись власти императора, и лишь благодаря доблести двух-трех полководцев земли эти были подчинены, и теперь 70 *ри* земель Эдзо — это окраина нашей славной империи (т. е. 70 *ри* земель Мацумаэ. — прим. В. В. Щепкина)» [Щепкин 2011б, с. 55].

Владения княжества Мацумаэ были включены в политическую и экономическую систему японского государства. В то время все доходы отдельных княжеств и владений исчислялись в *кокудака* 石高. *Коку* 石 — мера ёмкости, в данном случае, риса, равная около 180 л, что составляло примерно 150 кг. Эта единица измерения получила широкое распространение в период правления сёгунов Токугава. Ею измерялись водоизмещение судов, объемы лесоматериалов, камня и других предметов. Считалось, что одного *коку* риса было достаточно, чтобы прожить одному человеку в течение года. Естественно, предполагалось, что в

пищу шли и овощи, и корни разнообразных растений, и морепродукты, и прочая пища. Доходы *даймё* тоже измерялись в *коку* риса. По этим показателям было легко понять богатство и экономическую мощь княжества. Минимальным доходом для обладания статусом *даймё* было не менее 10 тыс. *коку* риса в год.

В случае с Мацумаэ сложилась парадоксальная ситуация: поскольку это княжество не могло выращивать рис по климатическим условиям, то у Мацумаэ не было этого показателя, то есть оно было с нулевым показателем по сбору риса, иными словами, доход его был с формальной точки зрения нулевым (яп. *мудака* 無高). Все остальные *даймё* своим вассалам за службу предоставляли либо лен (яп. *тигёти* 知行地), либо жалованье — своего рода стипендию (яп. *хороку* 俸祿), как правило, рисом. Было определено, что на одного человека потребуется пять *го* 合 риса (1 *го* = 180 мл) на один день. Исходя из количества иждивенцев начислялся рисовый паек (яп. *футимай* 扶持米). Оно могло выдаваться и рисом, и деньгами, и было разбито, как правило, на три выплаты в год: весной, летом и зимой (поэтому сезонная выплата называлась *киримай* 切米, если рисом, или *кирисэн/киридзэни* 切錢, если

деньгами). Хотя последняя выплата и называется зимней, но часто ее выдавали в 10-ю луну по принятому тогда календарю.

На землях, контролируемых кланом Мацумаэ, невозможно было выращивать рис. Поэтому *даймё* оставался только один путь: делиться с вассалами доходами от монопольной торговли и прочей промысловой деятельности и на этой основе создать эффективную систему управления и контроля на острове. Добившись от центральных властей признания своих исключительных прав контроля за торговлей японцев из других княжеств с местными жителями Хоккайдо и войдя в круг *даймё*, правители из дома Мацумаэ четко разделили территорию Хоккайдо на земли, где жили японцы (яп. *вадзинти* 和人地, *Мацумаэти* 松前地 или *сямоти* シヤモ地) и земли варваров (яп. *эдзоти* 蝦夷地). Поначалу был определен только один порт прибытия для торговых судов — Мацумаэ. Позже, в 1688 г., были открыты еще два порта — Хакодатэ 箱館 и Эсаси 江差. Во всех этих трех портах были установлены таможенные посты (яп. *окинокути бансё* 沖口番所) во главе с их начальниками (яп. *окинокути бугё* 沖口奉行). Служащие таможен сверяли по полученным грузовым документам, предоставленным

капитанами, товары, реально выгружавшиеся и загружавшиеся при прибытии и отправлении судов. Все пошлины и выплаты, таможенные сборы шли в казну клана Мацумаэ.

В 1624 и в 1669 гг. соответственно были установлены таможенные посты в Аккэси 厚岸 в северо-восточной части острова Хоккайдо и Соя 宗谷 в самой северной точке Хоккайдо. Это создало необходимые условия для продвижения японских купцов на близлежащие южные острова Курильской гряды (пост в Аккэси) и в южную часть острова Сахалин (пост в Соя) [Walker, p. 179]. Кроме того, с этого момента айнам было запрещено на своих судах отправляться в северную часть острова Хонсю (например, в порты полуострова Цугару) и заниматься там торговлей. То есть запрет, распространявшийся на японцев торговать напрямую с айнами Хоккайдо, распространили теперь и на торговлю айнов с жителями северной оконечности Хонсю. Но ещё до того, в 1665 г., айнам, проживающим на острове, было запрещено прибывать на своих судах для торговли в Мацумаэ. Этими мерами власти княжества Мацумаэ стремились изолировать айнов в своих землях и переключить все торговые маршруты, существовавшие с прежних времен, на

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

себя, поставив их под нераздельный и полный контроль, чтобы извлекать все выгоды из нее.

Ближайшим вассалам князя Мацумаэ в качестве лена отдавались в кормление «торговые участки» (яп. *акинаба* 商場), которые позже стали называться просто «участками» (яп. *басё* 場所). Их владельцы стали именоваться *басё-моти* 場所持. Таким образом к середине XVII в. возникла и окрепла «ленная система торговых участков» (яп. *акинаба тигёсэй* 商場知行制). С. Такакура и Дж. Харрисон указывают более четкие хронологические рамки возникновения названной системы: 1596–1614 гг. [Takakura, Harrison, p. 26]. Разумеется, было некоторое количество таких участков под прямым управлением князя Мацумаэ. Вассалы, получившие в кормление «торговые участки», отвозили туда товары, приобретенные в приамковом городе Мацумаэ, обменивали их на продукцию айнов, привозили опять же в Мацумаэ и продавали японским купцам, прибывшим на судах с Хонсю. Полученная прибыль от этих операций и стала заменой «рисового пайка». Поэтому чем жестче была монополия княжества Мацумаэ, чем больше были закрепощены айны, которым изначально принадлежало право свободно торговать, тем больше были заинтересованы

вассалы князя Мацумаэ, тем больше их был доход. В этом проявилось своеобразие вассально-сюзеренных отношений, возникших в княжестве Мацумаэ. Эти «торговые участки» устанавливались в местах компактного проживания айнов, как правило, вдоль морского берега. В конце концов Мацумаэ практически обнулили значение крупного порта Тоса-минато на полуострове Цугару в северной оконечности Хонсю, перехватив, по существу, все значимые торговые маршруты. Укрепление дома Мацумаэ на Хоккайдо привело к постепенному изменению сети морских торговых перевозок.

Естественно, притеснение прав айнов не могло не вызвать недовольства, которое выплеснулось в крупномасштабное восстание во главе с Сякусяином в 1668–1669 гг. Закончилось это выступление поражением. Представители княжества Мацумаэ вынуждены были пойти на переговоры с вождем айнов, договорились об окончании военных действий, устроили пиршество, старательно поили вождя и его окружение, а потом неожиданно напали и убили их [Лим, с. 186–191]. Это поражение объективно значительно ухудшило положение айнов. С. Ч. Лим со ссылкой на Сакураи Киёхико приводит «основные положения договора», достигнутого с айнскими вождями.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

1. Все распоряжения князя Мацумаэ, вне зависимости от их содержания, будут контролироваться до их полного выполнения нами (айнскими вождями), нашими родными, независимо от того, мужчина это или женщина.

2. Если снова будет замышляться бунт, то о заговорщиках необходимо сообщать немедленно, чтобы незамедлительно были посланы войска для подавления бунтовщиков.

3. Нельзя причинять никакого вреда любому *сямо* (японцу), который бы путешествовал по стране (Эдзо) по поручению князя. Любой *сямо* должен быть принят радушно, обеспечен продуктами, если бы даже он путешествовал по своим частным делам.

4. Запрещено причинять вред угольям орлов или золотодобывающим шахтам.

5. Как будет приказано князем, мы обещаем иметь приемлемые и мирные отношения с торговыми судами. Покупка чего-либо из других стран запрещена, так же, как и продажа своих товаров там. Тот, кто привезет кожу и сушеную лосось из других стран с намерением продать их здесь, будет наказан.

6. По правилам торговли будут обмениваться 5 шкурок или 1 связка сушеного лосося за один мешок риса. Подарки, табак и металлоизделия будут оцениваться в зависимости от цен на рис. Если товаров будет в изобилии, то цены на шкурки и сушеную рыбу будут ниже.

7. Нельзя причинять вред посланцам князя, пешим или конным. Необходимо заготавливать корм для собак, развозящих по стране чиновников [цит. по Лим, с. 191].

Вероятно, необходимо сделать одно уточнение. Княжество Мацумаэ заставило всех вождей и старейшин айнов принести клятвенное обещание, носящее характер неукоснительного исполнения нижестоящих (в данном случае айнов) перед вышестоящими (то есть, японцами из княжества Мацумаэ). Тексту предшествует заголовок «Клятвенное обещание» (яп. *кисёмон-но кото* 起請文の事). Эта форма документа *кисёмон* 起請文 (а это явствует из монографии Такакура Синъитиро [Такакура, с. 67–68] или книги Эмори Сусуму [Эмори, с. 204–205], которые приводят текст без купюр), которую можно назвать «письменной присягой», «клятвенным обещанием», имеющим сакральный характер, появилась в японской истории к концу периода

Хэйан — началу образования первого сёгуната в Камакура (конец XI — начало XII вв.) [подробнее см. Климов В. Ю. 2001]. При этом призываются в свидетели синтоистские божества и будды, которые в случае нарушения присяги покарают отступника. Поэтому этот документ никак нельзя отнести к разряду договора или соглашения. Мнение старейшин айнов могли и выслушать, и даже принять во внимание из расчета избежать в будущем подобных ситуаций, но только договариваться или искать у них согласия на то или иное решение у представителей княжества Мацумаэ не было.

Кроме того, следует прокомментировать шестой пункт, имеющий важное значение для айнов, поскольку определяется курс обмена японских товаров на айнские. В нем говорится: «[б] Отныне один мешок риса будет продаваться за 5 шкурок [зверя] или 5 связок сушеной рыбы». В переводе российской исследовательницы говорится о лососе. В тексте, цитируемым Эмори на старояпонском языке, я этого не обнаружил, но действительно речь идет, по всей видимости, о сушеном лососе. Однако один мешок риса меняется не на одну связку сушеной рыбы, а на пять (то есть 100 штук, иными словами, в одной связке должно быть по 20 рыбин). Эмори в

комментарии к этому пункту говорит, что мешок риса, предназначенный для обмена, будет вместимостью 8 *сё* (один *сё* 升 равен 1,8 л). Но в самом документе вместимость мешка не указана, видимо, японский исследователь пользуется другими данными.

В торговле же с айнами использовалась такая единица, как «варварский мешок» (яп. *эдзодавара* 蝦夷俵), который был гораздо меньше по объему и составлял порой примерно половину от мешка, что использовался на территории собственно Японии, то есть где-то два *то*. В начале XVII в. один «варварский мешок» при торговых сделках обменивался на пять связок (яп. *госоку* 五束) сушеной кеты (яп. *карадзакэ* 干鮭). В связке было 20 сушеных рыбин кеты, соответственно в пяти связках — 100. Однако стандарт долго не продержался. По мере того, как княжество Мацумаэ распространяло свое влияние и прямой контроль над айнами, все больше усиливался неэквивалентный обмен с местными жителями. Так, в 1669 г. вместимость мешка стала 7–8 *сё* риса (а не 8), но по-прежнему он обменивался на 100 сушеных рыбин кеты. В годы же правления Тэммэй 天明 (1781–1788) вместимость «варварского мешка» риса была определена в 8 *сё* и обменивался

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

он уже на 8 связок или же 140 сушеных рыбешек кеты или тихоокеанской трески (яп. *хидара* 干鱈). Пять же связок свежей кеты (100 рыбешек) приравнялось к одному мешку риса вместимостью 8 сё. Иными словами, одна тушка свежей кеты стоила где-то восемь сяку риса (1 сяку равнялся 1/100 сё, то есть 18 мл риса) [Миядзима, с. 82–83].

С. Ч. Лим приводит примеры беззастенчивого обмана японскими купцами айнов в более ранний период, во второй половине XVI в.: «...за кинжал айн должен был отдавать 12 сушеных лососей, но на самом деле он отдавал 14 рыбешек. Японец говорил: «Начинаем!» — и откладывал себе первую рыбу, затем продолжал счет — один, два и т. д., заканчивал считать 12, объявлял: «Конец» — добавлял еще одну рыбу. Причем использовали айнскую традицию счета десятками, а это значило, что следующая десятка опять начиналась таким образом. В итоге если айну необходимо было выложить за японский товар 30 сушеных рыбешек или связок засушенной морской капусты, то он должен был отдавать 36. В свою очередь торговцы отдавали свой товар туземцам без добавления «начала» и «конца». Бывали разные способы счета. И всегда торговля заканчивалась в интересах *сямо* (японцев, как их называли айны). Описывается

случай, когда японец утверждал, что айн продал ему не печень медведя (высоко ценившуюся японцами), а печень рыбы. Айны из гостеприимства не любили спорить, и в большой выгоде оказывались торговцы *сямо*. *Сямо* очень ловко и с большой выгодой использовали для себя и традиции айнов. Одной из них был обычай *цугунай*, означавший преподнесение подарка как компенсацию за причиненный ущерб. Таким способом айны могли мирно уладить конфликты, возникавшими между ними. Зная об этой традиции, японец, повредивший могилу отца айна, в ответ на требование последнего выплатить *цугунай*, считал демонстративно раскапывать могилу в поисках якобы доказательств. Опешивший айн сам отдал большой *цугунай*: осквернение могилы было для айнов наиболее тяжким грехом» [Лим, с. 158].

Поскольку на территории, контролируемой кланом Мацумаэ, невозможно было возделывать рис, то приходилось каждый год ввозить его в большом количестве с территории Японии, прежде всего с острова Хонсю. Так, к примеру, во второй половине XVII в. Мацумаэ закупало в год примерно 55000 мешков риса, что в пересчете на современные метрические единицы составляет 3300 т. Примерно 20% от этого объема шло на торговлю с айнами [Tezuka, p. 355].

Экономика княжества Мацумаэ базировалась в период Токугава на монопольной торговле с коренными жителями, разработке золотых приисков, поставке соколов сёгуну и его окружению. Номенклатура товаров не отличалась большим разнообразием. Помимо вышеперечисленных можно добавить: водоросль ламинария, шкуры калана, перья из хвоста орла, медвежьей шкуры. «По данным 1669 года, княжество получало значительные доходы от собственной торговли и от монопольного права на торговлю в Эдзо: доходы от княжеской флотилии в 8–9 лодок — 1000–2000 *рё*, от продажи соколов — 1000–2000 *рё*. Налоги на хозяйства, приходящие суда и путешественников составляли 600 *рё*» [Takakura, Harrison, p. 25; Лим, с. 176]. К концу годов правления Камбун (1661–1673) сокращается торговля перьями из хвоста орлов, прииски с золотым песком истощаются. Все это вынуждает правителей Мацумаэ заняться возникшими финансовыми проблемами.

С середины XVII в., особенно после поражения айнов в 1669 г. старейшин айнов стали приглашать в Мацумаэ для участия в церемонии приема их главой княжества Мацумаэ. Это стало их обязанностью. Во время регулярно проводимых приемов старейшины обязаны были поклясться в

верности и полной лояльности *даймё*. Сама церемония получила название по-японски *омэмие* 御目見得, а по-айнски *уимам* ウイマム. Торговля японцев с айнами приобрела две формы: 1) *уимам* и 2) *омуся* オムシヤ. Первая проводилась обычно по следующему сценарию. Вожди айнов из разных мест, по одиночке или группой, загрузив на судно произведенные ими товары, доставив их по назначению, проводили меновую торговлю. Если это был приамковский город Мацумаэ, то их приглашали на встречу с главой клана, старейшины преподносили ему подарки. После этого вели меновую торговлю с купцами и возвращались в свои поселения, именуемые *котан*. Ф. Ф. фон Зибольд, описывая эту форму торговли, отмечает, что японцы создавали таким образом рынки сбыта для своей продукции: «Привоз ограничивается предметами, употребляющимися у японцев в домашнем обиходе, как, например, одеждой, домашней утварью, съестными припасами (особенно рисом), табаком, *заки* (сакэ — В. К.) и соей. Впрочем, давно уже Айносы употребляют две последние статьи; потому что, когда начальник их является с данью в Мацумаэ, то для возвратных подарков выбирают именно эти две статьи, после аудиенции старшин и приличного им угощения. Создавая новые потребности, эта отрасль

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

промышленности должна скоро получить огромное развитие. Уже ввоз табаку и *заки* в Иезо (Эдзо — В. К.) очень значителен. Кроме того, туземцы охотно покупают грубые шерстяные материи, горшки, фарфор и медные изделия, необходимые для хозяйства, оружие и недорогие лаковые произведения» [Зибольд, с. 253–254].

По второму сценарию, наоборот, японцы (*сямо*) посещали поселения айнов и производили обмен товарами. Эта форма соотносится с меновой торговлей в участках, отведенных вассалам *даймё*. Само слово *омуся* этимологически восходит к айнскому языку и означает приветствие после продолжительной разлуки двух людей, находящихся в приятельских отношениях: «Давно не виделись!» Японцы таким образом по форме заимствовали традицию айнов, когда велась торговля на равных условиях и не навязывался неэквивалентный обмен силой. По содержанию же эта форма торговли превратилась в скрытую форму грабежа. После поражения восстания под водительством Сякусяина для усиления подчиненности старейшин айнов главе княжества Мацумаэ стали проводиться в обязательном порядке церемонии приема под названием *уимам*. Кроме того, и вассалы в «торговых участках», отданных им в кормление, жестче стали следить за

исполнением распоряжений княжества, именуемых *gohatto* 御法度. К примеру, был издан «приказ об изъятии мечей» (яп. *катанагари* 刀狩), «запрет на ввоз металлических изделий». Так, в сочинении «Различные записи из путешествия по востоку» (яп. *Тою дзакки* 東遊雜記), написанном Фурукава Косёкэн 古川古軒 (1726–1807) в 1789 г., сообщается следующее: «Отдано распоряжение кланом Мацумаэ не ввозить в земли варваров металлические изделия и не торговать ими без разрешения. Строжайше запрещается этим распоряжением продавать варварам клинки и ножи» [Цит. по Миядзима, с. 103].

Купцы-откупщики, княжество Мацумаэ и айны

Поражение восстания 1669 г. объективно усилило контроль японцев над айнами, а также привело к еще большей их зависимости от купцов-откупщиков [Cornell, p. 289]. На это время как раз приходится активное внедрение системы передачи на откуп торговых участков (яп. *басё укэоисэй* 場所請負制). Она оказала разрушающее воздействие на уклад жизни айнов. С этого времени богатые купцы из центральной части страны, бравшие на откуп у вассалов княжества Мацумаэ участки, предоставленные тем в кормление, стали посредниками в торговле с айнами. Как правило,

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

это были купцы из провинции Оми 近江 (ныне преф. Сига 滋賀 рядом с городом Киото, которая примыкает к озеру Бива 琵琶, самому большому пресноводному озеру в Японии). То, что в эту систему были вовлечены именно купцы из центральной Японии, не случайно. Еще со средних веков бизнесом по перевозке товаров, полученных в результате меновой торговли, занимались купцы, владевшие судами, задействованными в морских перевозках по Японскому морю из портов Цуруга 敦賀 и Обама 小浜. Это их суда совершали перевозки из порта Тоса-минато. С момента получения княжеством Мацумаэ права монопольной торговли с айнами купцы присутствовали в призамковом городе Мацумаэ, держали свои конторы в административном центре княжества. Именно на зафрахтованных у них судах (яп. *нидокобунэ* 荷所船) в основном перевозили товары из Хонсю в Мацумаэ и обратно морепродукты, меха и другие предметы такие, как «варварская парча», в вышеуказанные два порта на Японском море, а оттуда через озеро Бива в Киото и Осака. Сложился торговый маршрут, по которому товары, полученные у айнов на территории Мацумаэ, доставлялись на самый большой рынок Японии в столичном округе Кинки 近畿. Естественно, в морских перевозках

принимали участие и суда, принадлежавшие главе клана и его наиболее богатым и влиятельным вассалам. Помимо этого, купцы провинции Оми с конца XVII в. занялись экспортом части айнских товаров в Китай и Корею из порта Нагасаки, принося тем самым большие финансовые поступления в казну военного правительства в Эдо. На экспорт шли трепанг, морское ушко, акульки плавники, бурая водоросль *комбу* — всё в сушеном виде. Поскольку эти экспортные товары были упакованы в мешки, то возникло общее для них название «товары в мешках» (яп. *таварамоно* 俵物). Княжество Мацумаэ получало от подобных торговых операций немалые дивиденды. Военное правительство монополизировало торговлю «товарами в мешках». Поэтому, вероятно, можно считать торговлю этими же товарами княжеством Сацума с Китаем через посредника в лице королевства Рюкю контрабандой. Прежде сушеная семга была наиболее ввозимым товаром айнов на Хонсю. Однако с развитием технологии засолки стало возможным завозить в центральные районы Японии соленые семгу, горбушу, сельдь, треску. Эти продукты стали источником белка для малообеспеченных японцев. Кроме того, в центральном районе Кинки и в западной части страны с конца XVII в. в больших масштабах стали

выращивать такие сельскохозяйственные культуры, как сурепица с большим содержанием масла, хлопок, индиго. В качестве удобрения для этих полей широко использовался тук из сельди, привезенный из Мацумаэ. С конца XVIII в. во владениях княжества Мацумаэ стояли в ряд около 300 контор купцов из провинции Оми в портах Мацумаэ, Хакодатэ и Эсаси. Тогда в Мацумаэ было около 1500 домов с населением 6300 чел., в Эсаси — около 900 домов с населением 3100 чел., в Хакодатэ — 400 домов с населением 2200 чел. [Миядзима, с. 106]. Поэтому в начале XVIII в. многие из купцов провинции Оми брали на откуп ведение бизнеса, принадлежавшего вассалам дома Мацумаэ. Но к концу XVIII в. вместо них появились купцы, ориентированные на Эдо. Они стали перевозить товары на крупных судах более современной конструкции, типа *китамаэбунэ* 北前船 и *бэндзайбунэ* 弁財船. Сложилось таким образом два маршрута торговли с портами южной части Хоккайдо, находившимися под контролем и управлением клана Мацумаэ: 1) западный (яп. *ниси мавари* 西廻り) по Японскому морю вплоть до Нагасаки и далее по Внутреннему Японскому морю до Осака и Хёго и 2) восточный (яп. *хигаси мавари* 東廻り) — от портов в южной части Хоккайдо

вдоль тихоокеанского побережья Тохоку до Эдо, столицы военного правительства [Walker, p. 178].

Таким образом, торговые участки, полученные вассалами дома Мацумаэ вместо лена, стали отдаваться на откуп купцам. Последние платили откупные самураям (яп. *ундзёкин* 運上金). На участках обустраивались торговые конторы (яп. *ундзёя* 運上屋). Хвостов и Давыдов называли их *магазинами* (ударение на второй слог) и означало амбары, склады, где хранились сакэ, рис и продукция, произведенная айнами. Когда военное правительство взяло под управление земли айнов, эти конторы стали называться *кайсё* 会所. С начала XVIII в. по всему побережью, где проживали айны, появились купцы, которые стремились как можно быстрее вернуть себе деньги, потраченные на выкуп участков, и получить сверхдоходы, мало заботясь о проживавших там айнах, которые из бывших некогда владельцев общинных земель превратились в дешевую рабочую силу. Купцы воспользовались финансовыми затруднениями княжества Мацумаэ и, по сути, вместе с долгами князя и его вассалов выкупили у них участки, где айны занимались рыбным и другими промыслами, полностью подчинив их себе. В 1793 г. на Хоккайдо по берегу Японского моря насчитывалось 44 таких участка, а на берегу

Тихого океана — 32 [Миядзима, с. 109]. К концу XVIII в. купцы-откупщики обрели большое влияние на администрацию княжества, приступив к переселению айнов из нажитых со старых времен поселений на места рыбного промысла на берегу моря, где не хватало рабочих рук. В опустевших айнских деревнях оставались только старики, дети и больные, которые не способны были работать. Так, например поступили с айнами, проживавшими в поселениях на берегах реки Сару 沙流 в восточной части Хоккайдо: для занятий рыбным промыслом их переселили в Аккэси, что находится на расстоянии более 350 км от прежнего места проживания. Та же судьба постигла и айнов, проживавших изначально по берегам реки Исикари 石狩: их переселили в участок на берегу моря в устье одноименной реки. Айнов из поселений Абасири 網走 и Сяри 舍利 насильно переселили на остров Кунашир, а айнов из Юфуцу 勇払 (ныне г. Томакомаи 苫小牧) — на Сахалин. С возникновением и укреплением системы купцов-откупщиков айны превратились в бесправную рабочую силу, которую можно было перемещать из одного места в другое, не считаясь с желаниями последних.

С возникновением системы откупа промысловых участков, учитывая весь предыдущий опыт общения с местным населением, был создан эффективный механизм управления айнами. Для контроля за работой айнов на всех участках, отданных на откуп купцам, находились 1) управляющий торговой конторы (яп. *сихайнин* 支配人) — на нем лежала вся ответственность за состояние дел в конторе; 2) переводчики (яп. *цудзи* 通辞, также 通詞, 通事), они переводили с айнского на японский (айнам запрещалось учить японский язык и говорить на нем), а также были участниками переговоров, а не только переводчиками [Сасаки, с. 232]; 3) бухгалтеры, ведущие учет торговых операций (яп. *тёяку* 帳役); 4) охранники (яп. *баннин* 番人), которые несли караульную службу на посту (яп. *банъя* 番屋) и непосредственно следили за четким исполнением различных работ айнами [Сасаки, с. 231]. Немалую роль в колонизации земель айнов играли переводчики из числа японцев. Алпатов отмечает, что вплоть до второй половины XIX в. айнский язык оставался стабильным, поскольку айны мало контактировали с японцами. Более того, «им даже запрещалось говорить по-японски. Японцы издавна относились к своим соседям с презрением, многие рассказы об айнах среди японцев обыгрывали звуковое

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

сходство в японском языке слов «айну» и «ину» (собака). [...] Жесткой была [...] языковая политика. Айнский язык так и не получил письменности» [Алпатов, с. 116]. Их стали учить японскому языку лишь с 1900-х гг. Бывало так, что в одном лице был и купец-откупщик, и переводчик, который хорошо понимал айнский язык и нравы, обычаи айнов [Сасаки, с. 232–235].

Но в этот механизм контроля и принуждения включена была и верхняя прослойка айнов, которых именовали «варварами на службе» (яп. *якуидзин* 役夷人). В этом проявилась традиционная политика «управлять варварами с помощью варваров». К ним относились 1) старейшины (*отона* 乙名); 2) помощник старейшины (*вакиотона* 脇乙名); 3) секретари (*кодзукаи* 小使); 4) ветеран (*мияэтори* 土産取). Они по распоряжению главы княжества или уполномоченных на то лиц состояли на содержании у купцов-откупщиков и получали оплату у них. Старейшинами были главы айнских поселений, помощники старейшин занимали в айнской иерархии второе место, в обязанность так называемых секретарей входило извещать, доводить до сведения людей поселения, своих одноплеменников распоряжения старейшины,

вождя, а также контролировать исполняемую работу. Все они не были задействованы непосредственно в работах, сидели в купеческой конторе, выполняли управленческую, канцелярскую работу, следуя распоряжениям японского управляющего. К ветеранам (так мы их можем назвать) относились заслуженные айны, оставившие службу по объективным причинам, по рангу они относились к старейшинам, вышедшим на покой. Они состояли на довольствии в японских конторах, во время проведения церемонии *омуся* получали от японского управляющего подарки. Отсюда и произошло название этих айнов — «принимающие подарки» (яп. *миягэтори* 土産取), в нашем переводе *ветеран*, исходя из общего смысла этого поста, который носил характер декоративный, пропагандистский и давался за непорочную службу. К концу XVIII в. повсеместно во всех айнских поселениях была введена должность старейшины — *отона*.

В первой половине XVIII в. княжество Мацумаэ отказывается от принципа отправки только одного судна летом в торговый участок: было дано разрешение на увеличение количества кораблей. Соответственно в казну клана стало поступать гораздо больше налогов. Стали использовать айнов как дешевую рабочую силу при

вылове красной рыбы, сельди, переработки иглокожих трепангов, сбора морских водорослей. Эти товары из портов Эсаси, Мацумаэ и Хакодате на кораблях перевозились на посреднический рынок в Цуруга и далее центральный район Хонсю, где находятся города Киото и Осака. Трепанг, или морской огурец, и морские ушки были заметной статьей экспорта в цинский Китай. Кроме того, переработанная рыба в качестве удобрения в большом количестве перевозилась на заливные рисовые поля. Увеличившиеся объемы перевозок привели к тому, что японцы перешли к судам более современного типа, которые могли уже плавать против встречного ветра и с меньшим экипажем.

В 1799 и 1807 гг. военное правительство последовательно перевело земли, контролируемые княжеством Мацумаэ, под свой прямой контроль в связи с изменившейся международной обстановкой — сначала восточные, затем западные. *Бакуфу*, чтобы иметь точное представление о землях, населенных айнами, стало отправлять малочисленные экспедиции, которые начали работу по составлению точных карт местностей, изучение привычек, традиций, обрядов, религиозных представлений, праздников, мест обитания коренных жителей, родов их

деятельности, торговых маршрутов и особенностей ведения торговли айнами.

Продвижение княжества Мацумаэ на южные острова Курильской гряды и Сахалин

Предваряя публикацию исследований истории отношений японцев с айнами на Сахалине и Курильских островах, хочется остановиться только на одном примере, который наиболее выпукло отражает разницу подходов освоения новых территорий русскими и японцами. Японцы, приступившие к освоению южных островов Курильской гряды, обратили внимание, что русские продают айнам огнестрельное оружие, не боясь того, что оно может быть повернуто против них. Кондо Дзюдзо, имевший опыт инспекционных поездок по южным Курилам, в 1804 г. в сочинении «Картографическое исследование приграничного размежевания» (яп. *Хэнъё бункай дзуко* 辺要分界図考) сделал зарисовку айна по имени Тюпука *チュプカ*, снабдив записью: «Говорят, что ружья, порох и пули [они] получают от русских». В рапорте Д. И. Чичерина императрице Екатерине II о пребывании якутского посадского на Курильских островах в 1760–1764 гг., хранящегося в Российском государственном архиве древних актов, сообщается, что Егор Новиков, якутский

посадский, «был на первом, втором, пятом, седьмом и десятом Курильских островах, где, обращаясь, познакомился с их тоёнами и старшиною и несколько их дарил ружиом* и протчими разными вещами, чему они были очень ради и благодарили, и напротиву того и сами по их обычаю отдаривали и те, данные им в подарок, российские вещи похваляли, што оные гораздо японскаго дела лутче». Слово «ружьё» отмечено звездочкой и под документом дано подстрочное примечание Екатерины: «Чтоб впредь огненного оружия в подарки тем диким народам не возили от меня запрещено» [Русские экспедиции, с. 96]. Но, по-видимому, запрет Екатерины, во всяком случае с ревностью, не исполнялся. И свидетельство тому можно найти в другом японском письменном источнике «Дело о повторном разбое русских на [землях] эдзо» (яп. *Родзин сайряку эдзо* 魯人再掠蝦夷), хранящемся в Историографическом институте Токийского университета. В нем сообщается о задержании группы айнов, которых прибило к берегам, находящимся под контролем японцев. При них были ружья и боеприпасы, они крестились и вели себя как русские. Естественно, оружие и боеприпасы были конфискованы. О дальнейшей судьбе задержанных айнов ничего не сообщается [Климов 2013, с. 129–148]. Разница в подходах

относительно продажи огнестрельного оружия, по всей видимости, показывает, что русские довольствовались тем, что им платили необременительный налог в форме ясака и признавали верховенство русского царя. Японской стороне этого было явно недостаточно. Поэтому можно считать, что передача/продажа огнестрельного оружия была лакмусовой бумажкой, определяющей отношение к айнам, потому что оружие могло быть использовано также и для защиты своих прав в случае возникновения конфликта. В этой связи будет уместным привести цитату из сочинения «Общий обзор трех стран с приложением карт» (яп. *Сангоку цуран дзусэцу 三国通覧図説*), написанного Хаяси Сихэй: «Русские при своих контактах с айнами не используют оружия, не проявляют зверства, а поскольку Эдзо — страна холодная, они кормят их черным перцем, помогая преодолеть холод, дают им одежду на вате, оберегающую от холодного воздуха, а также кормят их сладким сахаром, поят крепким сакэ, тем самым ублажая аппетиты айнов, грохочут пушками, демонстрируя свое величие. Таким образом, они применяют искусство приручения варваров к себе военными и словесными средствами» [цит. по: Щепкин 2017, с. 321–322].

Что касается истории отношений японцев с айнами на Сахалине, можно привести развернутое по этому поводу размышление Л. И. Шренка (1826–1894), академика, выдающегося исследователя Сибири и Дальнего Востока: «Но как первоначально ни были ничтожны по числу и размерам японские колонии на Сахалине, все-таки ближайшим последствием их основания было то, что часть Аинов сейчас же стала в зависимость от Японцев — и вот каким образом: Японцы, для производства в больших размерах столь выгодной по берегам Сахалина рыбной ловли, принуждены были прибегать к помощи Аинов. Приискать себе между ними работников безо всякой платы, только за пищу и одежду, было Японцам весьма нетрудно, так как при беззаботности, с которою отличаются все первобытные народы, между Аинами всегда было достаточно людей, терпевших крайнюю нужду вследствие истощения запасов, в недостаточном количестве заготовленных ими на зиму. Раз завербованные Японцами, Аины теряли уже всякую возможность когда-либо возвратиться к самостоятельному труду; вследствие получаемых от Японцев небольших ссуд, они делались их должниками, затем связывались помощью разного рода обещаний — и, таким образом, вообще под гнетом народа, превосходящего их в культурном отношении и хорошо знакомого с их слабостями

еще по острову Ессо. Аины в короткое время становились в полную зависимость от Японцев, — мало того, даже делались просто их рабами. Поэтому весьма справедливо замечает Шмидт, что работа Аинов на Японцев, сначала добровольная, впоследствии превратилась в принужденную. Отсюда понятно, что последние, чтобы заручиться своими рабочими, старались удержать их поблизости, и что таким образом вокруг японских колоний собралась масса зависимого от них аинского населения, которое образовало здесь целые деревни, тогда как прежние селения его опустели» [Шренк, с. 76].

Список источников и литературы

1. Алпатов В. М. Япония: язык и общество. М.: Муравей, 2003. 208 с.
2. Грачев М. В. Хаято и эмиси в системе мировосприятия столичной знати эпохи Хэйан // История и культура Японии 11 / Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока и античности; под ред. И. С. Смирнова; отв. ред. А. Н. Мещеряков. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2018. С. 42–56.
3. Зибольд Ф. Путешествие по Японии, или Описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. Перевод В. М. Строева. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Типография А. Дмитриева, 1854. 307 с.

4. Климов А. В. Изучение острова Сахалина японскими исследователями // Вопросы японоведения = Issues of Japalogy. №3. Материалы научной конференции, посвященной 140-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете. Ноябрь 2010. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 95–124.
5. Климов В. Ю. Письменная присяга в средневековой Японии // Кюнеровские чтения (1998–2000). Краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 75–79.
6. Климов В. Ю. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] эдзо» 「魯人再掠蝦夷」 (Родзин сайряку Эдзо) // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 129–148.
7. Кудояров В. Н. Становление торговли морепродуктами таварамоно в Японии в XVII–XVIII вв. // Вопросы японоведения = Issues of Japalogy. №3. Материалы научной конференции, посвященной 140-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербургском университете. Ноябрь 2010. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2010. С. 146–163.
8. Левковская А. Ю. История народа айну и их современное положение // Вестник Сахалинского музея. № 17. Южно-Сахалинск, 2010. С. 195–208.

9. Лим С. Ч. История взаимоотношений айнов и японцев в период раннего феодализма в Японии (до XV в.) // Вестник Сахалинского музея, № 15. Южно-Сахалинск, 2008. С. 139–168.
10. Лим С. Ч. История айнского сопротивления японской экспансии в 1669–1789 годах в Эдзо // Вестник Сахалинского музея, № 17. Южно-Сахалинск, 2010. С. 169–193.
11. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. В 2 тт. Т. 2. Ч. 1. Отношение к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио: То:ё: инсацу кабусики кайся, 1909. 177 с.
12. [Попов К. А.] Свод законов «Тайхорё» 702–718 гг. I–XV законы / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментариев К. А. Попова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 368 с.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 400 с.
14. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.
15. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. Части географически-историческая и антропо-

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

этнологическая. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1883. 324 с.

16. Щепкин В. В. Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку Хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867); дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
17. Щепкин В. В. Япония и варвары: влияние традиционной китайской геополитической модели на восприятие японцами сопредельных стран // История и культура традиционной Японии 4 / Российский гос. гуманитар. ун-т; отв. ред А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011. С. 49–58. (Orientalia et classica: труды института восточных культур и античности. Выпуск XXXIX.
18. Щепкин В. В. Первые миссионеры в землях айнов (1618–1622) и их наследие // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 200–207.
19. Щепкин В. В. Айны как «другой» Японии в сочинениях мыслителей XVIII в. // История и культура традиционной Японии 10 / РГГУ. Ин-т восточных культур и античности; под ред. И. С. Смирнова; отв. ред. А. Н. Мещеряков. СПб.: Издательский дом «Гиперион», 2017. С. 222–232.
20. Щепкин В. В. Северный ветер. Россия и айны в Японии XVIII века. М.: Кругъ, 2017. 392 с. (Новые исследования по японской культуре. Кн. 4).

21. [Кондо Дзюдзо] Кондо: Дзю:дзо: эдзоти канкэй сирё: 近藤重蔵蝦夷地関係史料 (Исторические материалы Кондо Дзюдзо, имеющие отношение к землям айнов). Т. 1. / То:кё: дайгаку сирё: хэнсандзё 東京大学史料編纂所 (Историографический институт Токийского университета). Токио, 1984. 356 с. (Дайнихон кинсэй сирё: 大日本近世史料 (Исторические материалы Великой Японии периода кинсэй)).
22. Миядзима Еосимицу 宮島利光. Айну миндзоку то Нихон-но рэкиси アイヌ民族と日本の歴史 (Народ айну и история Японии). Токио: Санъити сёбо 三一書房, 1996.
23. Сасаки Тосикадзу 佐々木利和. Айнуси-но дзидай-э. Ёрэкисё: アイヌ史の時代へ・余瀝抄 (Навстречу эпохе истории айнов: собрание из разбрызганных капель). Саппоро: Хоккайдо: дайгаку сюппанкай 北海道大学出版会, 2013. 406 с.
24. Сата мирэнсё 沙汰未練書 (Наставления неискушенным в судебном процессе) // Тю:сэй хо:сэй сирё:сю: 中世法制史料集 (Собрание документов по средневековому праву). В 6 тт. Т. 2. Токио, 1979. С. 352–361.
25. Такакура Синъитиро 高倉新一郎. Симпан Айну сэйсакуси 新版アイヌ政策史 (История политики по отношению к айнам. Новое издание). Токио: Санъити сёбо: 三一書房, 1972. 623 с.

26. Эмори Сусуму 榎盛進. Айну миндзоку-но рэкиси アイヌ民族の歴史 (История народа айнов). Ураясу 浦安: Со:фу:кан 草風館, 2008. 675 с.
27. Cornell, John B. Ainu Assimilation and Cultural Extinction: Acculturation Policy in Hokkaido // *Ethnology*, Vol. 3, No. 3 (Jul. 1964). Pp. 287-304.
28. Sawada Sho. Financial Difficulties of The Edo Bakufu // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol 1. No3/4/ (Nov. 1936). Pp. 308-326.
29. Takakura Shinichiro and Harrison John A. The Ainu of Northern Japan. A Study in Conquest and Acculturation // *Transactions of American Philosophical Society, New Series*. Vol. 50, No 4 (1960). Pp. 1-80.
30. Tashiro Kazui; Susan Downing Videen. Foreign Relations during the Edo period: Sakoku Reexamined // *Journal of Japanese Studies*, Vol. 8, No 2. (Summer, 1982). Pp. 283-306.
31. Tezuka Kaoru. Long-Distance Trade Networks and Shipping in the Ezo Region // *Arctic Anthropology*, Vol 35, No. 1, North Pacific and Bering Maritime Societies: The Archaeology of Prehistoric and Early Historic Coastal Peoples (1998). Pp. 350-360.
32. Walker, Brett, L. Reappraising the “sakoku” paradigm: the Ezo trades and the extension of Tokugawa political space into Hokkaido // *Journal of Asian History*. Vol. 30, No 2 (1996). Pp. 169-192.

Глава 2. Православные айны: христианизация как способ распространения российского влияния на Курильских островах и Сахалине

(М. В. Осипова)

Как известно, продвижение России на Восток в XVI–XVIII вв. было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. С точки зрения экономики страна получала большое количество ценной валюты — мехов (в указах Петра I сборщикам ясака предписывалось взимать его только мехами — «мягкой рухлядью», денежный ясак строго запрещался), залежи полезных ископаемых, среди которых были серебро и золото. В политическом аспекте — перед Россией открывались пути в азиатские страны, что способствовало ее укреплению как мировой державы, новые торговые маршруты и развитие торговых отношений с соседними государствами.

Освоение территорий в зоне Тихоокеанской России имело определенную специфику. Здесь было явное преобладание аборигенного населения и для того, чтобы сотрудничать с местными

жителями вновь освоенных территорий, скупать у них пушнину и обеспечивать ее бесперебойную поставку государству, русским землепроходцам и первым поселенцам пришлось изучать их языки и обычаи. Учтя опыт покорения Сибири, когда в экспедиционный отряд входил священник, проповедовавший, в основном, участникам похода и зачастую, не осуществлявший миссионерской деятельности, на дальневосточные земли России, к которым относились Курильские острова и о. Сахалин, представители духовенства отправлялись теперь уже с определенной целью. Русская православная церковь (РПЦ) должна была принимать активное участие в христианизации и просвещении местных жителей, ведь как показала практика, обращение инородцев в православную веру и их русификация способствовали распространению российского влияния на присоединенных территориях. Этим людям необходимо было включить в состав народов Российской Империи, сделать полноправными гражданами страны, подчинявшихся законам Российского государства.

Тема христианизации аборигенов Сахалина и Курильских островов — айнов фрагментарно затрагивалась в работах авторов, которые рассматривали проблемы, связанные как с

историческими, так и с церковными событиями, имевшими место в дальневосточном регионе. Так, например, в трудах С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, Г. И. Давыдова по истории освоения дальневосточных земель можно найти упоминание о той роли, которую играла РПЦ на вновь открываемых территориях. Среди зарубежных авторов – это, прежде, всего, Могами Токунай, А. Гублер, С. Коллер, Р. Порталь. Есть сведения относительно деятельности православной церкви в книге С.Б. Окуня, посвященной политике царской России на Дальнем Востоке. В целом ряде статей В. О. Шубина о деятельности Российско-Американской Компании предлагаются отдельные сюжеты исторических событий, связанных с пребыванием православных священников на территории Русской Америки и прилегающих к ней островах. Информацию об истории образования и миссионерской деятельности Камчатской епархии, в ведении которой на определенном отрезке времени находились Курильские острова, можно почерпнуть из исторических записок современника святителя Иннокентия (Вениаминова) протоиерея П. В. Громова. Эту же тему затрагивали в своих статьях ученые-историки Б. И. Полевой, С. И. Вахрин, А. Р. Артемьев, А. А. Ипатьева, о православии на Сахалине писала Н. В. Потапова. О том, как шел процесс христианизации инородцев

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

России можно прочитать в клерикальных периодических изданиях, таких как «Миссионерское обозрение», «Церковно-общественный вестник» и т. д. Но по ряду причин, тема христианизации аборигенного населения Курильских островов и Сахалина пока не получила должного освещения и осмысления в исторической науке. Авторы, к сожалению, ограничивают свои исследования хронологическими рамками второй половины XIX и первой половины XX вв., когда обозначенные территории уже перешли под юрисдикцию Японии, хотя остается еще много «белых пятен» в затрагиваемой теме и в более ранний период.

История российского присутствия на Курилах начинается в 1711 г., когда сподвижнику первооткрывателя Камчатки В. В. Атласова (ок.1661/64–1711) И. П. Козыревскому (1680–1784) было предписано «идти для проведения островов курильских» [14, с. 12]. В начале XVIII в. на 21 открытом острове гряды постоянное население было лишь на нескольких: из северных и центральных — на Шумшу, Парамушире, Симушире, Расшуа, Ушишире и Урупе, из южных — на Итурупе, Кунашире и Шикотане. К 1736 г. все острова до о. Итурупа стали частью Российского государства, а населявшие их

жители — российскими подданными, которые платили в российскую казну ясак [2, с. 677]. Три южных острова к концу XIX в. фактически находились в ведении Японии.

Сведения того времени о численности коренных жителей островов весьма приблизительны. Причиной этому служило их постоянное перемещение с одного острова на другой, в основанных ими поселениях *котан* они подолгу не жили, следуя за своей промысловой удачей. Имеющиеся сведения того времени основаны на записях ясачных сборщиков и участников экспедиции сотника И. Черного. Так, согласно переписи 1766 г. на 1, 2 и 14 островах, принадлежащих России, проживало 262 человека. Из письма кабинета Её Императорского Величества становится известно, что в 1789 г. живущих на Курильских островах инородцев и плативших ясак — 132 души. По-видимому, в это количество не включались женщины и дети. В. М. Головнин (1776–1831), совершив путешествие на Камчатку в 1802–1811 гг. утверждал, что «на всех Курильских островах, России принадлежащих, число жителей обоего пола и всякого возраста не превышает полутора ста человек...», по другим же сведениям, к 1812 г. все население российских Курил насчитывало 62 человека. Такое сокращение

численности населения можно объяснить прокатившейся по островам эпидемией. В сентябре 1768 г. из Охотска на Камчатку была завезена оспа, которая проникла и на Курильские острова. В метрических книгах того времени записано, что количество умерших туземцев Камчатки и Курил составляло 5053 человек. По данным 1831 г. на Шумшу проживало 20 человек, на Парамушире — 50 и на Матуа — 15. И последние сведения о населении островов — это 97 человек, «природных жителей» 5-го острова Шиашкотана [24, с. 35; 13, 430]. Все вышеприведенные цифры указывают на малочисленность аборигенного населения островов, что впоследствии часто являлось препятствием к назначению священника на Курилы.

Вновь присоединяемые дальневосточные земли вначале попадали в ведение Тобольской епархии и священников, которые отправлялись ею на Камчатку. Затем с 1727 по 1840 гг. Камчатка и Курилы перешли под управление Иркутской епархии. Для того, чтобы закрепить за Россией острова и внушить их населению верноподданнические идеи к обретенному царю и империи, что было закреплено Сводом Законов, на церковь была возложена миссия «просвещения инородцев святым крещением» [30].

С 1734 г. начался процесс активной христианизации местного населения — айнов, однако этот процесс не был легким. Суровые природные и климатические условия (например, морской офицер Г. И. Давыдов (1784–1809) так описывал эту землю: «Вид земли сей самой дикой и во многих местах виден был снег. Весь берег казался состоящим из высоких остроконечных гор» [15, с.163]), отдаленность островов друг от друга, опасные течения в проливах между ними, малое количество священнослужителей церковью Камчатки, которые вынуждены были надолго задерживаться на островах, не имея возможности вернуться на полуостров после исполнения треб на Курилах — это те трудности, с которыми столкнулись проповедники Камчатки, пытавшиеся достичь Курильских островов. В конце концов, миссия крещения островитян была возложена на мирянина, казака, имевшего чин сына боярского Матвея Новограбленного, сборщика ясака.

Первыми приняли крещение жители Парамушира. По свидетельству протоиерея Громова «в 1740 году, чрез дозволенное мирянину крещение он (Новограбленный — *прим. авт.*) собрал в церковь Христову 122 души сих простодушных островитян» [14, с. 23]. После М. Новограбленного на Шумшу и Парамушире побывал камчатский

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

священник Ермолай, воспользовавшийся плаванием туда экспедиции М. П. Шпанберга (1696–1761). Священнослужитель находился на островах в течение двух месяцев, морские офицеры оказывали ему помощь в крещении аборигенов. Отец Ермолай, по его словам, окрестил «почти всех, исключая человек десяти, самых безтолковых, ничего не понимающих», окрестил супругов, доставленных М. П. Шпанбергом с Шиашкотана, обучил всех читать молитвы. При крещении айны принимали фамилии тех, кто их крестил, так на островах появились Шпанберги, Новиковы, Сторожевы, Новограбленые, Соловьевы, Красильниковы [24, с. 34].

Прибытие на Камчатку миссии архимандрита Иосафа Хотунцевского (ок. 1700–1759) послужило процессу активизации распространения православной веры среди аборигенов северных Курил. К тому времени крестившихся курильцев насчитывалось 174 человека. В 1746 г. на островах побывал священник Филипп Волков, в следующем году иеромонах Иоасаф Свияжцев посетил Шумшу и Парамушир. К 1749 г. на двух первых островах все 208 жителей были крещеными. С. П. Крашенинников (1711–1755) писал: «Христианство распространилось теперь к северу до коряков, а на юге до третьего Курильского

острова». Согласно автору, это остров Ширинки [18, с. 441].

Не стоит, конечно, идеализировать образы камчатских священнослужителей, которые, порой, не забывали и себя, требуя от айнов ценные меха. Однако, большинству из этих людей, отправлявшихся в опаснейшее путешествие, по свидетельству митрополита Нестора, было нелегко исполнять возложенные обязанности, так как им «приходилось быть врачом не только душ, но и телес человеческих» [20, с. 66].

В те же годы на Камчатке свои научные изыскания вел Г. В. Стеллер (1709–1746). Его возмущали бытующие среди аборигенов нормы брака, которые входили в противоречие с принятыми в христианстве морально-этическими нормами. Именно в православной церкви он видел ту силу, которая могла бы привить местному населению нравственные черты, о чем он сообщил в своей записке российскому правительству. Еще одним из главных пороков инородцев, по его мнению, было поклонение их языческим богам. Г. В. Стеллер предложил судьбоносное по тем временам решение — открыть для местного населения церковно-приходские школы. Они бы решили бы проблему русификации аборигенов, с тем, чтобы устранить языковой барьер между

русскими и инородцами. Учреждение школ было необходимо и потому, что их выпускники впоследствии сами бы могли стать священниками, и тогда решилась бы еще одна проблема — проблема церковных кадров. Спустя век эти положения были изложены востоковедом, педагогом-миссионером Н. И. Ильминским (1822–1892) в его системе образования инородцев, где говорилось, что «...необходимо точно и строго утвердить систему инородческого образования <...> полезно будет учредить у них учителей и пастырей из среды их же самих» [14, с.30–32; 17, с. 9–10, 35].

На Камчатке усилиями миссии для детей инородцев стали открываться школы. Не были обойдены вниманием и Курилы. В 1747 г. айны обращаются к архимандриту Хотунцевскому с просьбой прислать на острова священника «для утверждения их в новой вере» и учителя, чтобы обучать айнских детей грамоте. Священник прислан не был, а вот школу в 1749 г. на Шумшу открыли. Учителем туда был назначен казак Шергин, в прошлом сборщик ясака. Он мог свободно изъясняться на айнском языке и знал обычаи и привычки аборигенов. Помимо своих прямых обязанностей, ему было разрешено проводить обряд крещения новорожденных. Однако из-за злоупотребления своими

полномочиями в 1752 г. он был смещен местными жителями со своего поста. После Шергина в качестве учителя в школе трудились казаки Бережной и Рожнов. После Рожнова учителями уже были ее выпускники. Вскоре в 1753 г. два первых острова навестил большерецкий священник Михаил Сивцов, который крестил на Шумшу 27 человек, а в 1756 (1757?) г. на острове приказчиком Семеном Кузьмичем Ломом была построена часовня в честь Св. Николая Чудотворца, которую, по словам протоиерея П. В. Громова (1801–1880), иеромонах Пахомий, руководивший в те годы миссией, «старался привести в благолепное состояние» [14, с. 48]. Там стали проводиться и школьные занятия. Курильская школа просуществовала с перерывами почти сто лет. Вплоть до ее закрытия в 1785 г. в ней постоянно обучалось не менее 17 мальчиков. Часовня же, по словам А. С. Полонского, действовала и в следующем веке. Всего же курильцев, принявших православие, насчитывалось в 1800 г. 164 человека — 77 мужчин и 87 женщин [24, с. 36–37]. Однако, несмотря на столь очевидные успехи, содержание камчатских и курильской школ было слишком затратным для казны, и правительство приняло решение их закрыть. С 1780 г. упоминаний о школе на Курилах нет.

Забегаая вперед, хочется отметить, что школа полностью выполнила возложенные на нее задачи — вырастила целое поколение курильских айнов, воспитанных в православной вере, решила проблему наставников, первым из которых был айн Притчин, и практически русифицировало население северных островов, люди впитали русскую культуру. Подтверждением этому могут служить записи, оставленные В. М. Головным, обошедшим на своем шлюпе «Диана» все Курильские острова. Сошедшие на берег Кетоя мичман Ф. Ф. Мур и помощник штурмана Средний на горе увидели остатки деревянного креста, на котором было вырезано слово «Бог». На Ушишире они встретили местных жителей, мужчин и женщин, которые говорили по-русски и знали, по их словам, русскую грамоту, все они были крещенные, все носили на шее кресты или маленькие образа в кожаных мешочках, у всех были русские имена, например, старейшину острова звали Максим Усов. На Симушире офицеру Рудакову был задан вопрос: «Русские ли вы и тому же служите белому царю?». Но самая примечательная встреча произошла на Расшуа, где офицерам была продемонстрирована выданная иркутским губернатором грамота «с изображением герба Российской империи, в коей обнадеживались жители в покровительстве со стороны российского

правительства». Жители северных островов, по словам Головнина, подчеркивали свое российское подданство, называя себя принятым в Российской Империи названием «курильцы». Тех же, кто населял южные острова, они именовали «мохнатыми», и когда в разговоре участники экспедиции называли южан «курильцами», то северяне «с некоторыми знаками неудовольствия или удивления возражали: какие они курильцы? Мы курильцы!» [13, с. 382–392, 412].

Сам факт совершения крещения еще не означал, что новокрещенные безоговорочно воспринимали христианское вероучение. Получив русские имена и фамилии, коренные жители Курильских островов все-таки не забывали и своих прежних религиозных воззрений, основанных на сплаве анимизма, тотемизма и шаманизма. В свое время капитан В. М. Головнин утверждал, что «наши курильцы... держатся старинных своих обычаев и веры, но перед русскими притворяются, что они христиане, носят на шее кресты и образа и молятся богу по-нашему» [13, с. 430]. Однако от крещения люди не отказывались. Бытует мнение, что это происходило из-за того, что их привлекал сам обряд, позволявший получить покровительство еще и русских святых, и, во-вторых, бесплатная раздача подарков — рубах, нательных крестов и др.

Возможно, что на первых порах это имело место. Но впоследствии выбор людей в пользу православия, на наш взгляд, был совершенно сознательным. Ведь они ассоциировали себя с Россией. Тот же Г. И. Давыдов свидетельствовал, что встреченные им между Парамуширом и Оннекотаном айны говорили по-русски и имели русские деньги. На вопрос, откуда у аборигенов русские ассигнации, он услышал, что к ним приезжают «всякий год Руские из Камчатки для сбора ясака и для мены кож звериных» [15, с. 165]. Они платили ясак в русскую казну, являясь подданными России, их посещали экспедиции русских моряков, гарантируя защиту от внешних врагов, им была пожалована грамота Императрицы Екатерины, дети айнов, пока на островах не было своей школы, уезжали учиться на Камчатку, где их считали полноправными членами общества.

К 1759 г. границы будущей Камчатской епархии продвинулись к Американскому континенту. Посещения курильской паствы камчатскими священниками до 1828 г. оставались более или менее регулярными. С 1767 г. на островах побывали дважды протоиерей Стефан (Никифоров), его сын протоиерей Никифор, паратунские священники братья Федор и Роман Верещагины. Сама личность священника играла

большую роль в том, что люди охотно принимали православие. И если французский мореплаватель Ф. Лаперуз отозвался об о. Федоре (Верещагине), как о не слишком образованном, то помощник хирурга Д. Самвелл, участник экспедиции Д. Кука (1728–1779), вспоминал об о. Романе (Верещагине) (1735–1801) с большой теплотой. Он писал: «ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской [Пенжинского берега] и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами» [14, с. 61; 35, с. 511].

Отношение русских к айнам северных островов располагало к ним и жителей южных Курил («мохнатых курильцев»). Поэтому население Итурупа через курильцев Ушишира выразило желание креститься. Камчатскими священниками предпринимались попытки христианизации аборигенов южных Курильских островов. Об одной из них В. М. Головнину

рассказал сопровождавший его переводчик айн Алексей. Он поведал капитану историю неудачной попытки обратить в православие айнов Итурупа, когда священник из Петропавловской гавани отправил айнов с о. Расшуа со «складными медными образами и писанными молитвами с картинками» и напутствием, что если «мохнатые» курильцы будут носить изображение русского бога на шее, «то долго будут жить на земле и счастливо, больны никогда не будут, да и на том свете им будет хорошо». Но за каждый образ и молитву люди должны были платить мехами. Однако это предприятие провалилось: посланцы были взяты японцами под стражу, но им, в конце концов, удалось бежать [12, с. 87]. Эти обстоятельства и определенные исторические события, произошедшие в тот период времени, вызвали тревогу у японских властей, тем более что в этой стране последовательно формировался образ недружественного северного соседа. В 1785 г. появилась работа Хаяси Сихэй (1738–1793) «Общий обзор трех стран», в которой автор предупреждал японцев о желании России, обосновавшейся на Урупе, захватить Итуруп, а в дальнейшем и Эдзо (Хоккайдо). Затем из-под его пера вышли «Беседы о военном деле морского государства», в которых он обвинил Россию в отправке в Японию шпиона М. Беневского с целью

разведки путей подступа к его стране. Примерно в то же время свет увидел двухтомный трактат Кудо Хэйсукэ (1734–1801) «Изучение сведений о красных эдзо», смягчивший воинственную риторику Хаяси, однако возбудивший интерес властей Японии к Курильским островам [5, с.110–111]. В 1785 г. для обследования этих территорий была отправлена экспедиция, в которой в качестве вольнонаемного участвовал Могами Токунай (1754–1836), исполнявший обязанности землемера. Передавая географические сведения об островах, в своих отчетах он отметил, что на о. Уруп русские переселенцы «сделали образа своего Будды» (речь идет о трехметровом распятии, которое было сооружено перед домом русских поселенцев и перед которым молились и курильцы). Высадившись на самой южной оконечности Итурупа, он встретил многочисленные подтверждения долгого присутствия здесь русских и даже имел беседу с тремя русскими, жившими на острове. Японец рассказал о своей встрече на этом острове с пожилым айном Отона-Хасибэ, который «прекрасно владел русским языком и даже состоял в каких-то родственных отношениях с «акахито»-русскими. Более того, его младший брат по имени Иванушка служил у русских переводчиком. Сам же Хасибэ был крещен в русской церкви, принял русское имя и совсем обрусел». Могами Токунай

обеспокоил факт владения местными жителями русским языком, их приверженность православию и даже родственные отношения с русскими. Токунай немедленно передал эти сведения правителям Хоккайдо – представителям клана Мацумаэ. В свою очередь, японец соорудил первую буддийскую усыпальницу, признавая тем самым, важную роль религии в просветительской деятельности аборигенного населения [32, с. 9–12; 1, с. 342–343].

Распространение православия на Курильских островах тревожило власти Японии. На исключительную роль церкви в жизни айнов российских островов указывал еще учитель Могами Токунай — Хонда Тосиаки (1744–1821), собравший обширную информацию о русских, живших на Курилах. Он сетовал на то, что русские, в отличие от японцев, слишком мягко обращаются с айнами, вследствие чего молодое поколение аборигенов принимает православие и образ жизни русского человека, отходя от обычаев своих предков. У Б. П. Полевого (1918–2002) есть сведения о японце (имени которого, к сожалению, автор не упоминает), побывавшем в 1788 г. на Курилах. На вопрос о том, чему айн научился у русских, абориген ответил, что «русские дали ему священные иконы и научили молитвам ... и если он

будет верить этим молитвам, ему всегда будет сопутствовать удача в рыбной ловле, никогда не потерпит бедствий на море и будет счастлив во всех делах». После чего айн трижды перекрестился [19; 23, с. 144–145]. Но решительных действий со стороны клана Мацумаэ, получившего сведения о сложившейся ситуации на островах из первых рук, не последовало. Это было обусловлено, прежде всего, экономическими причинами.

Для духовенства Камчатки посещение Курильских островов было сопряжено с большими материальными затратами, которые тяжким бременем ложились на плечи Камчатской администрации. Но даже тогда священнослужители добирались лишь до 14 острова Ушишира. А после смерти священника Федора Верещагина 1803 г. прекратилось посещение с Камчатки и 14 острова. Представители власти в лице правителя Камчатки П. И. Кошелева (1764 – после 1831), со своей стороны, не желая в дальнейшем осложнений со своим восточным соседом, предписывают священникам посещать острова с пастырскими визитами не чаще, чем раз в год или одного раза в два года, в зависимости от обстоятельств. Дальние же острова Итуруп, Кунашир и Шикотан не посещать вовсе, чтобы не оскорблять чувства

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

японцев, с которыми нужно было вести государственные переговоры о торговле.

Это возмутило жителей Курил и население острова Ушишир обратилось к камчатскому протоиерею Никифору с жалобой. Приведем выдержки из ее текста: «...Прадеды наши, быве в вере неизвестной, затем по произволению Божию, приняли веру христианскую и были ежегодно посещаемы священниками, но с 1803 года, не приезжал к нам ни один священник, почему младенцы умирали без крещения, взрослые остаются без сподобления таин и без учения, умершие погребаются без отпетия, и мы – жители 14 острова убедительно просим протоиерея или самому посетить нас, или прислать священника...» [14, с. 67]. Но просьба островитян осталась без ответа, средств на оплату поездок священников не было. Всего два раза сумели посетить острова камчатские священнослужители. В 1829 г. по распоряжению протоиерея К. Шастина и при содействии начальника Камчатки А. В. Голенищева (1790–1869) на Шумшу и Парамушир прибыл соборный священник Фирст Зырянов. В своем отчете он сообщил, что на островах имелись молитвенные юрты, что все присутствующие курильцы знали начальные молитвы. Отец Фирст находился там со 2 мая по 10 июня, молился с

мирянами, всех исповедал, приобщил святых Таин, и оставил жителям островов на память Новый Завет с русским переводом и русскую Псалтирь. В 1833 г. те же острова посетил большеерецкий священник Алексей Черных и это посещение было прощальным.

В начале 20-х годов XIX в. Курильскими островами заинтересовалась торгово-промышленная Российско-Американская компания (РАК), учрежденная в конце XVIII в. известным купцом и мореплавателем Г. И. Шелиховым (1747–1795), который в 1794–1795 гг. основал на Урупe русское поселение, названное иностранцами «Курилороссия». Он отправил туда под начальством В. К. Звездочетова (?–1805) 40 человек — 32 промышленника и три семьи ссыльных хлебопашцев, знавших кузнечное, слесарное и литейное дело. Изменение статуса гряды повлекло и изменения в исполнении христианских треб на ее территории. В марте 1833 г. Иркутская духовная консистория обратилась с просьбой в Главное правление РАК о предоставлении камчатским священникам большеерецкой церкви, которые более или менее регулярно посещали Северные Курильские острова, и впредь курировать их. Но Главное правление ответило «... что Курильские острова по

состоянию оных в ведомстве компании на колониальных правах, должны и по духовной части быть приписаны к одному из колониальных приходов, из которых Атхинский есть ближайший к помянутым островам. А потому правление и просит консисторию причислить оные приходу Атхинской Николаевской церкви, с таковою со своей стороны обязанностью, что для исправления христианских треб ежегодно будет приезжать на Курильские острова священник». Соответствующие указания относительно посылки священника на Курильские острова получил и Главный правитель российских колоний в Америке Ф. П. Врангель (1797–1870) [37, с. 46].

1 декабря 1840 г. была учреждена новая кафедра — Камчатская, Курильская, Алеутская. В ее ведение вошли колонии Российско-Американской компании, полуостров Камчатка, Охотская и Гижигинская области, первоначально часть, а через 10 лет и вся Якутия, Удский острог и Курильские острова. Епископом учрежденной епархии был рукоположен священник РАК Иоанн Вениаминов (1797–1879), с принятием иночества Иннокентий, выдающийся просветитель народов Дальнего Востока, ученый и писатель, митрополит Московский и Коломенский.

Курильский отдел епархии был причислен к Атхинскому приходу, где служил ученик святителя Иннокентия священник Иаков (Яков) Нецветов (1802–1864), уроженец Алеутских островов. По сведениям Иннокентия Вениаминова, ранее поступало предложение открыть церковь и в Курильском отделе. Решая вопрос о назначении на Курильские острова священника, сибирские власти обратились с ходатайством к обер-прокурору Святейшего Синода, а тот, в свою очередь, обратился за консультацией к митрополиту Московскому Иннокентию (Вениаминову). По мнению святителя Иннокентия, важно было не только построить на Курилах дом для священника, снабдить его топливом и соответствующим жалованием, но главное — обеспечить транспортные потребности: ведь перебираться с одного острова на другой можно было только на морских судах. Эти условия опять-таки воспрепятствовали такому назначению. Кроме того, было указано и на малочисленность аборигенного населения (99 человек, а с русскими и алеутами — 212) островов. Это были те причины, по которым не только священник, но и медицинский чиновник никогда не были назначены на Курильские острова. В то же время Атхинскому священнику Я. Нецветову было предписано

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

посещать островитян каждые два года, что связало на многие годы его судьбу с Курилами.

Из «Дневника священника церкви на о. Атха Иакова Нецветова за 1828–1842 гг.» стало известно, что он побывал на Курильских островах четыре раза. В июне 1834 г. Нецветов совершил свою первую, ознакомительную поездку на Курильские острова. Ему удалось посетить селения РАК на Шумшу, Симушире и Урупe, где он встречался с прихожанами. Причем на Шумшу и Симушире жили преимущественно выходцы с Алеутских островов, среди которых у молодого священника было много знакомых. Именно тогда впервые ими была высказана просьба, иметь на островах небольшую церковь и постоянного священника. Однако в планы РАК финансирование строительства церкви не входило. Понимая это, курильцы выразили желание взять на себя все финансовые расходы по этому делу. В 1837–1838 гг. жители островов пожертвовали на будущую церковь пушнину, которая была продана в Охотске по вольным ценам на сумму 260 рублей в 1837 г. и 3875 р. в 1838 г., всего — на 4135 р. На эти деньги были закуплены иконы и церковная утварь для часовни на о. Шумшу. Еще через два года курильцы вновь обратились к колониальному начальству с просьбой о выделении для новой

церкви постоянного священника, пообещав ежегодно жертвовать на его содержание восемь шкур морских бобров (так они называли морских выдр — каланов) и другие меха на сумму 600 р. в год. Но эта просьба была отклонена Главным управлением компании по причине малочисленности местного населения [14, с. 153; 39, с. 153].

В июне 1838 г. И. (Я.) Нецветов прибыл на Шумшу. Он привез собой походную церковь — молитвенную палатку и все нужные церковные вещи: складной иконостас, кадило, лампаду подвесную, настольную кадку, священнические книги, крестильный ящик и церковное облачение. С помощью местных жителей (алеутов и айнов, для которых приезд священника являлся большим и радостным событием) была поставлена молитвенная палатка, где проходили богослужения. Во время этой поездки были собраны сведения о родившихся и умерших за 4 года, прошедших после первого посещения. Выяснилось, что на острове родилось 4 мальчика и 5 девочек, а умерло 6 мужчин и 13 женщин. Были составлены списки всех жителей с указанием их возраста. Служащих РАК, проживавших на островах, оказалось 50 мужчин и 50 женщин, а курильцев — 46 мужчин и 47 женщин соответственно. Следующий визит

священника на Курильские острова состоялся в июне 1839 г. И. (Я.) Нецветов доставил на Шумшу изготовленный в Ситхе по распоряжению главного правителя колоний И. А. Купреянова (1794–1857), сруб православной часовни. В следующем 1840 г. часовня, при активной помощи алеутов и айнов, была собрана и торжественно освящена в присутствии всех жителей Шумшу и Парамушира. Это был четвертый и, к сожалению, последний визит о. Иакова Нецветова на острова.

В связи со строительством часовни важно отметить, что ее создание явилось самым ярким событием в истории христианизации этого отдаленного края. Часовня простояла довольно долго. Имеются сведения о ее работе за 1844, 1848, 1855–1877 гг. Мореплаватель В. А. Римский-Корсаков об этой часовне вспоминал: «...Церковь хоть куда: изобильно украшена утварью и может поместить до 50 человек. Священника в ту пору не было, и Форсман (приказчик, управлявший селением Майрупо на Шумшу. — *прим. авт.*) по воскресеньям сам читал молитвы прихожанам» [29, с. 360]. За это время выросло новое поколение курильцев, «с молодых ногтей» впитавших основные постулаты христианской религии. Поэтому, неудивительно, что та часть айнов, которая осталась на Курилах после фактической их

передачи в 1877 г. Японии, продолжала посещать часовню, сохраняя приверженность православию.

Митрополит Иннокентий не оставлял намерений держать связь со своей православной паствой на Курильских островах. В 1849 г. он отправляет туда священника Никиту Омофорского «для исправления обыкновенных треб», но миссионер дальше о. Шумшу не был, а святитель Иннокентий хотел, чтобы все жители северных и центральных островов слышали Слово Божие и есть свидетельства о том, что священники Камчатской епархии еще несколько раз на Курилах побывали.

В письме от 1851 г. митрополит Иннокентий сообщал о посланном им в 1850 г. иеромонахе Сергие, который зимуя на одном из островов с местными жителями, был свидетелем «силы креста и благословения церкви», освободивших единственное озеро с питьевой водой от поселившихся в нем насекомых. О пастве, с которой о. Сергей терпел лишения во время зимовки, митрополит Иннокентий отзывался следующим образом: «они вообще очень усердны к молитве, с охотою и радостью исполняли все, что от них требовалось церковью. Нравственность их не худа. Охотно и со вниманием слушали они книги, которые им читал иеромонах по вечерам,

часто сами просили его о том. За посещение их священником остались очень благодарны» [4, с. 309–310]. В 1854 и 1855 гг. на островах побывал иеромонах Арефа, который в 1858 г. был там еще раз, посетив Шумшу, Парамушир и Уруп и отправив после этой поездки подробное донесение митрополиту. Миссионер рассказал о своей жизни с курильцами и отношении аборигенов к православной вере: «Отраднo сказать в похвалу некоторых из этих островитян, что они к службе церковной были усердны, сколько можно было судить по наружности, а сердечное видит и ведает Один Всеведущий». Хвалил он людей за то, что те не пропускали богослужения, а во время службы с вниманием слушали священника и усердно молились. Внешний вид молящихся говорил о том, что длительное богослужение было им не в тягость, а во время первой и последней недели Великого поста люди соблюдали запрет на прием скоромной пищи и встретили со всеобщей радостью Светлое Христово Воскресение. Мужчины, отправляясь на промысел, старались получить у батюшки благословение. Он отмечал, что многие его прихожане знали наизусть главные христианские молитвы, хотя произносили их зачастую неправильно. Но больше всего порадовало священника то, что наконец, аборигены стали ходить на исповедь и причащаться, признавая свою

греховность в поступках и мыслях, чего раньше не делали [4, с. 283–284; 434–437; 464].

В 1867 г. Российско-Американская компания была фактически ликвидирована. Представителю русского правительства капитану 2-го ранга А. А. Пещурову (1834–1891) было предписано сдать все дела американских колоний компании США, но северная и центральная части Курильской гряды еще оставались в ведении России. После отъезда с островов служащих компании, на северных островах осталось не более 200 человек, причем айнов из них была лишь половина, а вторую половину населения составляли кадьякцы и алеуты, рабочие, которых РАК привезла на острова из Америки. В период времени, когда происходила ликвидация РАК и позже передача островов согласно Петербургскому договору 1875 г. Японии, а это без малого восемь лет (1867–1875 гг.), ни обучения детей аборигенов в школах, ни посещений священнослужителями курильцев не было [38, с. 11].

В 1875 г. Российская Империя и Япония заключили в Санкт-Петербурге договор «об обмене территориями», согласно которому все острова Курильской гряды отходили Японии, а о. Сахалин — России. Позже в г. Токио была подписана Декларация, в которой шла речь о

правах граждан, проживавших на означенных территориях. Так согласно пункту «Г» Декларации Петербургского договора о передаче Курильских островов в отношении «природных жителей» этих территорий говорилось «...оставаясь на постоянное жительство в занимаемых ими ныне местностях, [аборигены] не могут при этом сохранять своего нынешнего подданства. Если они пожелают остаться подданными своего нынешнего Правительства, то должны оставить свое местожительство и удалиться на территорию, принадлежащую их Государю» [16, с. 141]. Жителям Курильских островов, пожелавшим остаться русскими подданными, было предоставлено право в течение 3-х лет переселиться на русскую территорию. Комиссар по уступке Курильских островов Н. Г. Матюнин (1849–1907), посетив Шумшу и Симушир, заверил 161 человека, изъявившего желание остаться подданными России, в том, что за ними будет прислано судно. Жители Урупа в количестве 50 человек высказали такое же желание комиссару с японской стороны г. Хасэбэ.

В телеграмме от 21 октября 1877 г. Министру Внутренних дел Российской империи А. Е. Тимашеву (1818–1893) контр-адмирал Г. Ф. Эрдман (1818–1883) сообщил о 83 курильцах,

перевезенных в Петропавловск-Камчатский. Однако не все жители Шумшу и Симушира попали на корабль, т. к. «курильцы во время прибытия клипера ... почти все были в отсутствии за промыслами». Таких оказалось 33 мужчины и 31 женщина с Шумшу и 7 мужчин и 6 женщин с Симушира. Исходя из высказанного властями мнения о том, что «курилы неоднократно сами переплывали в своих байдарках по собственным надобностям в юго-западные селения Камчатского полуострова», было принято решение, что «в случае не посылки за ними казенного судна они и сами доберутся до русских владений» [7, л. 2–46]. Так курильские айны – российские подданные добровольно и навсегда покинули Курильские острова. Вновь прибывшие поселились в п. Явино, куда жители Курильских островов ежегодно приезжали для меновой торговли. Имеются сведения, что переселенцы остановились в с. Сероглазка.

Часть северокурильских айнов, проживших на островах Парамушир и Шумшу, надеясь на то, что их оставят жить на родной земле, выбрали подданство Японии. При этом, встречаясь с японскими официальными представителями власти в 1876 г. староста о. Шумшу на вопрос, о том, хотят ли жители выехать к русским или стать

японскими подданными, ответил: «Допустим, мы останемся на месте. Но тогда Япония должна согласиться на посылку на наш остров миссионера раз в два года, как это было принято раньше. В противном случае мы перейдем на русскую территорию». И когда через два года из Японии прибыл корабль для оказания помощи оставшимся, островитяне стали настаивать на выполнении именно этой просьбы. Узнав, что на борту корабля православного священника нет, староста вновь напомнил о ней: «Я уже стар. Недолго мне осталось жить. При жизни не видно пользы от проповеди, но тревожит меня путь после смерти. Сжальтесь, пришлите миссионера раз в два года» [3, с. 31].

Японские власти не оставили жителей северных островов там, где они жили. В 1884 г. айнские семьи Александра, Ивана, Дмитрия, Сергея Черных, Даниила, Ивана, Аверьяна, Михаила, Тимофея, Григория Прытиных, Куприяна, Иоанна, Якова, Павла, Елисея Филиппа, Лаврентия Сторожевых, Федора Новограбленного — 20 семей общим количеством 97 человек были переселены в специально построенный поселок в бухте Мотокотан на о. Шикотан. Выезжая на новое место жительства, они взяли с собой все самое ценное, в том числе и православные иконы из часовни.

Японский чиновник Хаяси Кинго отмечал, что курильцы не отказались от своей веры и, «пытаясь избавиться от любой болезни, целиком полагались на божью милость» [3, с. 11–14, 31].

Привезенными с собой иконами люди украсили шикотанскую церковь, созданную по инициативе японской православной миссии из Хакодатэ. Посетивший Курилы вскоре после переселения людей на Шикотан английский зверопромышленник Г. Д. Сноу (1848–1915), оставил следующую запись: «В 1878 году (т.е. спустя год после того, как часть жителей переселилась на Камчатку. — *прим. авт.*), когда я впервые посетил северные острова ... все северные жители кроме как на своем родном айнском диалекте, более или менее бегло говорили по-русски. Все они были христианами, принадлежали к греческой церкви. Их посещали и посещают русские священники, а в деревушке Майруппо на Шумшу была построена церковь, доски для которой были привезены из Америки. ... В каждом из поселков, кроме хижин и землянок, была своя церковь...» [43, с. 17–18]. Спустя почти 10 лет после Сноу, немецкий археолог Г. Гримм, прибывший на остров осенью 1889 г. в поисках легендарных карликов *коропок-гуру*, застал там 20 семей, но количество людей сократилось с 97

человек до 62. Эти люди по-прежнему исповедовали православие, что подтвердил английский путешественник А. Г. С. Лэндор (1865–1924) в 1893 г. в своей книге о путешествии на Хоккайдо и на Курильские острова. Он свидетельствовал, что, несмотря на присутствие японцев-буддистов, айны Шикотана оставались приверженцами православной церкви. Старейшина деревни Яков Сторожев проводил богослужения в своем доме, который по размерам был больше, чем остальные дома местных жителей. В этом доме было две комнаты, в одной из которых Лэндор увидел Библию на русском языке и висевшие на стенах русские иконы [41, с. 372; 42, с. 127–128]. В 1899 г. японский ученый Тории Рюдзо (1870–1953) застал на острове айнов, которые имели имена Иван, Трифон, Прокопий, Пелагея, Харитина. Они носили русские фамилии Сторожев, Плетин, кроме этого, в своей книге «Курильские айны» он поместил изображение увиденной им на острове иконы. В 1903 г. остров посетил священник, сотрудник японской миссии. Но, в конце концов, японизируя жителей Шикотана, им были даны японские фамилии. Так, Новограбленные получили японскую фамилию Асауми, Прытины — Мидзима, Черные — Котобукияма, Сторожевы — Намикоси [44, с. 112–116; 3, с. 29].

Пришедший на смену XVIII веку XIX век принес с собой новые устремления. Уже не столько экономические причины заставляли развитые государства осваивать новые земли, сколько политические, борьба за влияние в том или ином регионе. Российская Империя обратила свой взор на восток, и, в частности, на приграничные земли Нижнего Амура, Приморья и остров Сахалин. В рапорте генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (1809–1881) начальнику Главного морского штаба А. С. Меншикову (1787–1869) об этом прямо говорится: «<...> Камчатка и Охотское море остались за нами и доныне, а с Амура нас выгнали в конце того же столетия пришедшие туда в больших силах манджуры и основались на правом берегу этой реки. Эти последние пришельцы распространили свое влияние, хотя и весьма слабое, и на левый берег, исключая устья Амура с близлежащего к нему острова Сахалина <...> Занятие устья Амура иностранцами столь было бы неудобно для государства, что нам непременно должно будет выехать оттуда силою новых пришельцев <...> Нет сомнения, что предварительное занятие устья Амура и северной части Сахалина ...потребует усиления морских средств наших в Охотском море и в Восточном океане, но издержки эти сторицею покроются не только в будущем времени, но и в настоящее...»

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

[27, с. 19–20]. И с середины XIX в. начинается активное освоение этих территорий. Российским государством организуется заселение Дальнего Востока и островов выходцами из центральных регионов России, а на Сахалине организуется каторга.

На вышеперечисленных территориях с древних времен проживали коренные народы, в том числе и айны, населявшие юг о. Сахалин. И здесь также необходимо было включить аборигенов в состав народов России. Особая роль в этом процессе, как в случае с курильскими айнами, отводилась РПЦ.

В 1860 г. назначение на службу в Камчатскую епархию получает о. Симеон (Симеон Никанорович Казанский, 1837-?), священнослужитель и миссионер, прослуживший в ее приходах с 1861 по 1879 гг. Непосредственно на Сахалин он прибыл в 1868 г., а 1869 г. им была сделана первая метрическая запись. К сожалению, документы, относящиеся к более раннему периоду деятельности представителей РПЦ на острове, были утеряны во время морской поездки в штормовую погоду. Об отце Симеоне или попросту, попе Семене, как его называли на Сахалине, отзывались как о честном, самоотверженном человеке, прошедшем с посохом

в руке «по всему мрачному Сахалину, от одной юрты инородцев к другой» [26; 8, с. 3; 28].

Однако стоит сразу сказать, что попытка обращения в православие айнов Сахалина, в отличие от айнов Курильских островов, особого успеха не имела. Это произошло по нескольким причинам. Дело в том, что, несмотря на открытие Камчатской епархией в 1858 г. первого миссионерского стана на Амуре, на острове такой стан открыт не был. Не был он основан и после создания в 1899 г. Владивостокской епархии, учредившей Владивостокский епархиальный комитет Православного миссионерского общества. Требы среди инородцев совершал приезжий священник. Эти поездки были сопряжены с большими трудностями и лишениями, тратились средства, а главное, они были, в основном, краткосрочными. И если учесть то обстоятельство, что те немногочисленные миссионеры, которые окормляли инородческую паству острова, языками коренного населения не владели, а проповеди, произносимые на русском языке, понятны айнам не были, то и обращение в православие и поддержание христианского учения в инородческой среде эффекта не имело [33, с. 156].

Еще одним обстоятельством, повлиявшим на то, что крещения сахалинских айнов были крайне

редки, была их тесная и продолжительная связь с японцами, обеспечивавших аборигенов работой на рыбопромыслах и которые крайне отрицательно относились к контактам айнов с русскими [6, с. 20].

Принятие сахалинскими айнами православия началось, согласно составленной Н. В. Потаповой таблице, в 1881 г. В метрической книге за этот год сохранилась запись о том, что священник Алексей Мраморнов крестил двух айнов-идолопоклонников с наречением их после обряда именами Василий и Федор. Вплоть до 1882 г. на острове проживали лишь 2 крещенных айна. В последующие годы число православных среди этого народа увеличилось до 7 человек. В 1902 г. крещение приняли 2 айна, имя одного из них указано — Айменты. При крещении он получил русское имя Михаил [25, с. 302; 9, л. 23; 11. л. 4].

Непринятие православия не сказывалось на отношении айнов к священнослужителям. Так, А. П. Чехов (1860–1904) оставил в своей книге воспоминание о том, как о. Симеон, отправившись в поездку по церковным делам, был захвачен в пути непогодой. Но «к счастью, попались аинские рыбацьи юрты, он приютился в одной из них <...>. После этого аинские юрты стали называться поповскими; это название удержала за собою и местность» [36, с. 206]. Однако отношение к тем,

кто принимал крещение среди самих айнов, было неоднозначным. Б. О. Пилсудский (1866–1918) писал, что сородичи над крещенными потешались, называя их «нуця айну» («русский айн») [21, с. 97]. Но, несмотря на насмешки, приход аборигенов в лоно церкви был осознанным, о чем свидетельствует сохранившееся «показание» крестившегося айна Емаску Муко, родившегося на о. Сахалин в селении Кумирунай «от родителей айнов, идолопоклонников». Новообращенный писал, что он «постоянно вращаясь в кругу православных и ознакомившись чрез них со Св. Евангелием, вновь убедился, что Господь Иисус Христос есть истинный мессия и что спасение души возможно только в лоне православной церкви. А потому сим удостоверяю, что не ради каких-либо мирских выгод, а единственно по искреннему убеждению желаю присоединиться к православной церкви, в чем и подписываюсь. Айн Емаску Муко, а за него неграмотного и по личной его просьбе расписался поручик Михаил Антонович Прасовов» [10, л. 9, 9а, 9б].

Принятие православия айнами, хоть и редкое, продолжалось даже после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда юг Сахалина с его инородческим населением отошел Японии.

Духовное руководство православной паствой, проживающей к югу от 50 параллели с. ш., перешло в ведение Японской православной церкви Христовой, возглавляемой архиепископом Николаем (Касаткиным, 1836–1912). В период 1906–1910 гг. крещены были еще два человека, когда с пастырскими целями остров посещал архиепископ Киотский Сергей (Георгий Алексеевич Тихомиров, 1871–1945). Он побывал на острове трижды. Его взору открылась безрадостная картина. Большая часть церквей была закрыта или отошла японской администрации, в помещениях храмов расположились управы и конторы. Аборигены стали стремительно «японизироваться» японскими властями. Коренное население получило японские имена и фамилии, для них были открыты школы, где преподавался японский язык, преподавание других предметов велось тоже на японском языке. После посещения айнской деревни о. Сергей писал: «Но все-таки хотелось что-нибудь об айну узнать. Поэтому заехали в школу, где обучают их детей <...> обучать их пожелал бонза секты Зен, школу устроил в своей квартирке <...> бонзы уже обучают деток айну японской грамоте... И скоро-скоро все айну заговорят по-японски... А раз учатся при кумирнях, да еще у бонзы, и замолятся по-японски, по-буддийски. Горький вывод... Но безошибочный!» [31, с. 132]. Отец

Сергий был абсолютно прав. Период, когда сахалинские айны от анимистических воззрений перешли в православие, был слишком коротким, чтобы православная вера стала для них необходимостью, поэтому ни икон, ни знания молитв они не сохранили.

Что касается курильских айнов — жителей Шикотана, то и спустя полвека после передачи Курил Японии православие и русский язык среди старшего поколения курильцев на острове все еще сохранялись. Автор, скрывший свое имя под псевдонимом Пограничник, опубликовал в 1929 г. свои воспоминания о посещении Курил на борту японского судна «Асахи-мару», перевозившего продукцию японских концессионных рыбодобывающих предприятий, базировавшихся на Камчатке. На о. Уруп он встретил человека, одетого «в длинный синий халат с крупными белыми узорами из квадратов и кругов <...> Это был «айну» — курильский туземец», который, заговорив с автором рассказа по-русски, очень удивил его, сообщив, что «мы все северные курильские люди, однако, можем мало-мало лопотать русский. Старые люди — говорит русский. Молодые знают нонца только нихонский, да нихонский. Тозно позабужали язык» [22, с. 141–142]. Вслед за этими воспоминаниями, появилась

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

книга «Sport and Exploration in the Far East» шведского путешественника, натуралиста и этнографа Стена Бергмана (1895–1975), побывавшего на Шикотане в 1930 г., где целая глава посвящена курильским переселенцам. В частности, он писал, что встретил пожилых женщин, которые знали русский язык. А с одной переселенкой с северных Курил он даже смог поговорить по-русски, описав ситуацию следующим образом: «...я заговорил с ней по-русски. Ее лицо озарилось, и она ответила мне на том же языке. Она улыбалась, как будто наш разговор вызывал у нее приятные воспоминания. Ей было 67 лет, она выросла на о. Парамушир, что возле Камчатки. Звали ее Александра Сколсова <...> Я не увидел на стенах русских икон и спросил ее о том, почему у нее, как у тех, кто переехал сюда в 1884 г., нет икон. Она привела меня в соседнюю комнату, где на стенах висели иконы» [40, с. 214–226].

По сведениям Ч. М. Таксами (1931–2014), в 70-х годах XX в. курильских айнов, вывезенных на Хоккайдо, оставалось не более 20, но найти их или их потомков ученому не удалось. Сегодня на Камчатке 109 человек, согласно последней переписи населения, назвали себя айнами и потомками тех самых курильских айнов-

переселенцев, которые были вывезены с Курил на Камчатку [34, с. 118].

Подводя итог вышеизложенному, необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых осуществлялась миссионерская деятельность Русской православной церкви, как на Курильских островах, так и на Сахалине, а именно, суровый климат, труднодоступность мест компактного проживания айнов, острая нехватка кадров священнослужителей и практически полное отсутствие церквей на островной территории, РПЦ объективно способствовала укреплению позиций Российского государства на тихоокеанских островах. Решая свою прямую задачу — христианизацию аборигенов, жителей новоприсоединенных земель, распространяя среди них православие, участвуя в их просвещении и строя свою деятельность, в основном, на добровольных началах и уважении к обращаемым в православие айнам (иначе курильцы не сохранили бы своей веры вплоть до середины XX в.), она содействовала взаимопониманию представителей разных народов, внося неоценимый вклад в формирование положительного образа России и выстраивая добрососедские межнациональные отношения. К сожалению, в результате

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

политических событий процесс интеграции айнской и русской культур был прерван.

Список источников и литературы

1. Аров В. Н. Камчатка и исследование русскими Южных Курильских островов // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КамчатГТУ, 2005. С. 319–348.
2. Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды. Т. VI / Сост. Н. Охтина-Линд, П. У. Мёллер; отв. ред. В. Хинтцис. СПб.: Нестор-История, 2009. 934 с.
3. Архив Сахалинского областного краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 3. Перевод с японского языка «Остров Шикотан» (очерк). Перевод Тен Сан Дю на 40 л.
4. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников // М.: Синодальная типография, 1883. 819 с.
5. Барышев Э. А. Современные японские историки об освоении Южно-Курильских островов (начало XVII — начало XIX века) // Известия УрГУ. 2000. №16. С. 106–116.
6. Васильев В. Краткий отчет о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина. СПб., 1912. 24 с.
7. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 1038, оп. 1, д. 12. Главное Управление

Восточной Сибири. Дело о переселении инородцев с Курильских островов на русскую территорию Ксерокопия 1876–1880 гг. на 64 л.

8. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 23-и. Объединенный фонд церковей Сахалина. Оп. 2, 3. 1869–1925 гг. Предисловие.
9. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 23-и. Объединенный фонд церковей Сахалина. Оп. 2. Ед. хр. 3. Метрическая книга, данная из Камчатской консистории притчу Анивской и Дуйской церковей для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших за 1881 г. Т. 2. на 116 л.
10. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 23-и. Объединенный фонд церковей Сахалина. Оп. 2. Ед. хр. 54. Метрическая книга благочиннического округа церковей Владивостокской епархии за 1901 г. на 122 л.
11. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 23-и. Объединенный фонд церковей Сахалина. Оп. 2. Ед. хр. 60. Метрическая книга, данная из Камчатской консистории притчу Анивской церкви для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1902 г. на 55 л.
12. Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972. 528 с.
13. Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

- начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 годах. М., Изд-во «Географическая литература», 1961. 480 с.
14. Громов П. В. протоиерей Историко-статистическое описание Камчатских церквей. Слова и речи. СПб., 1857. 119 с.
  15. Давыдов Г. И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним (в 2-х частях). Ч. 1. СПб.: Морская типография, 1810. 333 с.
  16. Документы. Сахалин и Курильские острова в международных договорах и соглашениях // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С.130–184.
  17. Ильминский Н. И. Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. СПб.: Синодальная типография, 1886. 55 с.
  18. Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. М.: ЭКСМО, 2010. 475 с.
  19. Накамура С. Японцы и русские. Из истории контактов. М.: Прогресс, 1983. 303 с.
  20. Нестор митрополит (Н. А. Анисимов) Воспоминания о миссионерстве на Камчатке // Духовный собеседник. 1995. №2. С. 66–79.
  21. Пилсудский Б. О. Рассказ обрусевшего крещенного айна (Ивана Григорьевича) из с. Галкино-Враское (Сиянцы) на о. Сахалине о том, как его вылечили от любви // Краеведческий бюллетень. 1994. №1. С. 97–98.

22. Пограничник. Курильские острова // Новый мир. 1929. № 10. С. 136–144.
23. Полевой Б. П. Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. Южно-Сахалинск: Дальневосточное кн. изд-во, 1982. 207 с.
24. Полонский А. С. Курилы // Краеведческий бюллетень. 1994. №3. С. 3–86.
25. Потапова Н. В. Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. 316 с.
26. Пряшников С. В. История православия на Сахалине. Первый священник острова Симеон Никанорович Казанский [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/199/49152/>, дата обращения 30.09.2019.
27. Рапорт генерал-губернатора Восточной Сибири, командующего войсками Восточно-Сибирского округа генерал-лейтенанта Н. Н. Муравьева начальнику Главного Морского Штаба генерал-адъютанту А. С. Меньшикову с просьбой вернуть Г. И. Невельского в его распоряжение и назначить начальником Охотского порта. 1 января 1850 г. // «...На благо Отечества...» Письма и документы Амурской экспедиции (1849–1856 гг.). Сост. Н. Ю. Ильина. ГБУК «Сахалинский областной краеведческий музей», 2013. 216 с.

28. Ростислав, игумен (Колупаев) Обзор некоторых событий церковной истории на Сахалине и Курильских островах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/407>, дата обращения 10.08.2011.
29. Римский-Корсаков В. А. Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» (из воспоминаний командира) // Балтика-Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, Хабаровское кн. изд-во, 1980. С. 350–365.
30. Свод Законов Российской империи. Т. 1, ч. 1, ст. 67. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/17.html>, дата обращения 18.08.2010.
31. Сергей, епископ (Г. А. Тихомиров.) На Южном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1991. №1. С. 33–141.
32. Симадани Р. Могами Токунай // Краеведческий бюллетень. 2003. №2. С. 3–36.
33. Солярский В. В. Современное правовое и культурное положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. 235 с.
34. Таксами Ч. М. Айны Сахалина // Айнские коллекции МАЭ (Кунсткамера) РАН. Каталог. СПб.: Софукан, 1998. С. 117–121.
35. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. Перев. с англ. Я. М. Света. М.: Мысль, 1971. 636 с.

36. Чехов А. П. Сочинения. Т. 14–15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1890–1895. М.: Наука, 1987. 926 с.
37. Шубин В. О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. 1992. №3. С. 12–64.
38. Шубин В. О. Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Краеведческий бюллетень. 1992. №4. С. 314.
39. Шубин В. О. Миссионерская деятельность сподвижника И. Е. Вениаминова священника Якова Нецветова на Курильских островах // Вестник Сахалинского музея. 1999. №6. С. 151–155.
40. Bergman S. Sport and Exploration in the Far East. A Naturalist's Experiences in Ainu around the Kurile Islands. London: Methuen&Co. Ltd., 1933. 246 p.
41. Grimm H. Beitrag zur Kenntniss der Koropok-Guru auf Yezo und bemerkungen über die Shikotan-Aino // Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur-und Völkerkunde Ostasiens. Band V (1889-1892). Heft 48. Ss. 369–378.
42. Landor A. H. S. Alone with the hairy Ainu. 3 800 miles on a pack saddle in Yezo and a cruise to the Kurile Islands. London: William Clowes & Sons Ltd., 1893. 325 p.
43. Snow H. J. Notes on the Kuril Islands. London: John Murray, 1897. 91 p.
44. Тории Рюдзо: 鳥居龍藏. Тисима аину 千島アイヌ (Курильские айны). Токио: Суэся, 1903. 242 с.

Глава 3. Айны южных Курильских островов и становление российско-японских отношений во 2-й пол. XVIII в. *

(В. В. Щепкин)

Вторую половину XVIII в. можно по праву назвать временем зарождения российско-японских отношений: именно в этот период состоялись первые официальные контакты между представителями двух государств, а к концу столетия Россия стала для Японии важным фактором внешней политики и интеллектуальной жизни. В то же время этот период стал переломным в истории айнов, прежде всего, населявших Курильские острова и северо-восточную оконечность Хоккайдо, поскольку именно эти земли оставались важнейшей контактной зоной русских и японцев вплоть до начала XIX в. С одной стороны, курильские айны стали важной движущей силой российско-японского сближения, выступая информантами, проводниками, переводчиками. С другой, именно во второй половине XVIII в. стала разрушаться существовавшая столетиями система торговых отношений, основанная на ограниченном

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20-09-00401

присваивающем хозяйстве айнов и некоторых других народов региона Охотского моря, что в конечном счете привело к полному разрушению традиционного образа жизни айнов и поставило под угрозу само существование этого народа. В данном разделе мы намерены определить место и роль айнов в ранних российско-японских отношениях, а также проследить, каким образом эти отношения повлияли на изменения в жизненном стиле айнов, прежде всего населявших южные Курильские острова.

Говоря об истории российско-японских отношений, прежде всего об их самом раннем периоде — второй половине XVIII в., необходимо иметь в виду, что она носила многосубъектный характер. Помимо собственно двух государств — России и Японии — в лице соответственно российского императорского двора и центрального военного правительства Японии — *бакуфу*, важными субъектами этих отношений, чьи мотивы и действия (как и само их существование) мы не можем не учитывать, были также:

1) местные власти: в Японии — княжество Мацумаэ, которое отвечало за торговые отношения с айнами и при этом обладало определенным уровнем политической самостоятельности; в России — правление Иркутской губернии, а также

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

подчиненные ему Охотский порт и Камчатское управление, максимально заинтересованные в установлении отношений с Японией для обеспечения собственной продовольственной безопасности.

2) купцы и торговые дома, как российские, в чьи руки с середины XVIII в. перешла инициатива по установлению торговли с японцами и айнами, так и японские, которым вассалы княжества Мацумаэ с начала XVIII в. стали передавать на откуп торговые участки в землях айнов.

3) наконец, сами айны — основное коренное население земель, которые стали контактной зоной для русских и японцев: Курильских островов, Хоккайдо и Сахалина.

Айны ко второй половине XVIII в. населяли весь остров Хоккайдо, в том числе так называемые «земли японцев» в его южной оконечности, всю цепочку Курильских островов, а также южную половину о. Сахалин. При этом айны, чье хозяйство основывалось на рыбной ловле, охоте, собирательстве, а также торговых связях с сопредельными народами, не имели единого государства, а, напротив, сохраняли региональные различия и локальную идентичность.

Японцы, в первую очередь чиновники княжества Мацумаэ, ещё в XVII в. делили айнов на «ближних» (яп. *кутиэдзо* 口蝦夷) и «дальних» (яп. *окуэдзо* 奥蝦夷): с первыми поддерживались регулярные торговые контакты и из их числа японцы назначали старост для лучшего управления (южная половина Хоккайдо), вторые же оставались вне сферы влияния княжества (северная половина Хоккайдо и дальше). К концу XVIII в. чаще встречается разделение на восточные (яп. *хигаси эдзоти* 東蝦夷地) и западные (яп. *нисси эдзоти* 西蝦夷地) земли айнов: под первыми имелись в виду тихоокеанское побережье Хоккайдо и южные Курильские острова, под вторыми — побережье Японского моря. С начала XIX в. к ним добавились и северные земли айнов (яп. *кита эдзоти* 北蝦夷地) — Сахалин.

Русские жители Камчатки, прежде всего власти и сборщики ясака, также делили «курильцев» на ближних — жителей прилегающих к Камчатке островов Шумшу и Парамушир, сошлых — покидавших эти острова и переселявшихся на средние Курилы для промыслов или в стремлении уйти от уплаты ясака, а также «мохнатых» — жителей южных Курильских островов. Слово «айны» («аино») впервые

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

встречается в российских документах в 1792 г. — А. Лаксман в журнале своего посольства указывает на него как на самоназвание мохнатых курильцев [Лаксман, с. 119]. В начале XIX в., впервые столкнувшись с айнами Сахалина, Н. П. Резанов, И. Ф. Крузенштерн и Н. А. Хвостов называли их айнами или сахалинцами (см. раздел, написанный О. В. Климовой).

Наиболее распространенным в науке и сегодня является разделение айнов по наиболее очевидному географическому признаку на курильских, сахалинских и хоккайдоских. Этнографы и лингвисты также следуют такому разделению, говоря, соответственно, о региональной культурной специфике и диалектных различиях. В то же время большинство ученых признают существование большего количества локальных и диалектных групп [Алпатов, с. 126; Соколов, с. 228–237]. Так, ещё японский переводчик айнского языка Уэхара Кумадзиро, живший во второй половине XVIII — начале XIX вв., в своем сочинении «Исследование айнских топонимов и записи расстояний» (яп. *эдзо тимэй ко: нарабини ритэйки* 蝦夷地名考並里程記) перечислял следующие локальные группы айнов [Уэхара]:

1) усикесюнкур	«люди, живущие на краю залива»	побережье Вулканического залива от Осямамбэ до Мори
2) хорэбасиункур	«люди, живущие за морем»	побережье Вулканического залива от Сикабэ до Тои
3) сумункур	«люди, живущие на западе»	юго-восточное побережье Хоккайдо от Сираои до Ниикаппу
4) мэнасункур	«люди, живущие на востоке»	юго-восточное побережье от Сибутяри до Пороидзуми
5) симэнасункур	«люди, живущие далеко на востоке»	северо-восток Хоккайдо от Биро до Нэмуру, а также южные Курилы
6) чупкаункур	«люди, живущие там, где солнце»	Курильские острова к северо-востоку от Итурупа
7) исикарункур	«люди, живущие на Исикари»	бассейн реки Исикари (центральная часть Хоккайдо)
8) рэпунмосирункур	«люди, живущие в островной стране»	острова Рэбун, Рисири, Сахалин, а также северная оконечность Хоккайдо

Все эти группы, в силу экологических особенностей территорий, на которых они проживали, а также в зависимости от соседства между собой и с другими народами, были выстроены в систему торговых отношений в регионе Охотского моря. «Пограничные группы» на севере — сахалинские и курильские айны — имели торговые отношения с народами материка: первые — через Приамурье с маньчжурами, вторые — с ительменами Камчатки, а с начала XVIII в. и с русскими. Группы южной половины Хоккайдо вели торговлю с японцами под контролем княжества Мацумаэ, получая от них рис, табак, вино и т. д. Промежуточное положение занимали локальные группы северной части Хоккайдо, выступая посредниками между северными и южными «пограничными» группами. В контексте установления российско-японских отношений во второй половине XVIII в. особый интерес для нас представляют две группы: *чупкаункур*, или курильские айны, жившие на северных и средних Курильских островах, и, главным образом, *симэнасункур* — айны, населявшие северо-восточную оконечность Хоккайдо, а также Кунашир, Итуруп и Шикотан.

Курильские айны, жившие от о. Шумшу до о. Симушира, занимались преимущественно

промыслом морских животных: мясо и жир шли в пищу, шкуры — на одежду и на продажу айнам южных Курил, а через них — японцам. Также была распространена охота на птиц, а рыбная ловля — в отличие от айнов Хоккайдо и Сахалина — в меньшей степени. Шкуры калана, пенис морского котика и орлиные хвосты входили в официально утвержденные списки подношений князя Мацумаэ сёгунам Токугава, а потому промыслы курильских айнов и торговые связи с ними имели большое значение для властей княжества.

В то же время японцы прямых торговых отношений с курильскими айнами не имели — посредниками выступали упомянутые выше *симэнасункур*, айны, населявшие северо-восточную оконечность Хоккайдо и Курильские острова к югу от Урупа. По сведениям российских источников 1760–1770-х гг., на о. Уруп постоянного населения не было, остров служил местом промыслов (главным образом каланов), а также местом встреч и торговли айнов северных и южных Курильских островов. Айны южных Курильских островов же встречались с японскими купцами и чиновниками княжества Мацумаэ в северо-восточной части Хоккайдо, где находились японские торговые конторы Киитаппу и Аккэси. Согласно документу «Кюмэй коки», составленному в начале XIX в., в

1754 г. судно княжества Мацумаэ впервые посетило Кунашир. Большинство японских историков считают, что тогда была основана первая торговая контора японцев на Кунашире. С одной стороны, это косвенно подтверждается тем фактом, что в 1773 г. Кунашир вместе с двумя участками в северо-восточной части Хоккайдо и участком Соя на севере Хоккайдо был отдан князем Мацумаэ на откуп торговому дому Хидая Кюбээ на 20 лет в счёт долга. В другой стороны, уже в следующем 1774 г. при попытке пристать на Кунашир судно этого торгового дома подверглось нападению и было ограблено местным вождем Тукиное — после этого Хидая Кюбээ не отправлял суда на Кунашир в течение 8 лет, пока Тукиное сам не попросил об этом. Так или иначе, до 1773 г. торговые конторы в северной и северо-восточной частях Хоккайдо оставались под прямым управлением княжества Мацумаэ и, в отличие от торговых участков в южной половине, на откуп купцам не передавались.

В целом приведенные сведения согласуются с данными российских источников первой половины XVIII в. Игнатий Козыревский, первым из русских посетивший в 1713 г. два северных Курильских острова, в своём донесении в Якутскую канцелярию сообщал со слов плененного айна с

Итурупа, что японцы привозят свои товары для торговли на Кунашир, туда же регулярно ездят айны Итурупа, где продают айнам Кунашира товары, добытые или приобретенные ими на северных Курильских островах вплоть до Камчатки [Козыревский, с. 34–35].

В отличие от своих соплеменников с Хоккайдо и Сахалина, сезонно мигрировавших между прибрежными и внутренними районами, курильские айны в поисках лучших мест для промыслов свободно перемещались между островами архипелага, причём не только сезонно, но и на более длительные промежутки времени, вплоть до нескольких лет. После того как в начале XVIII в. айны самых северных из Курильских островов — Шумшу и Парамушира — были приведены в подданство Российской империи и обложены ясаком, длительное отсутствие айнов из-за промыслов приводило к недоимкам ясаков и многократному обложению, из-за чего айны стали уже намеренно оставлять северные острова и переселяться на средние — во второй половине XVIII в. их называли «сошлыми».

Именно для возвращения «сошлых» курильцев на северные острова местные власти на Камчатке с 1760-х гг. возобновили организацию экспедиций по Курильскому архипелагу, приостановленные после

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

плаваний М. Шпанберга в 1738–1742 гг. Итогом стало плавание к средним и южным Курильским островам отряда под руководством казачьего сотника И. Черного в 1766–1769 гг. Обнаружив «сошлых» на средних островах и убедив их вернуться в подданство, Черный в 1768 г. добрался до Урупа, где встретился с айнами Итурупа и привел в подданство «пять князцов и родников их». Затем он перебрался на Итуруп и привел в подданство остальное население Итурупа, а также «двух князцов» с Кунашира [Полонский, с. 414].

Если мы сопоставим сведения Черного о числе приведенных в подданство айнов Итурупа и Кунашира со списками объясаченных айнов, составленных десятилетие спустя Дмитрием Шабалиным и Иваном Антипиным, а также с последующими данными о расположении японских административных единиц на этих островах (которые повторяли расположение айнских селений), то увидим, что Черному действительно удалось привести в подданство всё население Итурупа и Кунашира (по крайней мере, опосредованно — через глав родов, а их было именно 5 на Итурупе и 2 на Кунашире).

На Итурупе Черный получил подробные сведения о торговых отношениях между айнами южных Курильских островов и японцами.

Согласно журналу его похода, айны Итурупа в летнее время промышляли каланов на восточном побережье Урупа, а на следующий год отправлялись на Кунашир или на Хоккайдо, где встречались для торговли с японцами. По словам Черного, на «22-й остров Аткис» (т. е. на северо-восточную оконечность Хоккайдо) приезжает два японских судна, а в последние годы «и на 20-й остров стало одно судно японское ходить» [Полонский, с. 439].

Если бы сложившимся в ходе экспедиции Черного связям удалось устояться, то мы могли бы наблюдать картину, при которой айны южных Курильских островов, перейдя в российское подданство и получив таким образом защиту российской державы, обеспечили бы себе независимость от японцев, при этом сохраняя традиционные торговые связи и промыслы на Курильских островах и поставляя необходимые японские товары на Камчатку. Однако все достижения Черного были уничтожены им же самим: промыслы каланов на Урупе членами его отряда вопреки данному айнам обещанию не чинить им конкуренции, а также демонстративная жестокость по отношению к «сошлым» айнам настроили местное население против него, а потому и против русских в целом. Это привело к

вооруженным конфликтам между русскими промышленниками и айнами средних и южных Курильских островов в 1770–1772 гг.

В 1770 г. к средним Курильским островам отправилось для промыслов судно «Прокопий» компании якутского купца Протодьяконова во главе с боцманматом Сапожниковым. На Урупке промышленники ограбили айнов, требовали с них выплаты ясака и даже убили двух человек, в том числе одного вождя. Из-за этого весной следующего 1771 г. айны южных и средних Курильских островов, сговорившись, убили девятерых русских на о. Маканрур, затем ещё четверых на Урупке, а год спустя — ещё восемь человек. Позже все виновные в преступлениях против айнов были подвергнуты следствию и наказанию, а награбленное имущество — возвращено, однако, по словам А. С. Полонского, «возможность сближения с мохнатыми была утрачена» [Полонский, с. 420].

Следующая попытка сближения с населением южных Курильских островов и установления через них торговых отношений с японцами связана с именем назначенного в 1772 г. нового начальника Камчатки премьер-майора Магнуса Бема (1727–1806). 28 ноября 1772 г. иркутский губернатор Адам Бриль (1719–1786) направил Бему

инструкцию, в которой приказывал снарядить экспедицию на Курильские острова вплоть до «Аткиса» и выяснить возможность установления торговых отношений с японцами. Бему не сразу удалось найти возможного исполнителя этого распоряжения: якутский купец П. С. Лебедев-Ласточкин дал согласие на подготовку к экспедиции в 1774 г., однако снаряженное судно разбилось у берегов Камчатки со всем имуществом купца. На следующий год Лебедеву-Ласточину удалось склонить к участию в экспедиции иркутского купца Г. И. Шелихова (1747–1795). Руководителем экспедиции был назначен иркутский дворянин Иван Антипин, владевший японским языком. Из двадцати пяти пунктов инструкции, переданной Бемом Антипину, установления торговых отношений с японцами касаются пункты 9–13. Согласно им, российская сторона стремилась установить с Японией добрососедские и торговые отношения, утвердив границы и установив таможеню, как это было тогда со странами Европы. Что касается айнов южных Курил, российские власти, несмотря на сведения от И. Черного, не были уверены, подчиняются ли те кому-либо, а потому предписывали: если не подчиняются, то стараться привести их в подданство, одновременно изучая возможность установить торговые отношения. Кроме того, в

своем письме иркутскому губернатору М. Бем писал, что «отправление Николая (судна «Св. Николай», на котором экспедиция отправилась на Уруп. — *В. Щ.*) важно более для государства, по приведению в подданство мохнатых и учреждению сношений с японцами, нежели по промыслам» [Полонский, с. 450]. То есть российская сторона рассматривала айнов южных Курил скорее как объект приведения в подданство, нежели как торгового партнера, а японцев — именно как торгового партнера.

«Св. Николай» покинул Камчатку 24 июня 1775 г., однако спустя шесть недель во время стоянки у о. Уруп судно попало в шторм и было разбито. На материке об этом стало известно лишь в июле 1776 г., когда несколько человек из состава экспедиции на байдарках достигли ближайшего к Камчатке острова. В том же 1776 г. Лебедев-Ласточкин отправил на Уруп две байдары с провизией во главе с передовщиком Д. Я. Шабалиным, а год спустя, в сентябре 1777 г., купцу удалось получить казенное судно «Св. Наталья» и направить его во главе со штурманом М. Петушковым на помощь экспедиции на Уруп.

Перезимовав на Урупе, отряд, во главе которого встал Шабалин, 31 мая 1778 г. на трех байдарках отправилась к южным Курильским

островам вплоть до Хоккайдо. Антипин в этой поездке участия не принимал, оставшись на Урупе. Проводником отряда Шабалина выступил, очевидно, итурупский айн Кориммысаина, который вместе с 11 родственниками мужского пола был приведен в подданство ещё 15 мая на Урупе. 5 июня отряд прибыл на северную оконечность Итурупа, где стал ожидать двух местных «атаманов». Те прибыли на следующий день, и Шабалин привел их в подданство вместе со всеми родственниками, одарив при этом подарками («9 парок драгетовых алых, подклад под оными фанзой, обложены мишурным гасом (тесьмой. — *В. Ш.*); 9 шапок голубаго бархату, обложены таким же гасом, 9 пар сапогов алых козловых для подарок главным атаманам мохнатого народа» [Русские экспедиции, с. 164]).

В течение последующих двух недель отряд продвигался вдоль северо-западных берегов Итурупа и Кунашира, где Шабалин приводил некоторых местных «атаманов» и их родственников в подданство и беря от них проводников «по человеку и по два». С южной оконечности Кунашира члены отряда обзрели также остров Шикотан и мыс Сирэтоко, который Шабалин в своем рапорте и на приложенной к нему карте называет «Короска» [РГАДА, л. 531], но,

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

судя по описанию, под этим названием скрывается Сахалин.

19 июня отряд прибыл в северо-восточную часть Хоккайдо (очевидно, в залив Нэмуру), где застал японское судно. Установив контакт с японцами через курильского толмача Чикина, на следующий день Шабалин лично отправился к ним для переговоров. На предложение Шабалина о торговле японцы ответили, что не могут приступить к ней без позволения своего монарха, «разве для дружества и с перваго случая одними презентами». Тем не менее стороны условились «до указу японского государя... приходить российским и их, японским, судам на два десятый остров» Кунашир ([Русские экспедиции, с. 168]), а именно в глубоко вдающуюся в сушу гавань в 17 верстах к югу от северной оконечности острова (ныне озеро Долгое). Японцы также просили русских прибыть туда к 20 июля следующего 1779 г. На следующий день Шабалин отправил японским переговорщикам в подарок разных тканей, сапог, посуды и других товаров, а для князя Мацумаэ передал зеркало, штоф и бокал, в чем получил расписку на японском языке [РГАДА, л. 153б]. Японцы расспросили русских о своих соотечественниках, попавших в Россию после кораблекрушений, после чего Шабалину и его

спутникам было позволено подняться на японское судно и осмотреть его. 24 июня русские распрощались с японцами и отправились на Уруп, куда прибыли 11 июля. Там было приведено в подданство ещё несколько групп местных айнов: 12 июля был взят ясак с айнов Шикотана, а 20 июля — с некоторых атаманов Итурупа и Хоккайдо.

25 июля Шабалин вместе с Антипиным отправились на «Св. Наталии» в Охотск, куда прибыли 29 августа и сообщили о результатах экспедиции в местную канцелярию. Лебедев-Ласточкин, озабоченный необходимостью сдержать слово и встретиться с японцами в следующем году, закупил разных товаров и припасов, и уже 7 сентября судно во главе с Шабалиным и с Антипиным в качестве переводчика снова отправилось из Охотска на Уруп. Сам же Лебедев-Ласточкин в январе 1779 г., еще до повторного свидания членов экспедиции с японцами, отправился в Петербург для представления обер-прокурору князю А. А. Вяземскому (1727–1793) результатов экспедиции. Иркутский губернатор Ф. Г. Немцов взялся ходатайствовать перед князем о предоставлении Лебедеву-Ласточкину монопольных прав на торговлю с курильцами и

японцами, сославшись на успехи Шабалина в переговорах с японцами и по приведению полутора тысяч айнов южных Курил в российское подданство. Между прочим, в своем письме к князю он говорил: «В бытность же свою Шабалин на вышеозначенном 22-м острове Адкисе (Хоккайдо. — *В. Ш.*) виделся с японцами и, обдаря друг друга, условились каждое лето стараться свидание иметь на двадесятом острове, называемом Кунашир» [Русские экспедиции, с. 180], то есть российская сторона в лице иркутского губернатора считала вопрос о торговле с японцами уже решённым еще до повторной встречи. Однако, что касается ходатайства, в высочайшем указе от 30 апреля 1779 г. запрещалось взимать ясак с приведенных в подданство мохнатых курильцев и повелевалось оставить их свободными [Русские экспедиции, с. 183].

Весной 1779 г. Шабалин и Антипин отправились на встречу с японцами и 24 июня прибыли в гавань «Ноткоме» (ныне Ноккамапу или Ноцукэ, обе в районе залива Нэмуру. — *В. Ш.*). 13 июля к ним пришел курилец из Аккэси, который передал русским от японцев знак о том, чтобы они дальше не ходили, а ждали японцев в Ноткоме. Русские прождали японцев до 21 августа, после чего решили сами отправиться в Аккэси. Там 26

августа Шабалин и Антипин встретились с капитаном японского судна, который передал им письмо «от Матмайского начальника». В нем говорилось:

«Какого государства люди если какую нужду имеют, или что желают от нас, тоб на следующий год ожидали от него (начальника) посланное судно на Кунашир, на коем имеется бухта, где посланные судном своим прибыв, что им желательно будет, переговоры возымеют, а хотя сего лета и следовали из Матмая судном, но погоды противные не допустили и видя время уже позднее, намерены возвратиться, а до Аткиса иностранные люди не ходили бы потому, что Аткисская земля наше место и жительствоющие атаманы мохнатых курильцов от нас получают всякое платье, пшено, табак и другие вещи, а мы вместо того получаем от них жиры, сухую треску, ракушки и прочее для нас потребное (а хорошего ничего не имеется); и для того обращаемся судами; а если, по переговоре пожелает с ними торговаться, то и будет дозволено им в дальние наши города для торговли ходить судном» [Полонский, с. 460].

После этого Антипин и Шабалин еще несколько дней продолжали находиться в Аккэси, понемногу ведя торговый обмен с японцами. 2 сентября начальник японского судна вызвал Антипина и курильского переводчика Чикина и сказал им:

«Я звал тебя для того, что знаешь наш разговор, а к тому же ты с казенной стороны, так же и мы в своем месте имеемся дайкваны, что есть воеводы, посоветовать вам к лутчему, и мы вам зделались знакомцы и дело свое переговорели, о котором я имею донесть главному начальнику, и обещаемся на будущей год на Кунашире видиться, и тогда дружество большое промеж собою зделаем. А сей год больше ожидать вам нечего: приходит осень, застигнут снега, тож и ваше место неблизко, поезжайте отсель, здесь и на Кунашире не зимуйте, естли услышит наш главный начальник, что я вам дал здесь долго жить дозволение, то гневаться будет по-нашему худо, вперет дружба потеряется, да и вы не подумайте о сем, чтоб для худова или сердца на вас: я вперед хошу дружбу иметь. И на будущей год с начальниками буду, а ныне меня послушайте, завтра поезжайте отсель, при том же я в других государствах бывал, называл Орандо, Нанасаки, лет шесть обращался, ежели где не прикажут, тут и не живут» [Русские экспедиции, с. 193].

Услышав это, русские стали готовиться к отъезду. Утром 3 сентября Антипин и Шабалин отправились к японскому начальнику попрощаться. Тот же, встав на колени, сказал им: «Естли поедите, то за рекой к стоящему судну не заезжайте, тут ничего нет и положенной со мной переговор главному начальнику донесу, от коего мне приказано с вами свидиться, и надейтесь верно: на будущей год в ыюне месяце на Кунашир будем».

После этого он протянул руку Антипину и Шабалину, которые ее поцеловали, а затем подарили ему сапоги и кусок красного сукна. Тот же, поблагодарив, сказал: «На будущей год имею привести гостинцы, а ныне ничего хорошева нет, потому мое судно шло сюда для торгу со здешними народами, а с вами для переговору и торгу шли посланные начальники главныя, которых погоды не допустили, за поздостию может возвратились, а напрок придем нарошно для вас» [Русские экспедиции, с. 194].

После этого русские передали начальнику написанный по-русски и по-японски список вещей, которые они хотели бы купить у японцев в следующем году. Начальник передал список переводчикам, и те, прочитав, одобрили. Затем русские, простившись, вышли и отправились к своим байдарам. Но вскоре тот же начальник прислал к ним японца сказать, что накануне пришло судно с чиновниками из Мацумаэ, которые и были направлены для переговоров с русскими, и велеть ожидать вызова. 5 сентября судно прибыло в гавань Аккэси, а 9 сентября Антипина и Шабалина вызвали для переговоров прибывшие чиновники. С японской стороны в этих переговорах приняли участие трое вновь прибывших из Мацумаэ чиновников, а также еще

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

один — тот, с которым до сих пор общались русские.

На вопрос русских об установлении торговли японские чиновники ответили, что «есть место Самур и там есть их бог, который с русскими знакомиться и торговать запрещает и для того, чтобы они на Кунашир и Иторпу (20 и 19 о.) неходили, а буде нужда их есть в пшене и вине, то посылали бы к ним с о. Урупа мохнатых курильцов, чрез которых обещались те японцы оные доставлять, а сами отнюдь не ходили б; если же хотят торговаться, то есть место Нагасаки, их же государства, где со всех сторон собираются народы и торг производят, тоб туда к торгу ходили; а чтобы теперь, не мешкав, следовали к своему судну» [Полонский, с. 461].

Не получив никаких результатов, кроме позволения отправлять мохнатых курильцев с Урупа для приобретения риса и вина, 13 сентября русские уехали из Аккэси и 30 числа того же месяца вернулись на Уруп. С 8 января 1780 г. начались сильные землетрясения, которые повторялись «разов по семи и по восьми» на дню, из-за чего экспедиция не смогла покинуть Уруп. 18 июня случилось самое сильное землетрясение, поднялась волна, которая разрушила жилые постройки и уничтожила имущество, а судно,

готовое к отправке, сорвало с якорей и отнесло в глубь острова на 400 метров. Антипин и еще 14 человек отправились на байдаре на Камчатку за помощью, а Шабалин и еще 52 человека остались на Урупe. Весной 1781 г. Антипин был отправлен с Камчатки в Иркутск для доклада. Лебедев-Ласточкин также встретился с иркутским губернатором Ф. Н. Кличкой (1730–1786) и попросил у него казенное судно для спасения оставшихся на Урупe людей. Кличка, предоставив судно, доложил об этом князю Вяземскому. В этом докладе он также высказался по поводу желания охотского главы Зубова вступить в переговоры с японцами: «Кроме одних его прихотей и издержек, особливо по невоздержному его состоянию, в отдаленных местах не полагается в нем надежда ни к какому приобретению пользы; да и быть оной нельзя по случаю сделанного с японцами у дворянина Антипина свидания» [Полонский, с. 463–464]. То есть, российские власти в лице иркутского губернатора восприняли итоги поездки Антипина и Шабалина как неудачные — по крайней мере, в вопросе установления торговли с японцами.

Итак, в результате переговоров Антипина и Шабалина с японцами полноценных торговых отношений установить не удалось, однако

воспользовались ли русские данным японцами разрешением отправлять к ним в случае потребности в рисе и вине «мохнатых курильцев» с Урупа? По сведениям А. С. Полонского, оставшиеся на Урупе после отъезда Антипина Шабалин и еще 52 человека вплоть до мая 1782 г. безуспешно пытались стащить на воду заброшенное волной на остров судно. В течение этого времени они также отправлялись на промыслы, однако «бобры от землетрясений удалились», а «при неулове бобров, недоставало и продовольствия». Наконец, летом 1782 г. Шабалин вернулся на Камчатку на двух байдарках и «привез с собою промыслов: 61 бобр, 97 лисиц, несколько кошкоков, выдр, соболей и ясаков: 11 соболей, 2 выдры и 3 лисицы, присланные в 1781 г. тоёмом о. Кунашира» [Полонский, с. 465]. Конечно, этих двух упоминаний недостаточно для каких-либо однозначных выводов, но вероятно, что после отъезда из Аккэси осенью 1779 г. и до весны 1782 г. русские пытались получать продовольствие у айнов Итурупа и Кунашира, а с последних даже взяли ясак. В июле 1784 г. Шабалин снова вернулся на Уруп для спасения судна «Св. Наталия», однако и в этот раз из-за разногласий с рабочими ему этого не удалось, и в 1785 г. он окончательно уехал с острова. Каких-либо свидетельств о контактах

русских с айнами или японцами в течение этих двух лет, судя по всему, не сохранилось.

В истории российско-японских отношений переговоры 1778–1779 гг. стали первым и последним эпизодом, когда наряду с русскими и японцами активную роль в них играли айны. С. Коллер в своей статье, посвященной этим переговорам, указывает на две основные функции айнов в них: переводчиков и информантов [Коллер, с. 69–70]. Во время первой встречи в 1778 г. вместе с Шабалиным присутствовали понимавшие по-японски Иван Очередин и, согласно японским источникам, некий Петр или Федор (яп. ヒヨウトロ). Однако Шабалин велел Очередину скрыть знание японского языка «по новости всякого случаю», и общение велось через курильского айна Григория Чикина на айнском языке. В 1779 г. вместе с Шабалиным приехал владевший японским языком Антипин, который в своем журнале сообщает, что несколько раз общался с японцами на их языке («я звал тебя для того, что знаешь наш разговор», — сказал ему японский «дайкван» 2 сентября [Русские экспедиции, с. 193]). Однако переговоры с чиновниками княжества Мацумаэ 9 сентября велись на айнском языке через переводчиков-японцев с японской стороны и курильцев с российской. «[Японцы] чрез

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

мохнатского толмача передовщику говорили, что мы будем чрез одного того мохнатского толмача у вас спрашивать, и лутче слушать станут, на то передовщик согласился», — сообщает об этом Антипин [Русские экспедиции, с. 197]. То есть айнский был выбран в качестве языка общения, чтобы содержание переговоров было понятно присутствовавшим на них, но не знавших японского и русского языков айнских старейшин южных Курил и восточной оконечности Хоккайдо.

Что касается роли курильских айнов как информантов, то имеется в виду, прежде всего, то, что именно благодаря общению с ними русские осознали возможность установить торговые отношения с японцами. На вопрос японских чиновников о том, что привело русских на Уруп, а затем в Аккэси, они ответили, что «сначала наши русские для збору с верноподданных курильцов ясаку начали ходить сюда и о ваших судах известны зделались чрез бывших здесь, что вы приходите и торгуетесь около здешних мест с курильцами, и по выезде дали знать начальникам нашим, кои представили государыне» [Русские экспедиции, с. 197].

Помимо «пассивных» функций — переводчиков и информантов — С. Коллер указывает также на активное участие в переговорах

некоторых айнов южных Курил, в особенности вождя айнов Кунашира по имени Тукиное. В 1774 г. Тукиное инициировал нападение на судно японского торгового дома Хидая Кюбээ, после чего отправка японских судов на Кунашир была приостановлена вплоть до 1781 г. Затем Тукиное сблизился с русскими и организовал их приезд в Ноккамапу в 1778 г. В одном японском источнике об отношениях русских и айнов сообщается, что русские желали иметь дело с японцами, а с айнами и с Тукиное в частности не сближались, считая их подобными животным, а потому ненадежными [Аньэй нананэн, с. 77]. В результате Тукиное не только не смог наладить отношения с русскими, но и получил выговор от японских чиновников за то, что привел русских в Ноккамапу.

В еще одном источнике говорится, что, когда Тукиное приехал в Киитаппу вместе с «варварами дальних островов», он попросил продать ему риса в обмен на шкуры калана. Однако айны Киитаппу отказались продать ему больше риса, чем было необходимо для пропитания, сославшись на озвученное японцами правило, согласно которому теперь они продают лишь то количество, которое сами определяют. Впоследствии айнский вождь раскаялся в своих действиях (нападении на японское судно и приводе русских), принес

извинения и попросил возобновить отправку торговых судов на Кунашир [Сёе какидомэтё].

Однако действия Тукиное, возможно, объясняются его желанием сохранить независимость Кунашира и самостоятельность в ведении торговых отношений. Вероятно, Тукиное впервые встретился с русскими ещё в 1768 г. на Итурупе, где находилась экспедиция И. Черного, который привел в подданство «двух князцов и кроме того двух приезжих с 20-го» острова (Кунашира) [Полонский, с. 409–420]. Позже он мог также участвовать в описанных выше конфликтах с русскими промышленниками за места охоты на каланов на о. Уруп в 1770–1772 гг. Однако, как свидетельствуют японские источники, в 1773 или 1774 г. между русскими и айнами Итурупа воцарился мир, и торговля была возобновлена.

Очевидно, вождь Кунашира Тукиное в продолжение своих контактов с русскими осознал их потребность в рисе, табаке и других японских товарах и решил заняться их поставкой. Примечательно, что, ограбив судно дома Хидая Кюбээ в 1774 г. и тем самым не позволив японцам начать прямые торговые отношения, он не отказался от поездок в Киитаппу и Аккэси для приобретения там японских товаров. В 1775–1779 гг. на Урупе находились члены экспедиции

Антипина, которые также установили регулярные отношения с Тукиное. Как уже говорилось, Тукиное сыграл большую роль в том, что русские отправились на Хоккайдо для непосредственной встречи с японцами. Возможно, он хотел продемонстрировать японцам свои связи с русскими, тем самым указав, что у айнов Кунашира есть не менее серьезный торговый партнер, чем княжество Мацумаэ [Кунасири Мэнаси но татакаи, с. 11] (стоит заметить, что по сообщению японского переводчика Ринъуэмона проводниками русских были айны Итурупа). В этом смысле логичным выглядит принятое по итогам переговоров между японцами и русскими решение вести торговые отношения через айнов Кунашира и Итурупа.

О роли Тукиное во время переговоров русских с японцами в 1778 и 1779 гг., а также о его деятельности между двумя встречами достоверно неизвестно, однако за самим результатом переговоров — устной договоренностью о ведении торговли через айнов Кунашира и Итурупа — угадываются его старания. В этом смысле примечательны также слова в письме «от Матмайского начальника», которое было зачитано Антипину и Шабалину 26 августа 1779 г. (см. выше). В этом письме заметно определенное

противопоставление Кунашира и Хоккайдо: приезд на Хоккайдо запрещается и об этом месте говорится как о японской территории, в то время как Кунашир может стать местом переговоров. Затем, уже во время переговоров с японскими чиновниками 9 сентября 1779 г. на предложение об установлении торговых отношений те сказали, «чтобы они на Кунашир и Иторпу неходили, а буде нужда их есть в пшене и вине, то посылали бы к ним с о. Урупа мохнатых курильцов, чрез которых обещались те японцы оные доставлять, а сами отнюдь не ходили б». Запрет русским посещать Кунашир и Итуруп вызывает вопросы, ибо, как указывалось выше, на Кунашир японцы не приплывали уже с 1773 г., а о пребывании японцев на Итурупе нет ни одного свидетельства до 1785 г. (если не принимать во внимание терпевших крушение и случайно занесенных туда моряков). Возможно, этот запрет был озвучен благодаря ходатайству Тукиное или других айнских старейшин южных Курил — опять же для гарантии независимости как от русских, так и от японцев.

В 1781 г. Тукиное принес извинения дому Хидая Кюбээ и попросил о возобновлении отправки японских судов на Кунашир. Каваками Дзюн объясняет это тем, что торговля с русскими не оправдала ожидания айнов Кунашира, а

потребность последних в японских товарах была чрезвычайно высокой [Каваками 2011, с. 78–79]. Однако это не объясняет того, почему Тукиное попросил о приходе японских судов вместо того, чтобы, как и прежде, самому ездить в Киитаппу и Аккэси для торговли.

Антипин в записи в журнале от 9 сентября 1779 г. сообщает, что на вопрос японцев о торговле с курильцами он ответил следующее: «...на Курильской остров Уруп для курильцов ходим, на которой приходят и жительствоуют наши верноподданные курильцы шестаго на десять острова (Симушир. — *В. Ш.*), с коих збираем в казну ясаки и торгуемся шитыми платьями и протчими, где и зимовку судном имеем и промышляют наши люди бобров сетками, ис коих делаем себе одежду, а с мохнатыми курильцами никакого торгу и вымену ни на что не имеем» [Русские экспедиции, с. 198]. То есть согласно его словам, регулярных отношений с айнами Кунашира и Итурупа у русских на тот момент не было.

Однако вождь Икотои из Аккэси и вождь Сёнка из Ноккамаппу сообщали членам японской правительственной экспедиции 1785–1786 гг. о своих торговых отношениях с русскими. По их словам, русские ежегодно приезжали на Уруп и

продавали айнам шелк, хлопок, сахар, лекарства и другие товары, а айны взамен давали им рис [Эдзоти иккэн, с. 340–341]. Чиновник бакуфу Аосима Дзюндзо (1751–1790) в отчете о восстании айнов в 1789 г. сообщал, что русские перестали приезжать на Уруп лишь после 1785 г., что согласуется с российскими источниками, согласно которым Шабалин с 11 рабочими в 1784 г. прибыл на Уруп для спуска на воду выброшенного на берег судна и оставался там до 1785 г. [Эдзоти иккэн, с. 448–454]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Тукиное попросил в 1781 г. об отправке японских судов на Кунашир для того, чтобы получать от японцев больше риса, чем он мог бы сам привезти из Аккэси и Киитаппу, а затем продавать его русским на о. Уруп.

В контексте запрета русским посещать Хоккайдо примечателен также документ на японском языке, хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (шифр хранения Дорн 861). Документ представляет собой «установления» (яп. *садамэ* 定), написанные от имени «наместника в землях айнов» (яп. *эдзоти бугё*: 蝦夷地奉行) и адресованные айнскому «старшине Сёнка из Ноккамапу». Текст установлений гласит:

Установления

- Запрещаются споры и конфликты после того, как княжеские суда уплывают [в Мацумаэ].
- Надлежит бережно относиться к зданию торговой конторы и не допускать пожаров.
- Если в подведомственный участок занесет японское судно из Мацумаэ или других провинций, надлежит незамедлительно направить к ним айнские лодки, показать данный документ и оказать всяческую помощь.
- Занесенных течением надлежит провожать от селения к селению и как можно скорее доставить в Мацумаэ.

Вышеизложенные установления надлежит строго соблюдать во всех гаванях и бухтах. Если же кто-либо их нарушит, то будет незамедлительно наказан в соответствии с законом. Быть по сему.

Управляющий землями айнов

[...] день 7-го месяца 7-го года Анъэй⁸

Старшине Ноккамашу Сёнко

---

⁸ 7-й месяц 7-го года Анъэй длился с 13 июля по 11 августа 1778 г. по юлианскому календарю.

Японский историк С. Адзума, впервые опубликовавший текст «Установлений», отмечает ценность и эпохальность документа, приводя следующие причины: 1) они являются оригинальным документом княжества Мацумаэ (не копией), каких сохранилось крайне мало; 2) они предоставляют новые сведения об административной системе княжества Мацумаэ; 3) они подтверждают сведения о деятельности торгового дома Хидая Кюбээ на участке Киитаппу в 1778 г.; 4) вероятно, это старейший сохранившийся письменный документ, адресованный японцами айнам; 5) они предоставляют подробные сведения об обращении с потерпевшими крушение судами в землях айнов и княжестве Мацумаэ [Адзума, с. 16].

На наш взгляд, не менее важными являются дата документа, а также тот факт, что он оказался в России не позднее начала XIX в. 7-й месяц 7-го года под девизом правления Анъэй соответствует периоду с 13 июля по 11 августа 1778 г. по юлианскому календарю, то есть «Установления» были выпущены сразу после того, как отряд Шабалина покинул Хоккайдо (это произошло 24 июня 1778 г.), договорившись о встрече на Кунашире через год. Поскольку ко времени прибытия на Хоккайдо Шабалин успел привести в

российское подданство всех «атаманов» Итурупа, Кунашира, Шикотана, и даже несколько человек с Хоккайдо, это, возможно, вызвало встречные действия со стороны чиновников княжества Мацумаэ, выступавших надзирателями на судах торгового дома Хидая Кюбээ. Адресатом «Установлений» значится вождь района Ноккамапу по имени Сёнка — известно, что он поддерживал активные торговые отношения с японцами (впоследствии он сыграет важную роль в усмирении восстания айнов в 1789 г.), при этом в реестре объясаченных Шабалиным айнов его имя мы не обнаруживаем.

Исходя из текста «Установлений», документ должен был постоянно находиться у Сёнка, хотя при этом и отмечается, что «установления надлежит строго соблюдать во всех гаванях и бухтах», то есть Сёнка выступал своего рода гарантом соблюдения этих установлений другими айнами подчиненного ему района. Каким же образом документ оказался в России? Возможных путей было несколько. Во-первых, документ мог быть передан Шабалину или Антипину уже в следующем 1779 г. или в течение 1780–1785 гг., когда имели место контакты членов российской экспедиции с айнами на Урупе. Во-вторых, документ мог получить А. Лаксман, глава

русской экспедиции на Хоккайдо 1792–1793 гг.: судно экспедиции несколько месяцев находилось в Нэмуру, а её члены могли контактировать с местным населением, хотя Лаксман и сообщал в своем журнале, что японцы всячески этому препятствовали [Лаксман, с. 126]. В-третьих, документ мог попасть в Россию через колонию компании Г. И. Шелехова, основанную в 1795 г. на Урупе и просуществовавшую там до 1805 г. Наконец, последним возможным каналом могла стать экспедиция Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова к южным Курильским островам 1807 г.

На листе «Установлений» имеется печать Российско-Американской компании, основанной в 1799 г. на базе компании Г. И. Шелихова. Более того, известен даритель документа Императорской Публичной библиотеке, предшественнице Российской национальной библиотеки, — им стал один из основателей компании, зять Г. И. Шелихова, великоустюжский купец М. М. Булдаков (1766–1830). 15 и 17 мая 1814 г. он отправил имевшиеся у него японские книги и документы общим количеством семь единиц первому директору библиотеки Н. А. Оленину. «Установления» именуется в его реестре «хартией маленькой письменной» [Васильева, с. 73]. В «Каталоге восточных рукописей и ксилографов из

Императорской Публичной Библиотеки в Санкт-Петербурге», изданном в 1852 г., «Установления» названы «Контрактом между двумя персонами 1778 г.» [Catalogue, p. 625–626]. Поскольку происхождение японских книг и документов от Российско-Американской компании не вызывает сомнений, наиболее вероятными становятся последние два источника — колония компании на Урупе или экспедиция Хвостова и Давыдова. По крайней мере ещё одна японская книга и один документ имеют датировку (1800 и 1805 гг.), определенно позволяющую предполагать их происхождение от Хвостова. В то же время не следует исключать и первый вариант — российскую колонию на Урупе — поскольку лишь контакты её жителей с айнами Хоккайдо не вызывают сомнений. Так или иначе, есть основания предполагать, что сама передача документа айнами Хоккайдо (вероятно, самим Сённо) русским являла собой свидетельство подчиненности айнов Хоккайдо японцам.

Распространено мнение, что русские желали установления торговли с японцами для обеспечения продовольствием своих дальневосточных поселений, прежде всего Охотска и Камчатки. Но очевидно, что на этапе экспедиций 1775–1785 гг. это еще не стало движущей силой

российских попыток, ведь русские так и не воспользовались данным им правом регулярно получать рис от японцев через курильских айнов. Сыграли свою роль также труднодоступность южных Курильских островов и климатические сложности для имевшегося уровня судоходства: за годы экспедиций по разным причинам потерпели крушение три российских судна. После 1785 г. плавания русских к южным Курильским островам прекратились на десять лет. П. С. Лебедев-Ласточкин перебросил свою деятельность на Алеутские острова, другие купцы также потеряли интерес к Курилам вплоть до 1795 г., когда компанией Г. И. Шелихова на Урупке было вновь основано поселение с перспективой установления отношений с японцами.

Эти десять лет стали судьбоносными для айнов южных Курильских островов и северо-востока Хоккайдо. Власти княжества Мацумаэ, посчитав, что им удалось успешно разрешить переговоры с русскими, решили не сообщать о них центральному правительству Японии. Однако определенные разногласия между чиновниками княжества Мацумаэ и работниками торгового дома Хидая Кюбээ привели к тому, что слухи о визитах русских на Хоккайдо достигли японской столицы Эдо. В 1785–1786 гг. состоялась первая японская

правительственная экспедиция в земли айнов [подробнее см. Щепкин 2015]. Её задачи состояли в следующем: изучение ситуации с эксплуатацией торговых участков, исследование географических условий, растений, животных и минералов, а также расположения залежей драгоценных металлов, изучение политики княжества Мацумаэ в отношении земель айнов и его финансового положения, проверка фактов прихода иностранных судов и нелегальной торговли [Эдзоти иккэн, с. 318–320].

Экспедиция состояла из двух отрядов, западного и восточного. Западный должен был обследовать дальние земли айнов в северной части Хоккайдо и на Сахалине. Однако в контексте темы данного раздела нас в первую очередь интересует восточный: в его обязанности входило обследование северо-восточной оконечности Хоккайдо, а также Курильских островов. Участники восточного отряда в 1785 г. дошли до района Киитаппу и оттуда перебрались на Кунашир, однако из-за погодных условий, вызванных окончанием теплого сезона, дальше на север они продвинуться не смогли. Во время пребывания в Киитаппу и на Кунашире до них дошли слухи о русских на Урупe, и для подтверждения они отправили туда вождя Кунашира Тукиное. Из-за

плохой погоды Тукиное долгое время не возвращался, поэтому руководители группы решили оставить одного из членов экспедиции Оиси Иппэй дежурить, а сами вернулись в Мацумаэ с намерением отправиться на Курилы весной следующего года. Когда один из руководителей западного отряда Сато Гэнрокуро прошел вдоль северного побережья Хоккайдо и 9 ноября встретился с Оиси в Аккэси, до них всё же дошли вести о том, что Тукиное вернулся и находится в местечке Сибэцу. Сато отправил Оиси в Сибэцу. Выяснилось, что Тукиное вернулся, узнав со слов вождя Итурупа Хаусиби о том, что русские уже уехали с Урупа обратно на Камчатку. После этого Сато уехал в Мацумаэ, откуда вернулся в Эдо для представления отчета и получения разрешения на продолжение экспедиции в следующем году.

Основное внимание в отчете Сато Гэнрокуро было уделено возможности сельскохозяйственного освоения Хоккайдо и Сахалина. Он сообщал, что местные жители, айны, сами давно хотят научиться возделывать землю, но власти княжества Мацумаэ запрещают своим вассалам обучать их этому, т. к. опасаются, что купцы-откупщики потеряют дешевую рабочую силу для рыболовных промыслов. Вождь айнов Ноккамапу по имени

Сёнко тайно приходил к Гэнрокуро, поведал ему о торговле с русскими и сообщил о давнем желании местного населения выращивать рис и табак, которые пользовались у русских большим спросом. Глава финансового ведомства Мацумото Хидэмоти, ознакомившись с отчетом Сато Гэнрокуро, сопровождал его запиской, в которой сосредоточил внимание на возможности сельскохозяйственного освоения земель айнов, и вместе с отчетом преподнес её главе правительства Танума Окицугу 5 марта 1786 г. Танума согласился с предложениями по возделыванию новых сельскохозяйственных площадей, а т. к. силами одних лишь айнов обойтись было невозможно, Мацумото Хидэмоти начал переговоры с главой столичных *хинин* и *эта*⁹ о выделении нескольких тысяч людей для отправки на север.

В 1786 г. члены экспедиции смогли обследовать не только Кунашир, но и Итуруп и

---

⁹ *Хинин* (яп. 非人), *эта* (яп. 穢多) — японские социальные группы, объединявшие людей, чей род деятельности не позволял причислять их к основным сословиям. К первым относили бродячих актеров, охотников, странствующих монахов и т. д., ко вторым — представителей «нечистых» профессий (выделка кож, забой скота, уборка мусора). Во главе *хинин* и *эта* г. Эдо стоял Дандзаэмон из Асакусы, который мог по просьбе властей мобилизовать подчиненных на те или иные виды общественных работ.

даже Уруп. На Итурупе японцы встретились с тремя русскими, которые жили там среди айнов, сбежав за пару лет до того от своих соотечественников с Урупа. Вероятно, они были участниками экспедиции Шабалина, который в 1784 г. направился на Уруп, чтобы спустить на воду судно «Св. Наталия», выброшенное за четыре года до того землетрясением на остров.

Участник экспедиции Могами Токунаи предложил двоим русским проследовать с ним на Кунашир, где руководители отряда Аосима Дзюндзо и Ямагути Тэцугоро расспросили их о России, Камчатке и деятельности русских на Курилах. Оставив русских под надзором Токунаи на Кунашире, в июне и июле Аосима и Ямагути направились на Итуруп, где первый занялся обследованием юго-восточного побережья, а второй — северо-западного. По-видимому, двое русских на Кунашире нужны были японцам в качестве заложников на случай возможных встреч с русскими на Урупе и севернее. Вернувшись в конце августа на Кунашир, они снова встретились с русскими и настоятельно рекомендовали им вернуться на родину, а в дальнейшем не приезжать на острова южнее Урупа. Затем отряд вернулся в Аккэси и отправился обратно в Мацумаэ.

Еще во время встречи с айнскими вождями Икотой и Сёнко в Аккэси в 1785 г. члены экспедиции узнали, что власти княжества Мацумаэ и купцы-откупщики запрещали айнам рассказывать о контактах с русскими под угрозой расправы и прекращения торговли. Также айны поведали, что русские ежегодно приезжают на Уруп, где торгуют парчой, ситцем и сахаром. Услышав это, чиновники бакуфу заподозрили власти княжества Мацумаэ в нелегальной торговле с северными соседями, однако проверка торговых стоянок не дала никаких доказательств. В 1786 г. члены экспедиции получили возможность пообщаться с русскими напрямую. Встречи Могами Токунаи и Ямагути Тэцугоро с русскими на Итурупе стали первым случаем контактов представителей японского правительства с северными соседями. Русские рассказали японцам о деятельности первопроходцев и купцов, о политике российского государства по освоению Сибири и островов Тихого океана. В результате японцы смогли узнать, что жители Урупа и островов к северу от него уже подчиняются России. Могами Токунаи замечал, что русские свободно плавают от Камчатки до Урупа, в то время как люди из княжества Мацумаэ даже плавание до Кунашира считают опасным. Привычку русских к холодам члены экспедиции также считали большим их преимуществом перед

японцами в деле освоения Курил. В то же время случайность пребывания троих русских на Итурупе породила в японцах мысль о необходимости закрепиться на острове до того, как это сделают русские.

Из-за крупных политических перестановок в центральном правительстве после смерти 10-го сёгуна Токугава Иэхару первая японская экспедиция в земли айнов, можно сказать, закончилась ничем: новый глава совета старейшин Мацудайра Саданобу как деятель весьма консервативный был склонен сохранять существовавшее положение, при котором в землях айнов ведётся исключительно торговля под контролем дома Мацумаэ. Более того, можно сказать, что экспедиция даже негативно повлияла на жизнь айнов, в особенности северо-восточной оконечности Хоккайдо: многие из них сообщали чиновникам центрального правительства компрометирующие сведения о деятельности торгового дома Хидая Кюбээ и княжества Мацумаэ. Кроме того, длительное пребывание правительственной экспедиции приостановило привычную деятельность торговцев, поэтому после уезда столичных чиновников японские торговцы принялись за вылов рыбы и изготовление из неё удобрений с удвоенным усердием. Для работ

японцы стали активно нанимать местных айнов за чрезвычайно низкую оплату, и им перестало хватать времени для заготовки на зиму необходимой пищи. Засушкой рыбы, сбором лесных растений они занимались в основном летом, и теперь многие стали гибнуть зимой от голода. Им стало казаться, что надсмотрщики намеренно пытаются уничтожить айнов, чтобы потом прийти на их земли уже с японцами. Женщин, которые не могли работать, присматривая за детьми, бросали в котлы с кипятком, в предупреждение другим держали на привязи, как собак, бросали в реку, избивали палками. Таким образом, на протяжении нескольких лет айны не только насильно принуждались к почти бесплатному труду, но и терпели постоянное физическое насилие.

Всё это привело к тому, что летом 1789 г. на Кунашире и на северо-востоке Хоккайдо вспыхнуло восстание, в ходе которого айнами было убито более 70 японцев. Движущей силой восстания стало молодое поколение айнов мужского пола, которые, в отличие от своих старших родственников, занимавшихся торговлей на Итурупе и севернее, чаще были вынуждены наниматься на сезонные работы к японцам. Трое наиболее авторитетных айнских вождей северо-востока Хоккайдо и Кунашира — Тукиное, Сёнок и

Икотои — ничего не знали о начале восстания. Более того, узнав о случившемся, все трое начали поспешно принимать различные меры для разрешения ситуации и оказывали содействие властям княжества Мацумаэ. В княжестве о восстании стало известно 23 июня благодаря сообщению, полученному от чиновника княжества, находившегося в тот момент неподалеку от места событий. Незамедлительно был собран отряд из 260 человек во главе с Ниида Госабуро, который пешим ходом добрался до Аккэси, а затем погрузился на суда и 28 августа прибыл в Ноккамапу. Быстрому разрешению ситуации помогло то, что вожди айнов собрали в одном месте всех предполагаемых участников восстания — без их помощи сделать это было бы крайне сложно. Во время допроса власти княжества Мацумаэ поручили троим вождям разобраться, кто из айнов участвовал в восстании по принуждению, и кто не был замешан в убийствах людей, что также свидетельствует о доверии японцев к вождям айнов. В результате выяснилось, что всего в восстании участвовали 130 человек, а к убийствам японцев причастны 37 из них. Эти 37 человек, в числе которых был сын Тукиное Сэппая, были выданы властям Мацумаэ и 10 сентября того же года казнены. Тукиное, вероятно, понимал, что дальнейшая эскалация конфликта со временем

может привести к полному истреблению айнов Кунашира и северо-востока Хоккайдо. Таким образом, пожертвовав 37 айнами, вожди смогли сохранить существование всего народа.

Центральное правительство Японии, узнав о восстании, обеспокоилось возможным сближением айнов Кунашира и северо-востока Хоккайдо с русскими. Среди японцев даже прошел слух о том, что русские, возможно, подстрекали айнов к восстанию. Чтобы разобраться в ситуации непосредственно, *бакуфу* направило в земли айнов одного из членов правительственной экспедиции 1785–1786 гг. — Аосима Дзюндзо. Расследование продолжалось около года. В результате в правительство поступило два отчета: о расследовании деятельности торгового дома Хидая Кюбээ в землях айнов и о расследовании в отношении вассалов дома Мацумаэ. Первый отчет подробно освещал историю взаимоотношений дома Хидая Кюбээ с княжеством Мацумаэ и землями айнов со времен прадеда Хидая Кюбээ, торговую деятельность дома с момента сдачи ему на откуп пяти участков от княжества Мацумаэ до восстания айнов, а также свидетельства выживших работников торгового дома о ходе восстания [Эдзоти иккэн, с. 486–482]. Во втором отчете излагалась история управления землями айнов

домом Мацумаэ; обстоятельства торговли в каждой местности с начала правления Токугава; имена откупщиков, переданные им на откуп участки и периоды откупа; политика княжества накануне восстания; финансовые взаимоотношения дома Мацумаэ и торгового дома Хидая Кюбээ; свидетельства о жестоком обращении работников дома Хидая Кюбээ с местным населением; обстоятельства переговоров с русскими в 1778–1779 гг.; а также планы по урегулированию финансовых вопросов с домом Хидая Кюбээ.

В результате рассмотрения отчетов подтверждалось уже осуществленное княжеством Мацумаэ лишение его прав на торговые участки, но в то же время княжеству предписывалось в течение четырех лет вернуть торговому дому все существовавшие на тот момент долги. Погибшие во время восстания работники торгового дома были признаны невиновными в жестоком обращении с айнами, а показания участвовавших в восстании айнов – не подтвержденными.

К указанным отчетам прилагался также документ под названием «Реформа управления землями айнов» [Эдзоти иккэн, с. 490–491], который представлял собой изложение планов дома Мацумаэ по усовершенствованию своей политики. Согласно документу, предполагалось

перевести под прямое управление княжества пограничные участки западных и восточных земель айнов, основать там сторожевые посты и направить на постоянную службу пехотинцев-*асигару* и самураев, уделять особое внимание заботе о местном населении. В то же время планировалось запретить торговцам оставаться в землях айнов на зимовку, постараться увеличить жалование айнов. Ввиду близости иностранного государства (России) предполагалось начать создание оборонительных укреплений и системы светового оповещения, а также регулярно направлять вассалов для обследования приграничных территорий.

На деле все перечисленные мероприятия были вряд ли по силам княжеству, доход которого (пусть даже только формальный) составлял всего десять тысяч *коку* риса — минимальная сумма для причисления к рангу *даймё*. Лишив торговый дом Хидая Кюбээ прав на откуп торговых участков Кунашир, Киитаппу, Аккэси и Соя и переведя их под свое прямое управление, княжество Мацумаэ не нашло ничего другого, как ввести формальную должность поверенного в торговых делах на этих участках и назначить на нее другого крупного купца — Мураяма Дэмбээ (1738–1813). Последний взял на себя расходы на строительство сторожевых постов и отправку туда воинов княжества, но на

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

деле передача этих торговых участков на откуп продолжилась. Уже к 1790 г. сторожевые посты были организованы в Аккэси, Соя и Исикари, а 16 июня того же года вассал княжества Такахаси Сэйдзаэмон отправился на Сахалин, где также основал сторожевые посты в Тоннаи на севере и Кусюнкотан на юге. А Мураяма Дэмбээ организовал также новые торговые участки на побережье Охотского моря в Момбэцу и Сяри, тем самым связав подконтрольные территории в единую цепь от Соя на западе до Аккэси на востоке. Он продолжал управлять ими до 1796 г.

Не прошло восстание бесследно и для взаимоотношений японцев и айнов в целом. Оно стало последним вооруженным выступлением айнов против надвигавшегося японского господства, при этом уже в ходе восстания внутри самого айнского общества наметились разные видения собственного будущего. Большинство участников восстания составили молодые айны, которые еще не теряли надежду сохранить независимость своего народа, однако более опытные вожди к тому времени осознали, что в отличие от потребности японцев в товарах айнских земель, которую те способны удовлетворить и собственными силами (японские рабочие из северных княжеств уже нанимались на работы

наряду с айнами), зависимость айнов от японских товаров перешла критическую черту, и отныне сохранить само существование айнского народа возможно, лишь играя по японским правилам. Именно после восстания 1789 г. северо-восток Хоккайдо, Кунашир, а также юг Сахалина окончательно включаются в сферу политического влияния Японии. С этого времени старосты айнских поселений (айн. *котанкоркур*) этого региона стали использоваться в качестве проводников воли японского государства (на юге Хоккайдо эта практика применялась уже давно) [Каваками 1990, с. 146–147].

В то же время восстание айнов Кунашира и северо-востока Хоккайдо 1789 г. не повлекло за собой значительных перемен во взаимоотношениях центрального правительства и княжества Мацумаэ. Фактический глава *бакуфу* Мацудайра Саданобу более всего опасался причастности к восстанию айнов иностранного государства — России, однако убедившись в отсутствии таковой и положительно оценив скорое подавление восстания силами княжества Мацумаэ, решил не вмешиваться в дальнейшее развитие ситуации, что наглядно иллюстрирует его общий пассивный подход к вопросу о северных землях на раннем этапе. Тем не менее, события 1790-х гг. — визит экспедиции

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

А. Лаксмана в Нэмуру, Хакодатэ и Мацумаэ в 1792–1793 гг., основание российской колонии на Урупe в 1795 г., а также заход судов британской экспедиции У. Броутона в гавани Хоккайдо в 1796–1797 гг. — привели к организации второй правительственной экспедиции в земли айнов в 1798–1799 гг. и окончательному переводу восточных, а затем и западных земель айнов под прямое управление центрального правительства Японии.

Список источников и литературы

1. Адзума Сюнсуке 東俊佑. Анъэй 7 нэн но эдзоти бугё: садамегаки ни цуйтэ 安永7年の蝦夷地奉行定書について (Об установлениях наместника в землях айнов 1778 г.) // Хоккайдо: хакубуцукан кэнкю: киё: 北海道博物館研究紀要 = Bulletin of Hokkaido Museum, №2, 2017. С. 15–24.
2. Алпатов В. М. Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 126–138.
3. Анъэй нананэн мацумаэ эдзоти укэои басё э росиадзин хадзимэтэ торай но ки 安永七年松前蝦夷地請負場所江魯西亜人始テ渡来之記 (Записи о первом прибытии русских в откупной участок в мацумаэских землях айнов в 7-м году Анъэй) / Хидая Мукава кэ мондзё 飛騨屋武川家文書 (Документы дома Хидая Мукава) // Дайкокуя Ко:даю: сирё:сю: 大黒屋光太夫史料集 [Сборник источников по истории Дайкокуя Кодаю] /

- под ред. Ямасита Цунэо 山下恒夫. Т. 1. Токио: Нихон хё:ронся 日本評論社, 2003. С. 73–78.
4. Васильева О. В. «В пользу Императорской Публичной Библиотеки...»: приращение фондов восточными манускриптами в 1812—1814 гг. // Страны и народы Востока / Вып. XXXV: коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. М.: Наука — Восточная литература, 2014. С. 61–81.
  5. Каваками Дзюн. Аину сю:тё:со: то кансэй но хо:ки [Вожди айнов и восстание годов Кансэй] // Сандзю:нанахон но инау: Нэмуру симподзиуму «Кунасири Мэнаси но татакай»: кансэй аину но хо:ки 200 нэн [37 инау: симпозиум «Война в Кунашире и Мэнаси» в Нэмуру: к 200-летию восстания айнов в правление Кансэй] / Нэмуру симподзиуму дзикко: иинкай [Оргкомитет симпозиума в Нэмуру]. Саппоро, 1990. С. 146–147;
  6. Каваками Дзюн 川上淳. Кинсэй ко:ки но окуэдзотиси то нитиро канкэй 近世後期の奥蝦夷地史と日露関係 (История дальних земель айнов во второй половине периода Эдо и российско-японские отношения). Саппоро 札幌: Хоккайдо сьоппан кикаку сэнта: 北海道出版企画センター, 2011. 487 с.
  7. [Козыревский И. П.] Доношение И. П. Козыревского в Якутскую воеводскую канцелярию о своей деятельности на Камчатке и Курильских островах // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984. С. 34–36. («Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в. Том 1).

8. [Коллер С.] Кора: Сусаннэ コラー・スサンネ (С. Коллер). Анъэй нэнкан но эдзоти ни окэру нитиро ко:сё то тисима аину 安永年間の蝦夷地における日露交渉と千島アイヌ (Японо-российские контакты в землях Эдзо в годы Анъэй и курильские айны) // Хокудай сигаку 北大史学, № 42, 2002. С. 56–79;
9. Кунасири мэнаси но татакаи クナシリ・メナシの戦い (Война на Кунашире и в Мэнаси). Нэмуро 根室: Нэмуроси кё:ику иинкай 根室市教育委員会, 1994. 42 с.
10. [Лаксман А.]. Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. №4, 1961. С. 117–146.
11. Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 367–576.
12. [РГАДА]. Российский государственный архив древних актов. Фонд 7. Опись 2. Дело 2539. О Курильских островах, народе чукчах и вообще о Камчатке и проч. 531 лл.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989. 400 с.
14. Сёё какитомэтё 諸用書留帳 (Книга записей по различным делам) // Фотокопия рукописи, шифр 旧記 0518, Отдел северных материалов Библиотеки Университета Хоккайдо.
15. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. Материалы к истории становления айнского этноса. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.

16. [Уэхара Кумадзиро]. Эдзо тимэй ко: нарабини ритэйки 蝦夷地名考並里程記 (Исследование айнских топонимов и записи расстояний) // Рукопись из коллекции Токийского государственного музея, шифр хранения QA-601.
17. Щепкин В. В. Первая японская правительственная экспедиция в земли айнов (1785–1786 гг.) // Страны и народы Востока / Под общ. ред. И. Ф. Поповой. Вып. XXXV. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. С. 371–390.
18. Эдзоти иккэн 蝦夷地一件 (Дело о землях Эдзо) // Син Хоккайдо: си 新北海道史 (Новая история Хоккайдо). Т. 7. Источники (1). Саппоро 札幌: Хоккайдо: 北海道, 1969. С. 259–507.
19. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1852. 744 p.

Глава 4. Записи об айнах в журнале Н. А. Хвостова в ходе экспедиции на Сахалин 1806 г. *

(О. В. Климова)

«Экстракт из журнала фрегаты Юноны, плавания От Охотска в губу Анива и обратно в Камчатку Гавань Петра и Павла» [6] был составлен Николаем Александровичем Хвостовым (1776–1809) во время его первой экспедиции на Сахалин в 1806 г. Подлинник «экстракта» хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) и является ценным источником, на страницах которого описывается не только сам ход экспедиции, но и содержится уникальная информация о местных жителях Сахалина — айнах.

В начале XIX в. коренное население Сахалина представляло особый интерес для российского правительства. Об этом говорит и тот факт, что еще до отплытия в Японию первого официального посольства во главе с Н. П. Резановым (1764–1807) из России, министр коммерции Н. П. Румянцев (1754–1826) предложил ему в случае отказа

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20-09-00401

Японии от торговли произвести разведку обстановки на Сахалине: «один ли народ на Сакалинском острове находится или многие, кому принадлежит остров сей, почитают ли его японцы принадлежностью Китая, или независимым, в какой связи сии островские жители с японцами и каким образом можно бы достигнуть до открытия там торгога» [7].

Летом 1804 г. Н. П. Резанов, прибыл в Нагасаки с целью установления торговых отношений между Россией и Японией. Однако после шестимесячного ожидания он получил отказ от Японского правительства и в конце мая 1805 г. был вынужден вернуться на Камчатку в Петропавловский порт. Понимая свой долг перед Россией в приумножении ее территорий, Н. П. Резанов наметил экспедицию на Сахалин для того, чтобы расширить российское влияние и начать торговлю с местным населением.

9 июня 1805 г. Резанов направляет из Петропавловской гавани на высочайшее имя доклад, в котором сообщает данные о местоположении Сахалина и рассказывает о местном населении Сахалина — айнах.

Японцы на Матмае сказали, что южная часть Японского острова Карафуту, которой пространством в половину Матмая, что они ходят туда за рыбными и звериными промыслами, что народ там тот же айно, что на Матмае и Урупе.

спрашивал я Японцов, далече ли Карафуту простирается, ибо должен тут быть Российский остров Сахалин. Они отвечали, что Северной часть Карафуту они не знают и туда не ездят, что там пролив весьма мелкой, а за ним лежит остров Сандан или Сахалин, которой принадежит не России, а Манжурам. Отобрав сии сведения поспешили мы выйти и нашли, что это остров Сахалин [5, л. 267].

Стоит отметить, что Н. П. Резанов обращает особое внимание Александра I (1777–1825) на остров Сахалин и призывает к скорейшему его заселению, отмечая, что «для России же место сие не только нужно, но и необходимо» [5, л. 268об], и что «издержки для водворения на Сахалин ничтожны и сугубо возвратиться могут» [5, л. 269]. Там же, на Сахалине, в губе Анива, происходит первая встреча Резанова с местными жителями — «добродушными» айнами.

Народ был тот же айно и весьма добродушной. Мы нашли тут Японскую факторию, двух присылаемых на лето от правительства офицеров, порядочный для сих чиновников дом, кумирню, и на обоих берегах шеснадцать преогромных магазинов, из которых некоторые же были наполнены, а другие еще наполнялись рыбою, которую невероятно до какой степени губа сия изобилует [5, л. 268об].

Н. П. Резанов отмечает, что с помощью японского языка ему удалось узнать, что данная фактория была построена около семи лет назад, в 1798 г., купцами из города Осака. Изобилие рыбы, лисиц и «кипа выдр» [5, л. 268об], привлекло внимание камердинера, главной целью которого было установить торговлю с местными жителями. Была сделана попытка обмена товаров, в результате которой, удалось за аршин бархата получить японскую азбуку «дзибики» (яп. 字引|, «словарь». — *О. К.*). Привлекает внимание то, как в своем отчете императору Александру I Резанов описывает порабощенных японцами айнов.

Народ здесь предоброй, губа очень заселена Аинами, мы видели несколько сот их и Японцы подчинили их своему рабству. Все лето ловят они

и солят рыбу, а зимою промышляют зверей, которых Японцы весною обирают. Несмотря на превосходное число жителей, хотя Японцов всего и судовским не более сорока человек было, но они ими управляют и один японец гонит пятьдесят на работу [5, л. 268об].

В это же время, в 1805 г., в Петропавловском порту происходит первая встреча Резанова с лейтенантом Н. А. Хвостовым и мичманом Гавриилом Ивановичем Давыдовым (1784?–1809). Именно им он поручает важную миссию — экспедицию на Сахалин. Основные цели данного мероприятия он описывает в своей секретной инструкции от 8 августа 1806 г.

1. Обозрение 18-го Курильского острова Урупа [...]
2. Гавань на северной стороне 16-го Курильского острова будет великим для будущих видов пособием. [...]
3. Поставя вам предметом оба вышесказанные острова, заметить должны вы, что исполнение перывх двух пунктов имеет целью усилия наши к достижению выгодоной для нас торговли с Япониєю. [...]

4. Остров Сахалин будет так же значущим к сему плану предметом. [...]

Во всей губе жителей до 500 человек. Дав вам понятие о состоянии острова сего, предписываю:

1. Войти в губу Анива и, буде найдете японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных, отобрав, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая, сказав, чтоб никогда они Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут [...]

2. Взятых оттуда японцов иметь вам в строгом присмотре на судне вашем, но не огорчать их [...] и всех их доставить в Ново-Архангельск.

3. Ежели силы позволят вам сделать высадку, то в таком случае стараться обласкать сахалинцов, уверить их, что принадлежат они такому монарху, под защиту которого всегда спокойными быть должны; [...] произвести с ними мену, чтобы узнать образ оной.

4. Что найдете в магазинах [...] взять все с собою [...], строения зжечь, оставляя казармы и всякое строение в целости впредь для удобнейшаго водворения.

5. Из кумирни забрать все идолы, и захватя одного бооза [...] взять его с собой в Америку. [...] Исполня же все сие, следовать вам в порт Ново-Архангельск обоими судами.

6. В рассуждении сахалинцов и японцов всюду, где не встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред изстреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество.

7. Но как экспедиция сия по разлучению судов должна разделена быть и ея исполнением, то командиру тендера «Авось» поручите исполнение перваго и втораго пунктов, назнача по возвращении вашем соединиться с ним, где и в котрое время вы за благо признаете, чтоб быть вместе в губе Аниве. [...] потом возвратиться в Ново-Архангельск.

8. Ежели, паче чаяния, великое количество японских судов превзойдет силы ваши, то само по себе следует, что лишитесь вы возможности исполнить предписанное.

9. Стараться у японцов разведать, где имянно они на других островах гряды Курильской водворились.

10. [...] буде ветры позволят, то зайти в Камчатку, где отдав в Петропавловской гавани [...] депешу [...] в назначенный путь следовать.

11. [...] обязать на судне вашем подпискою, чтоб никто не разглашал о намерениях экспедиции сей [...] [11, л. 38–41].

Особый интерес представляют инструкции Резанова относительно айнов. Из них мы видим, что главной целью было «обласкать», «привлекать ласками», принять под свою защиту местных жителей — то есть принять их в российское подданство, а также «произвести с ними мену, чтобы узнать образ оной».

24 сентября 1806 г. Резанов объявляет об окончательной отмене экспедиции. Однако в дополнении к своей последней инструкции Резанов все также предписывает Хвостову «обласкать сахалинцов подарками и медалями» и при условии, если будет попутный ветер, «взглянуть, в каком состоянии водворение японцев находится» [11, л. 42].

Обращает внимание на себя и тот факт, что даже при отмене всей экспедиции, план которой тщательно составлялся на протяжении почти полутора лет, Резанов особым образом выделяет айнов, предписывая Хвостову их «обласкать» подарками и медалями. Конечно, подобное противоречивое дополнение к инструкции не могло

не удивить Хвостова, однако, оно не остановило его от исполнения первоначального плана экспедиции на Сахалин. Это подтверждает и журнал Хвостова «Экстракт из журнала фрегаты Юноны, плавания От Охотска в губу Анива и обратно в Камчатку Гавань Петра и Павла», в котором содержатся неоспоримые доказательства того, что лейтенант Хвостов бесспорно исполнил все предписания Резанова от 8 августа 1806 г.

В результате тщательного анализа российских и японских архивных материалов удалось установить, что Хвостов во время своей первой экспедиции на Сахалин в 1806 г. совершил три остановки. Первое поселение он оставил без названия, а два последующих назвал «Сумнение» и «Любопытство». Интересно, что в японских источниках упоминаются только два последних поселения, называемых «Офитомари» (オフイトマリ) и «Кусюнкотан» (クシユンコタン). Каждую остановку лейтенант Хвостов фиксирует во всех подробностях: описывает реакцию айнов на встречу с русскими, документирует состояние поселений коренных жителей Сахалина, их обычаев и их отношение к японцам.

К первому поселению, которое располагалось на восточной оконечности мыса о. Сахалин,

Хвостов причалил 6 октября 1806 г. Однако из-за плохих погодных условий он смог причалить к берегу только на следующий день — 7 октября. Именно тогда произошла его первая встреча с айнами. На берег Хвостов высадился с группой в 18 человек, четверых отправил за водой, а троих — в том числе лейтенанта Карпинского — взял с собой в поселение айнов. Остальных лейтенант Хвостов решил оставить на баркасе «с тем приказанием, что ежели они услышат выстрел, бежали бы в ту сторону» [6, л. 3]. В своем журнале Хвостов описывает первую встречу с айнами следующим образом.

По приезде на берег встретили нас пять человек Сахалинцов , все старше не менее пятидесяти лет, с первого нашего шагу старались мы им понтамимами показать нужду нашу в воде, из-за юрт выглядывало много людей, я старался узнать чрез лексикон, где их селение, но они, как будто боясь, не отвечали».

«Островитяне проводили нас на самое возвышенное место в юрту, которая была более всех, тут нашел раскладенных два огня, около которого сидели пятнатцать человек мужчин, шесть женщин и несколько ребятишек; на лавках, которыми окружена была вся юрта, стояли в углях

большия японския лакированные шкатулки и разная посуда, насыпанная пшеном; мы расположились с ними около огня на японских матрацах; сначала старались узнать, не было ли здесь недалеко какое судно, но сколько могли понять, то они не видали. Подчивали нас юколой и сушеными морскими червяками, у айнов называемых уть. Одарил своих хозяев капотами, биссером, ножницами, лентами и табаком, после чего они зделались гораздо смелее и проводили меня до гребных судов, и я не малаго не хотел дать им подозрения, что нужно знать мне селение японцов. Разпрощавши, поехали на судно [6, л. 3–3об].

Не обнаружив в поселении японцев, Хвостов приступил к исполнению инструкции Резанова от 8 августа 1806 г., в которой тот предписывал Хвостову уверить сахалинцев, что «принадлежат они такому монарху, под защиту котораго всегда спокойными должны быть; отличить старшин медалями, ... капотами... и другими вещьми...» [11, л. 38–41]. На следующий день, 8 октября 1806 г., он в сопровождении лейтенанта Карпинского и корабельного подмастерья Корюкина снова отправился на берег.

Подъезжая к берегу подняли на шлюпки Военной, а на барказ купечкой флаг, Добрые Аины встречали суда уже в большом числе. присели на колени когда мы трое вышли на берег, старались обьснить кое какими словами что мы Россияне и друзья их; я приказал на берегу поставить флагшток, на котором поднял оба флага как военной так и коммерческой, показывая на судно одарив всех платками и разными безделицами, на тоена или старшину селения одел лучший капот и медаль на Владимирской ленте, при троекратном изъ шести ружей выстреле с судна на каждый залп ответствовано из одной пушки. Здесь должно заметить, что ружейная стрельба не произвела в Аинах нималого страха, но когда увидели огонь и звук пушек, то ужаснулись и приклонили головы [б, л. 3об–4].

Хвостов подарил старшине селения лучший капот, медаль на Владимирской ленте и вручил грамоту следующего содержания:

«1806 года Октября ... - дня Российской фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Хвостова, В знак принятия острова Сахалина и жителей онаго под всемилостивейшее покровительство Российскаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, старшине селения

лежащего на восточной стороне губы Аинвы, пожалована серебряная медаль на Владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно как Российское, так и иностранное просим старшину сего признавать за Российскаго подданного» [6, л. 4].

На страницах вахтенного журнала имеется интересная запись, согласно которой лейтенант Хвостов поставил на грамоте свою подпись и «нарисовал оба флага» [6, л. 4]. В результате анализа данного источника становится ясно, что Хвостов и его команда, «подъезжая к берегу подняли на шлюпки Военной, а на барказ купецкой флаг» [6, л. 4]. Более того, после высадки на берег также был поставлен флагшток, на котором были подняты «оба флага как военной так и коммерческой» [6, л. 4]. Хвостов объясняет свои действия тем, что все это: включая и медаль с изображением российского императора, которую он вручил главе селения — были «орудии в защиту Аинов» [6, л. 4]. Из чего можно сделать вывод, что, вероятнее всего, военный флаг означал то, что Хвостов был готов применить оружие в отношении к японцам, а коммерческий — то, что главной целью высадки было налаживание торговых отношений с местным населением.

Хвостов отмечает, что глава селения принял медаль и грамоту, «как подарок необыкновенной» [6, л. 4]. Задоблив таким образом айнов и наладив дружеский контакт с главой селения, Хвостов предписывает своим людям выяснить информацию о японских поселениях.

Лейтенант Карпинский и подмастерье Корюкин, спрашивали есть ли здесь Японцы, они усмехаясь сказали что нет, а показывали на один вновь построенный сарай в котором мы видели один ящик и другия Японские начальные заведения.

Аины повели нас в ту же юрту где и вчера были; одарил все селение и новаго кавалера, тут мы и обедали накормил Аинов руским столом, старшина в знак дружества дал мне остроганные фигурным образом палки, подносил Японские чашки и разные безделицы в подарок которых я не принял [6, л. 4].

Лейтенант Хвостов приступает к выполнению секретной инструкции Н. П. Резанова от 8 августа 1806 г., в которой предписывалось «произвести с [айнами. — *О. К.*] мену, чтобы узнать образ оной». Однако попытки не увенчались успехом, так как «окроме двух выдренных хвостов за которые они ничего не брали, показывая что все увезено

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Японцами» [6, л. 4]. Не преуспев в данном мероприятии, Хвостов пытается получить информацию о поселениях японцев.

Я спрашивал айнов, как называется сия губа, они отвечали Карафуту, на вопрос, где живут японцы, показывали на второй мыс, который лежал от нас на румбе NWtN, смеялись, показывая на наше судно, давали знать, что надо их бить [6, л. 4об].

В своих записях Хвостов часто отмечает, что местные жители Сахалина были запуганы японцами, и чтобы склонить их на сторону русских, вечером 8 октября Хвостов уговаривает старшину селения и еще одного айна поехать с ним на судно. На страницах журнала Хвостова мы находим описание того, как айнов испугал стук гребных суден и как они стали «петь унылым голосом песни подобно как Камчадалы и Якуты во время шаманства» [6, л. 4об]. Стремление Хвостова как можно лучше узнать сахалинцев и установить с ними дружеский контакт, побуждает лейтенанта чутко относиться к их традициям и стилю общения.

Я вспомнил что старшина дал мне две остроганные палки, которые как понимали мы

были знаком дружества, я подал им тотчас оные и они скоро успокоились. А после где только мы ни показывали сии знаки у нас их брали а на обмен давали другия. На разсвете одарил гостей гораздо еще больше приказал отвезти на берег, во все время как ехали на шлюпке до берегу плясали, и прислали еще две такие же палки [6, л. 4об].

9 октября 1806 г. фрегат «Юнона» причалил ко второму поселению, которое Хвостов называет «Сумнение», а в японских источниках обозначено как «Офитомари». В разведку на берег он отправил Карпинского и Ильина с указаниями, «что ежели нет тут японцов, то одарить жителей, а есть ли есть, то стараться обойтись как можно ласковее и скорее возвращаться на фрегат» [6, л. 5]. Им удалось обнаружить два поселения айнов, в которых были только «старики и ребятишки» [6, л. 5]. Несмотря на то, что в поселении находились три японских сарая, самих японцев замечено не было. Карпинский и Ильин, следуя предписаниям Хвостова, раздали подарки айнам и поспешили отправиться обратно на фрегат.

На следующий день, 10 октября 1806 г., Хвостов высадился на берег с одиннадцатью вооруженными людьми. Как и в первом селении, он раздал подарки и наградил медалью старейшего

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

айна. По словам Хвостова, русские и айны наслаждались общением и хорошо проводили время: вместе обедали на берегу, давали айнам стрелять из ружья и бить в барабаны.

На юрте старшины селения была прибита медная доска с надписью: «1806 года октября 10 дня, Российской фрегат Юнона был здесь, селение назвал Сумнением» [6, л. 5]. Хвостов раздал айнам подарки и велел им беречь эту доску, после чего в четвертом часу дня отправился со всей командой обратно на фрегат. Хвостов отмечает, что «на фрегату взял с собой одного молодого человека из айнов, с тем намерением, чтобы показать, что мы расположены к ним дружески и чтобы они смело всегда приезжали к нам» [6, л. 5об]. Фактически, он повторяет тот же сценарий действий, которому следовал во время посещения предыдущего поселения айнов.

По словам Хвостова, молодому айну очень понравилось быть на борту «Юноны». Хвостов пытался вести с ним беседу, с помощью словаря, который начал вести еще сам Резанов и передал Хвостову с тем, чтобы он продолжил его составление. Вот как описывается их общение на страницах журнала.

Вечеру одели сахалинца в панталоны, фуфайку и сертук, и надел я на его медаль, он более казался быть довольным сим подарком, нежели бы мы всеми сокровищами. Старались от его узнать сахалинский язык, он рассказал нам, что в семи селениях множество людей, а так же и пшена, жаловался на японцев, что они их бьют больно, а после мы видели много из них увечных и раненых саблями; кажется что японцы, с добронравными айнами обходятся не милосердно [6, л. 6].

В тот же день, 10 октября 1806 г., Хвостов делает третью остановку, а поселение находящееся на берегу называет «Любопытство». В японских источниках оно известно под именем «Кусюнкотан». Высадку на берег из-за позднего времени Хвостов откладывает на следующий день, 11 октября. В селении на берегу русские встретили четверых японцев. Те уже были предупреждены о приближении чужеземцев одним айном, который прибежал к ним из соседнего селения Офитомари. Хвостов понимал, что следует себя вести осторожно и быть готовым к любому повороту событий. В шестом часу вечера лейтенант Хвостов отдает приказ о спуске на воду всех гребных судов. Сам он с Корюкиным отправляется к берегу на шлюпке, а лейтенант Карпинский — на баркасе. На случай непредсказуемых действий со стороны

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

японцев, было принято решение взять с собой вооруженных людей на яле и байдарке. Лейтенант Хвостов отмечает, «на всех судах было 22 человека вооруженных. Фолканет и два больших мушкетона» [6, л. 6]. В таком составе, во главе с лейтенантом Хвостовым, русские моряки причалили к берегу.

К берегу всеми судами пристали вместе, где стояла около 12 сажень в длину и 5 в ширину японская казарма, у которой стены были сделаны из тонких дощечек тонкой столярной работы, окна были величиною от крышки и до земли заклеены очень тонкой и мягкой бумагой.

Вокруг казармы из жердей обнесен забор, восемь человек островитян разобрали тотчас несколько кольев для свободного нам прохода; людям своим приказал я ружья поставить в пирамиды оставя на каждом яле по одному, а на барказе у фолканета двух человек; без всякого орудия окромя саблей пошли мы трое в казарму, в которой было разложено три огня; у первых двух сидело человек до семидесяти молодых Аинов [6, л. 6].

На страницах своего журнала лейтенант Хвостов неоднократно отмечал, что во всех поселениях айнов, в которых он был, «жителей

молодых совсем не видели кроме стариков и ребятишек», и такое неожиданное скопление молодых айнов в количестве семидесяти человек не могло его не удивить. Как отмечает сам Хвостов, позже ему стало известно, что «японцы изо всех близлежащих селений молодых и здоровых людей забирали к себе для работ, оставляя одних только больных и старых, и потому ни в одном селении, где могли мы быть, не видели ни одного человека средних лет» [6, л. 60б]. На возвышенном месте Хвостов увидел четырех японцев, которые сидели на «матрацах» [6, л. 60б] и курили трубки. Слева от них сидели очень чисто одетые пожилые айны, которые, по словам Хвостова, были почетными островитянами.

Я сказал Японцам, что мы Русские и вы нас не бойтесь, по обыкновению преклонением головы и поднятием рук они отвечали на слова мои; один из японцев дал знать островитянам и все они закричали Янгара (на Сахалинском языке, Здравствуй) прокричали еще несколько нам невнятных слов; потом Японцы подали мне свою книгу в которой показывали план Нангасаки и Едо, говоря что они Японцы, потчивали нас кашею и вместо ложек дали палочки которыми ни один из нас есть не мог, а ещё более потому, что видели много Японских сараев и думали ежели они со

пшеном то и после успеем. Кажется, что и не ошиблись [6, л. 6об].

Оставив лейтенанта Карпинского и подмастерья Корюкина «развлекать» японцев, лейтенант Хвостов отправился осматривать поселение. Его внимание привлекло одно «красивое строение в котором нашел Японскую кумирню» [6, л. 6об] и девять магазинов, пять из которых были заполнены продовольствием. Убедившись в том, что склады изобилуют запасами, Хвостов поспешил вернуться в казарму и немедля приказал «без орудия с одними веревками» [6, л. 7] окружить японцев.

По данному от меня слову схватили Японца за руки, они что-то закричали, Сахалинцы тотчас кинулись к бровам, другие же выхватили ножи и хотели броситься на освобождение их; Я приказал сделать несколько выстрелов вверх и обнажить сабли. Островитяне, видя что уже Японцы взяты и испугавшись выстрелов, кидались в южные двери не слушая нимало моего увещания. Два накрест поставленных ружья не в силах были удержать их, и обоих поставленных в дверях часовых ранили. Ежели бы не лейтенант Карпинский и подмастерье Корюкин сами не заняли те места,

где лежали косы и топоры и не допустили островитян схватить их, то конечно бы было кровопролитие [6, л. 7].

По приказу Хвостова трех японцев отвезли на фрегат, а одного оставили в поселении для того, чтобы он помог им открыть все склады. Тем временем все айны разбежались, и чтобы их успокоить Хвостов решает отправиться к ним в поселение один, без сопровождения. Как он сам отмечает: «первое мое попечение было успокоить Сахалинцов» [6, л. 7об]. Из журнала становится очевидным, что был составлен подробный план поселения с точным расположением всех строений. Так, указывается, что поселение айнов находилось по другую сторону реки. Однако на данный момент местоположение плана остается неизвестным.

Хвостов приложил все усилия, чтобы успокоить и задобрить местных жителей.

Повторяя им [айнам. — *О. К.*], чтобы они не боялись, и что Россияне дурнаго с ними ничего не зделают, человек с десять из них робким образом присели на колени, а другие выглядывали украдкой из-за юрт, я подчевал их табаком дарил лентами, а после сел с ними возле огня, они

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

чрезвычайно удивлялись как я их не боюсь [б, л. 7об].

Убедившись, что сахалинцы успокоились, он вернулся в поселение японцев и приказал одному японцу, у которого был ключ от всех складов, открыть их. «Когда он нам отпер оные, то мы ужаснулись запасу в них находящемуся» [б, л. 7об], — отмечает Хвостов. Весь день ушел на то, чтобы перевезти пшено из одного склада на фрегат «Юнона». «Мне осталось сожалеть о том, что нетокмо всех магазинов, но и одной крупы не в силах погрузить потому: что судно было очень нагружено» [б, л. 7], — с досадой пишет в своем журнале Хвостов. По его словам, «совершенно порабощенные» японцами сахалинцы осмелели и стали помогать русским в погрузке.

Подарками и ласками зделал Сахалинцов гораздо смелее в поощрение отдал один наполненный магазин для них, сказав что в нем находится брали бы они себе, а после чтоб в погрузке помогали бы нам; скоро Сахалинцы стеклися со всех сторон и начали выгружать магазин таская всякой в свою юрту. [...]

Аины, увидев, что ни одного Японца уже нет, то со всего селения сбежались во множестве и магазин не боле как в полчаса опустошили, потом нагрузили пшеном из бывших на берегу японских две лодки, которые под конвоем своих судов отправил я на фрегат [6, л. 7об–8].

После того как все съестные припасы были перевезены на фрегат, Хвостов приказал сжечь три «подветренных сарая», в которых хранились строевой лес, доски и неводы. На ночь Хвостов оставил на берегу Карпинского с пятнадцатью вооруженными людьми, чтобы те наблюдали за обстановкой в поселении, а сам отправился обратно на «Юнону».

На следующий день, 12 октября 1806 г., Хвостов в сопровождении подмастерья Корюкина и лейтенанта Карпинского отправились обратно на берег.

Лейтенант Карпинский без меня отыскал самого почетного старшину, одарил как возможно щедрее, надел ему медаль на шею при трех пушечных выстрелах, поступок сей заставил его собрать человек до пятидесяти своих земляков, с удивительным проворством нагрузили три японские лодки, которые в сей день оборотились

пять раз. Приехавши на берег, знал я, что судно наше очень грузно и чрезвычайно утеснено, позволил сахалинцам брать себе из японских магазинов что они хотят; всякой раз когда они приезжали на фрегат давали им водку, масло и сухари, первое, как кажется, больше им нравилось. Надели еще на двух почетных островитян медали и дал при них каждому лист подобный первому, одарил притом капотами и разными безделицами [6, л. 8].

В шесть часов вечера Хвостов, собрав всю артиллерию и людей, отправился обратно на фрегат. На следующий день, 13 октября, из-за сильного шторма причалить к берегу не представлялось возможным. Только к вечеру следующего дня, 14 октября 1806 г., Хвостову с Корюкиным и Карпинским удалось вернуться на берег, «чтобы разпрощаться с Сахалинцами и довершить начатое» [6, л. 8об]. Однако местных жителей они практически не обнаружили.

Айнов по приезду на берег видели очень мало, сначала пошел я осмотреть юрты, в которых не нашел ничего и ни одного человека, потом осматривал остальные японские магазины, но нашел их совершенно пустыми так, что даже

гвозди из стен и крышелей были вытасканы, удивляясь куды такое большое количество в короткое время успели перетаскать [6, л. 8об].

Хвостов делает вывод, что поблизости должны были быть многолюдные селения, для поиска которых посылает своих людей. Неподалеку, в трех километрах, действительно были обнаружены две большие юрты, в которых и собрались все айны. Хвостов решает немедленно туда отправиться и одаривает всех «вышедших на улицу разными безделицами» [6, л. 8об]. Все шло хорошо, пока несколько молодых айнов не атаковали русских. «Намерения их тогда были закрыты» [6, л. 9], — отмечает Хвостов. Причины данного поступка раскрылись позже, после того как Хвостов был вынужден захватить четверых напавших на них айнов. Интересна реакция Хвостова на столь «неприятельский поступок» сахалинцев. Он четко следует инструкциям Резанова, по которым он был обязан обласкать и задобрить местных жителей — ведь от этого зависел успех всего мероприятия, цель которого состояла в открытии торговли с местным населением. Это объясняет действия лейтенанта Хвостова, который «на место мщения и угроз одарил их парками, китайками, ножницами и биссером» [6, л. 9]. Только после этого он

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

попытался узнать причины их поступка. В результате удалось выяснить, что «японцы когда они были на фрегате страшали их, и учили каким образом убить русских, уверяя что сами они освободятся» [6, л. 9]. Интересным представляется и тот факт, что данную информацию Хвостов перепроверил у захваченных японцев, которые подтвердили слова айнов. Подобное дружелюбное отношение со стороны русских к местным жителям принесло свои плоды. Так, сахалинцы передали Хвостову информацию о близлежащих поселениях японцев.

Через час пришло человек до тридцати Сахалинцов и, видя, что захваченные их земляки ничем не обижены, но напротив того одарены и обласканы, были очень веселы, рассказывали нам, что на NW есть две японские фактории, которых они боятся, уговаривали нас что бы мы для защиты их остались [6, л. 9об].

Далее Хвостов, «чтобы нанести больше вреда Японцам и заставить трудиться вновь» [6, л. 9об], приказал сжечь все склады «бумажную казарму и кумирню» [6, л. 9об]. В журнале отмечается, что островитяне очень усердно помогали русским.

Интересны заметки лейтенанта Хвостова относительно культуры и обычаев айнов. Становится очевидным, что он с уважением относился к традициям и обрядам местных жителей, давая понять, что русские расположены к ним дружелюбно и прибыли на Сахалин с благими намерениями. Так, он останавливает своих людей от убийства медведя — священного для айнов животного, и это несмотря на критическую нехватку продовольствия.

При отправлении на судно люди мои просили, чтобы позволил им убить одного медведя для пищи, которых у каждой юрты было по одному и больше; когда человек с ружьем подошел к нему, то Аины все кинулись на колени и просили чтоб его не трогать, из чего почел я, что они имеют к сему зверю некоторое богопочтение; по превосходству силы.

Его, несколько раз случилось мне видеть, что островитяне кормят их своим кушаньем прежде, нежели сами поедят; снисходя прозьбе их, приказал оставить, (хотя и имел нужду в свежей пище для подкрепления больных цынгою, которых день ото дня умножалось) [6, л. 9–9об].

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Подобные действия Хвостова сделали сахалинцев еще более «ласковее» [6, л. 9об]. Перед отправлением на судно, убедившись, что все здания сожжены и пожар закончился, Хвостов прибывает на воротах кумирни, доску с надписью «Любопытство», тем самым обозначив присутствие России на данной территории. «Японцы мои смотрели на пожар весьма равнодушно и были очень веселы» [6, л. 9об], — отмечает Хвостов.

15 октября 1806 г. Хвостов с командой очищал палубу и готовился к отправлению в море, а 16 октября покинули губу Анива и направились на «Юноне» с четырьмя захваченными японцами на борту в Петропавловский порт. Там, после встречи с мичманом Давыдовым, Хвостов приступил к подготовке второй экспедиции уже не только на Сахалин, но и на Курильские острова. Лейтенант Хвостов, после «принятия острова Сахалина и жителей онаго под всемилостивейшее покровительство Российскаго» императора чувствовал ответственность за айнов и при планировании второй экспедиции ставил цель окончательно освободить «островитян от тиранства Японского» [9, л. 22об].

Анализ многочисленных инструкций министра коммерции Румянцева к Резанову и Резанова к лейтенанту Хвостову показал, что один из

немногих пунктов, оставшихся без изменения и являвшихся приоритетным, касался местного населения Сахалина. Именно с айнами планировалось вести торговлю, которая должна была помочь российским колониям, где катастрофически не хватало провианта.

Список использованных источников

1. АВПРИ (Архив Внешней Политики Российской Империи). Ф. 339 (Фонд РАК). Оп. 888. Д. 172. Л. 1–6.
2. АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 173. Л. 1–3.
3. АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 174. Л. 1–2.
4. АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 195. Л. 5–6, Л. 7–7об., Л. 8, Л. 9–9об.
5. АВПРИ. Ф. 7 (СпбГА I). Оп. 6 1802 год. Д. 1. Папка 37. Л. 26–446.
6. РГАВМФ (Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота). Ф. 14 (Фонд адмирала Крузенштерна). Оп. 1. Д. 183.
7. РГАВМФ. Ф. 19 (Фонд адмирала Меншикова). Оп. 4. Д. 496. Л. 122–133. Копия. Опубл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1799–1815 гг. М., 1994. С. 74.
8. РГАВМФ. Ф. 166 (Департамент Морского министра). Оп. 1. Л. 9–10.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

9. РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 4671. Л. 13, Л. 18–18об, Л. 21, Л. 22, Л. 25, Л. 26, Л. 39об, Л. 119, Л. 140, Л. 149, Л. 158–158 об., Л. 197.

10. РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1 Д. 4667. Л. 37, Л. 38, Л. 50.

11. РГАВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 11. Ед. хр. 2944. Л. 38–41. Заверенная копия. Оpubл.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1799–1815 гг. М., 1994. С.150–154.

Глава 5. Торговля айнов Сахалина с народами Приморья до начала XIX в.*

(А. В. Климов)

Айны Сахалина попадают в орбиту внимания исследователей истории российско-японских отношений с начала XIX в., когда остров последовательно посетили экспедиции И. Ф. Крузенштерна и Н. П. Резанова в 1805 г., а затем Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова в 1806–1807 гг. До этого времени русские избегали посещения острова во избежание осложнения отношений с цинским Китаем, хотя первые сведения о Сахалине и населяющих его народах были получены ещё в середине XVII в. Однако в XIX в. Россия и Япония демонстрируют устойчивый рост интереса к Сахалину и населяющим его айнам, поэтому рассмотрение вопроса об отношениях айнов с народами Приморья до начала XIX в. представляется весьма важным.

Для освещения этого вопроса нами были взяты за основу два письменных памятника на японском языке: «Иллюстрированное описание Северного

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №20-09-00401

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Эдзо» (яп. «Кита эдзо дзусэцу» 北蝦夷図説, далее — «Описание») в четырех тетрадах, записанное писцом со слов Мамия Риндзо 間宮林蔵 (1780–1844), и «Рассказы о северных варварах» (яп. «Хокуидан» 北夷談, далее — «Рассказы») в семи тетрадах, вышедшие из-под кисти Мацуда Дэндзюро 松田伝十郎 (1769–1842). Оба письменных памятника опубликованы в пятом томе 6-томной серии «Избранные письменные источники о Северных Вратах» (яп. «Хокумон со:сё» 北門叢書).

Начнем рассмотрение вопроса с «Описания». В 1955 г. Дж. Харрисоном был опубликован перевод «Описания» со старояпонского на английский язык [Harrison]. Гораздо позже, в 1990 г., в «Краеведческом бюллетене» В. В. Переславцев сделал его перевод с английского на русский язык [Мамия 1990], которым до сих пор активно пользуются отечественные исследователи (см., например, [Соколов]). Несмотря на имеющийся перевод с английского, мы предпочли обратиться к первоисточнику, написанному на старояпонском языке. Автором этого сочинения считается Мамия Риндзо. На самом деле со слов Мамия текст был записан Мураками Тэйсукэ 村上貞助 (1780–1846).

Принято считать, что Мамия Риндзо родился в 1780 г., но есть гипотеза, что на самом деле его рождение приходится на 1775 г. Первоначально носил имя Томомунэ 倫宗 (также оно читалось порой и как Ринсо). Родился в деревне Яита уезда Цукуба провинции Хитати (ныне это город Цукубамираи префектуры Ибараки) в крестьянской семье. С детства у него проявились способности к математическим вычислениям, позже он прошел обучение у известного географа и топографа Мураками Симанодзэ 村上島之允 (1760–1808) триангулярному измерению. В 1808 г. в качестве чиновника военного правительства низкого ранга вместе с Мацуда Дэндзюро был послан на Сахалин в земли айнов, чтобы сделать первые измерения для составления карт острова.

Поскольку перевод Харрисона изобилует неточностями, а порой его можно назвать пересказом, то мы предпочли обратиться к первоисточнику [Мамия 1972]. Достаточно сказать, что даже имя Мамия в английском переводе передано неточно: «Ринсо» (Rinso) (по-видимому, ошибка произошла из-за чтения одного из имен, а именно биннома 倫宗) [Harrison, p. 93] вместо «Риндзо» (Rinzo) 林蔵. В. В. Переславцев в русском переводе с английского языка эту неточность устранил и везде писал «Риндзо».

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Кроме того, в переводах, как русском, так и английском, отсутствует транскрипция японских терминов и их иероглифическое написание. Все это говорит давно о уже назревшей необходимости прямого перевода на русский язык важного письменного памятника с языка оригинала. По этой причине мы вынуждены были дать свой перевод для цитирования нужных мест из «Описания».

Текст «Описания» состоит из четырех тетрадей, написан на старояпонском языке, предисловие — на камбуне. В рукописи стоит дата и место завершения работы над рукописью: город Эдо (ныне Токио), 10-я луна 7-го года правления Каэй, что соответствует периоду с 20 ноября по 19 декабря 1854 г. Таким образом в окончательном рукописном варианте труд Мамя Риндзо стал доступен в момент открытия страны под давлением США и европейских держав. В печатном же варианте с деревянных досок был впервые опубликован ксилограф во 2-м году правления Ансэй 安政 (1855 г.), через 11 лет после смерти автора, с предисловием Судзуки Ёсинори 鈴木善教 (1819–1860). Два художника-иллюстратора Хасимото Гёкурансай 橋本玉欄斎 (1807?–1878?) (первая и четвертая тетради) и Дзю:тансай 重探斎 (?–?) (вторая и третья тетради) трудились над иллюстрациями при издании с деревянных досок

[Хора, с. 317]. В 1943 г. текст был издан типографским способом в серии «Избранные сочинения музея губернаторства Карафуто (южная часть Сахалина. — А. К.)» («Карафутотё: хакубуцукан со:сё» 樺太庁博物館叢書), а уже в следующем 1944 г. — в серии «Избранные письменные источники о Северных Вратах». При этом в данном разделе за основу было взято первоначальное ксилографическое издание.

Текст «Описания» разбит на «абзацы» — четко сформулированные отдельные пункты. Перед первым предложением каждого «абзаца» помещен иероглиф «один» (яп. *ити* 一), который отмечает начало каждого нового пункта или параграфа документа, начало новой мысли, а уже за ним следует само предложение. Таким образом структурирован весь текст «Описания», помимо введения, написанного на камбуне. Благодаря этому читателю легче воспринимать содержание. Подобная форма изложения получила в японском языке название *мэясу* 目安 («легко воспринимается глазом»), а документ, написанный таким образом — *мэясусё* 目安書 или *мэясудзё* 目安状. Под последним чаще имелись в виду жалобы и челобитные в периоды Камакура (1185–1333), Муромати (1338–1573) и Эдо (1603–1867). Эту особенность организации текста проигнорировали

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

как Хариссон при переводе на английский язык, так и В. В. Переславцев при переводе с английского на русский.

Для начала приведем общую характеристику, данную Мамия Риндзо северным землям айнов в первой тетради «Описания». При этом мы будем стремиться передать особенности написания японского текста: пояснительные записи будут даны курсивом в круглых скобках.

Северные земли айнов (*раньше назывались островом Карафута*)

[1] Этот остров¹⁰ большой по размеру, он отделен морем на 30 *ри*¹¹ от северной оконечности острова Эдзо (ныне Хоккайдо. — *А. К.*) под названием Соя; самые северные земли лежат примерно от 46 до 51 параллели; эти земли вытянуты с севера на юг (*на расстояние примерно более 200 ри*), с востока на запад на небольшое расстояние (*примерно 15–16 ри, а в самой узкой части оно доходит до 7–8 ри*); по периметру длина составляет свыше 500 *ри*; с юга он обращен к острову Эдзо; с востока — к Великому океану, с северо-запада — к Восточной Татарии и Маньчжурии.

---

¹⁰ Когда Мамия пишет «этот остров», подразумевается остров, на котором ему довелось побывать и о котором главным образом идет речь в «Описании» — Сахалин.

¹¹ Ри (яп. 里) — мера длины, равная 3927 м.

Люди, живущие там, такие же, как и с острова Эдзо, и составляют одну треть от всех жителей этого острова; остальные [две трети] варвары отличаются своими обычаями и нравами [от айнов], это — *орокко* и *сумэрэнкуру*¹².

Раздел, полностью посвященный интересующей нас теме — торговле местных жителей острова Сахалин — помещен в третьей тетради «Описания». Вот что сообщает об этом автор:

[1] Варвары с этого острова [айны]¹³ приезжают в Сирануси и ведут торговлю различными вещами с нами (японцами. — *А. К.*), а также они торгуют с другими варварами — сантанцами¹⁴, ороками и

---

¹² Соколов считает, что *сумэрэнкуру*, о которых сообщает Мамия Риндзо, — это нивхи. См.: [Соколов, с. 24].

¹³ Под «варварами этого острова» автор как правило имеет в виду айнов, поэтому далее в тексте мы будем употреблять именно этот этноним.

¹⁴ Под «сантанцами» автор имеет в виду народы, жившие в Приморье и в районе устья Амура: ульчи, орочи, амурские нивхи и др. Слово «Сантан» (яп. 山丹, 山鞞, 山旦) использовалось японцами также для обозначения района вокруг устья Амура. Считается, что оно происходит от нивхского «янто».

сумэрэнкуру. Основные их промыслы сосредоточены на этом острове. Вообще, те, кто приходит в Сирануси, самое дальнее на востоке — из [селения] Фунуппу (*о том, в скольких ри [от Сирануси находится] это место, сведений нет*), а на западе — из селения Наёро (*это место примерно в 50 ри от Сирануси*). Круглый год они пребывают на острове, занимаются рыбной ловлей и охотой. Кроме того, есть среди них такие, кто занимается торговлей. Те же варвары, что живут в ещё более отдалённых землях, занимаются только торговлей и приезжают [сюда] один-два раза в год. Предметы торговли, поступающие от нас, — это шкуры животных, рис, сакэ, хлопчатобумажные ткани, табак, топоры, иглы, котлы. Из Приморья айны получают такие товары, как: роскошные одеяния из парчи, бусины, курительные трубки, орлиные перья и *тонари* (*веревки, изготовленные из звериных шкур*). Кроме того, есть и такие, кто приходят к нам в администрацию (яп. *фу* 府 — имеется в виду, по всей видимости, Сирануси. — *А. К.*) в поисках работы по найму.

[2] Айны Сахалина круглый год ведут торговлю с сантанцами. Однако айны не ездят к сантанцам, а [наоборот] те приезжают и ведут торговлю. Предметы торговли, которыми торгуют айны [с сантанцами], либо товары, которые они получают из Сирануси [от японцев]: топоры, ножи (яп. *когатана* 小刀 — возможно, короткие мечи), либо звериные шкуры, которые сами добывают. Эти предметы они

выменивают у сантанцев, пришедших к ним, на такие товары, как хлопчатобумажные ткани, парчу, бусины, курительные трубки, табак, иголки.

[3] Когда приходят сантанцы, то прежде всего возводят временное жилье на морском побережье, охотятся в горах и ведут торговлю. В основном айны приходят к ним в жилища и торгуются. Бывает, что сантанцы приходят в дома айнов и торгуются, а бывает, что торгуются прямо на улицах; говорят, что это не регулируется правилами.

[4] Когда сантанцы приходят, то айны ежедневно посещают их временные жилища и ведут торговлю очень дружелюбно. Сантанцы не только продают свои товары, но также бывает, что дают их в долг. И местные айны, не задумываясь о том, что впоследствии с них потребуют возместить их стоимость, необдуманно берут в долг, и в конце концов попадают в долговую зависимость. Когда сантанцы возвращаются к себе домой, то требуют [у айнов] погасить долг. Испытывая затруднения, некоторые местные айны скрываются и уходят в горы. Но приходит время, когда сантанцы на следующий год вновь приходят и требуют погасить долг. И тогда у тех, кто не в состоянии погасить долг, говорят, уводят с собой детей, братьев или сестер в качестве заложников.

[5] Конечно же, при отсутствии письменных записей долговых обязательств, нередки случаи, когда, требуя вернуть долг, сантанцы лгут, принуждая

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

местных айнов [погасить несуществующий долг]. Проживающие в удаленных местностях такие [варвары], как ороки и *сумэрэнкуру*, приходят и торгуют в целом таким же образом.

[6] Они через айнов ведут торговлю с сантанцами. Нередко бывает, что, заманив в эти поселения бедных, беспомощных и одиноких детей, у которых нет кровных родственников, одиноких и беспомощных вдовцов или вдов, независимо от того, мужского или женского они пола, продают их сантанцам. Один варвар может стоять от трех-четырех до шести-семи рулонов парчи в зависимости от его физической крепости. Если же этим человеком был, например, слабый ребенок или больной человек, которому трудно будет найти дело, то расплачивались не парчой, а всевозможной утварью.

[7] Часто бывает, что айны, проживающие на острове Эдзо, в частности в северной его части на морском побережье или же на острове Риисири, перебравшись через море на этот остров, заманивают всех тех, кто одинок и без родственных связей, и продают их сантанцам. Поэтому, говорят, когда попадаешь в поселения *сумэрэнкуру* и сантанцев, можно иногда увидеть женщин с татуировкой на губах и голове (т. е. айнских женщин. — А. К.).

[8] Айны с этого острова в былые времена отправлялись в Манчжурию несколько раз в год. Однако в последнее время благодаря тому, что

всевозможные товары, в основном из нашей страны, распространились повсеместно по острову, то в настоящее время лишь раз в два-три года пересекают море и едут туда. Когда отправляются в те места, как самую дорогую вещь везут шкурки соболя (автор употребляет айнское слово *хоину*. — А. К.), а также шкурки таких зверей, как выдра и лисица. Достигнув Дэрэна, административного центра в Маньчжурии, платят [местным чиновникам] дань и торгуют. Хотя товары, с которыми они возвращаются домой, совершенно не отличаются от тех, что им привозят сантанцы, они значительно дешевле, когда приобретаются там у варваров Маньчжурии. Тем не менее лишения и трудности, чтобы добраться дотуда, превосходят [дешевизну].

[9] Об уплате входной дани айнами варварам Маньчжурии подробно изложу в приложении. Письменно изложу в нем самое необходимое без излишних подробностей.

Из «Описания» следует, что между айнами Сахалина и народами Приморья, а также другими народами Сахалина, шла активная меновая торговля. Из-за отсутствия письменности отсутствовал точный учет долговых обязательств. Их неуплата приводила к конфликтным ситуациям и столкновениям. Для погашения долгов порой забирали в заложники близких родственников.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Кроме того, бытовала торговля детьми, лишенными родительского попечения, а также одинокими людьми, не могущими себя прокормить.

Теперь будет небезынтересно сравнить сведения Мамия Риндзо со свидетельствами Мацуда Дэндзюро, побывавшего в тех же местах примерно в то же самое время. «Рассказы о северных варварах» представляют собой описание островов Сахалина, Кунашира, Итурупа, Хоккайдо, то есть земель айнов, находящихся к северу от Японии.

Мацуда Дэндзюро родился в 1769 г. в провинции Этиго (ныне префектура Ниигата). Детское имя Котаро 幸太郎. В 1772 г. его отец скончался. Мать, оставшись с двумя детьми, рада была любой работе. Мальчик рос в бедности, но был очень крепким. В возрасте 13 лет перебрался в Эдо, стал приемным сыном чиновника *бакуфу* Мацуда Дэндзюро и получил имя Дзиндзоро 仁三郎, потом же стал называться Дэндзюро, как приемный отец. В 1799 г. в возрасте 30 лет по приказу военного правительства отправился в земли айнов. В 1808 г. он, в сопровождении Мамия Риндзо, перебрался через пролив Соя, разделяющий острова Хоккайдо и Сахалин, и

отправился в экспедицию по Сахалину. Первоначально Мамия Риндзо отправился для обследования восточного берега, потом вернулся, направился к западному берегу, с опозданием на три дня достиг той точки, где уже был Мацуда, и записал в отчете: «Без сомнения, это остров». Среди японцев именно Мацуда был первым, кто, продвигаясь по западному берегу, убедился, что Сахалин является островом. Мамия же после этого в 1809 г. повторно отправился в экспедицию, перебрался через узкий пролив, высадился на материк и окончательно убедился, что Сахалин является островом. Благодаря Филиппу Францу фон Зибольду (1796–1866) его экспедиция стала известна на Западе. Зибольд даже назвал узкую часть моря, отделяющую остров от суши, проливом Мамия. На протяжении 24 лет Мацуда, выполняя служебные задания, занимался сбором информации о землях айнов. Причем 19 лет из 24 Мацуда непосредственно пробыл там. После отставки он все, что видел своими глазами, и все, что слышал своими ушами, обобщил в сочинении, состоящим из семи тетрадей под названием «Рассказы о северных варварах».

Даже в Японии имя Мацуда Дэндзюро знакомо не многим. У специалистов на слуху имена Могами Токунай 最上徳内 (1755–1836),

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

Кондо Дзюдзо 近藤重蔵 (1771–1829) и Мамия Риндзо. Поэтому и на Западе его имя малоизвестно. Достаточно сказать, что до сих пор нет перевода его труда на другие европейские языки. Мацуда был направлен в земли айнов чиновником военного правительства в должности «ответственного чиновника военного правительства за дела управления землями айнов» (яп. *эдзоти торисимэ гоёгакари* 蝦夷地取締御用掛). Введение такого поста было связано с тем, что военное правительство ввело прямое управление землями княжества Мацумаэ и прилегающими землями айнов. С этим связана и командировка Мацуда на север. В 1821 г. прямое управление было отменено и земли айнов были вновь переданы под контроль княжеству Мацумаэ.

Рукопись, написанная самим автором, либо не сохранилась, либо до сих пор еще не обнаружена. Известны два текста, дошедшие до нас. Один хранится в Парламентской библиотеке Японии, другой — в Национальном архиве Японии (в прошлом — отдел рукописей библиотеки Кабинета министров). Последний текст опубликован четвертом томе «Собрания источников по истории жизни простого народа Японии» [Мацуда]. Его и взяли за основу исследования. В сжатой форме постараемся изложить основные события, которые

описаны Мацуда. Топонимы приводим в японской транскрипции, поскольку, во-первых, не все они сохранились и, во-вторых, нет уверенности, что можно всем им найти русские соответствия. Интересующие нас описания состояния торговли находятся в третьей и четвертой тетрадах.

В третьей тетради Мацуда рассказывает о своем морском путешествии к землям Татарии (яп. Даттан 韃靼地, т. е. Маньчжурии) «за островом Карафуто», т. е. Сахалином. Ему было приказано определить границу земель, находящихся под японским управлением. Он отправился на судне из Соя, и после того, как прибыл в селение Сирануси, продолжил экспедицию, двигаясь вдоль западного берега острова. Достигнув мыса Ракка, он убедился, что Сахалин является островом.

В 1807 г. по приказу военного правительства все западные земли айнов перешли под его управление. В 1808 г. Мацуда был отдан приказ отправиться на Карафуто. Стоял вопрос об обеспеченности провиантом экспедиции. Если отправиться на большом судне, то мало свободы в действиях. Если на малом судне, то много продуктов не возьмешь. Поэтому помимо всего прочего взяли сушеной рыбы, чтобы можно было совершить экспедицию за несколько месяцев. Цель экспедиции — исследовать внутренние районы

острова, а также выяснить, является ли Карафуту островом или соединяется с материком. По этому вопросу, отмечает Мацуда, была полная неясность. Кроме того, японцев беспокоили слухи, исходящие от айнов, что на Карафуту обязательно придет большой российский корабль. И Мацуда опасался, что если встретится с иноземным кораблем на маленьком судне, то его возьмут в плен. Из obsługi никто из японцев по разным причинам не мог сопровождать Мацуда. В проводники он вынужден был взять крепких айнов.

В 13-й день 4-й луны 5-го года правления Бунка (8 мая 1808 г.) при попутном ветре Мацуда вместе с Мамия Риндзо отправился из Соя на Карафуту. В тот же день они высадились на берег в местечке Сирануси. Там у японцев были торговая контора и сторожевой пост, а также пять домов местных жителей. Все жители Сирануси вышли на берег их встречать. По морю Мацуда и Мамия проделали путь расстоянием 18 *ри* (около 70 км). Никто из жителей Сирануси не мог ответить на вопросы, каким маршрутом лучше идти вглубь острова и какая там сейчас обстановка. Не могли определиться каким берегом пойти: западным или восточным, а потому было решено, что Дэндзюро отправится на лодке вдоль западного берега, а Риндзо — вдоль восточного. Проплыв на утлом

судне около 13 *ри* (более 50 км), Мацуда дальше не смог продвигаться из-за того, что ветер нагнал высокую волну. И он был вынужден остановиться на песчаном безлюдном берегу в местности под названием Атоятаннаэ.

Из-за поднявшейся волны он задержался на три дня и отправился в японский рыболовецкий поселок под названием Тоннаэ. Там был сторожевой пост и восемь домов местных жителей — большой населенный пункт для этих мест. Он решил выбрать себе проводников из местных. Мацуда хотел выяснить положение в глубине острова. Он собирался пойти в место под названием Борокотан. Местные жители его предупреждали, что в глубине острова живут ульчи, нивхи, ороки, и что они крайне опасны. Тем не менее, он на лодке покинул Тоннаэ и отправился в Томарихо. Там он увидел место ловли рыбы, рыбный склад и четыре дома местных жителей. Там тоже находился японский пост, где Мацуда и остановился. Охранники следили за выловом сельди и трески. Оказалось, что японцы, несущие службу на посту, сами не были в глубине острова.

Путешествуя, Мацуда делал зарисовки гор, жилищ, северных оленей, собачьих упряжек, которые тянут вдоль берега лодки, собачьих упряжек с санями, похожими на нарты. Также он

рисовал точную карту береговой линии с реками, горами и поселениями. Представляют интерес зарисовки могил двух русских, убитых русскими же. На рисунках представлены разные типы построек, лук, стрела, колчан, курительная трубка, музыкальный инструмент сямисэн, конусообразная матерчатая шляпа, лодка, портреты местных жителей, кормление собак, три собаки на привязи.

Мацуда описывает нравы, жизненный уклад и привычки местных жителей. Они отличались от тех айнов, что жили на берегу в селениях, где располагались сторожевые посты японцев. В частности, нивхи (*сумэрэнкуру*) использовали собак, а ороки (*ороко*) — северных оленей. Они использовали их для перевозки багажа и вещей. Северные олени по размеру были как японские лошади, только вызывали страх своими рогами. Но когда они были накормлены, то вели спокойно и были безопасны. Нивхи, проживавшие в глубине острова, использовали собак. В каждом доме их было от 20 до 40. Летом их использовали для того, чтобы тянуть вдоль берега лодки, а зимой — сани, или как писал Мацуда, снежную повозку (яп. 雪車). Мацуда пытался сам управлять собаками и отмечал, что для этого нужна тренировка. Каждый день весь пройденный путь он тщательно фиксировал и указывал, какое расстояние им было

преодолено. Также он записывал, какие травы растут в той или иной местности. Он отмечал, что лесов много, но хороших пород деревьев не так много. Также он фиксировал качество питьевой воды и указывал, где брал воду. В частности, в местности под названием Ванрай вода и в реке, и в других водоемах была плохого качества, пытались даже копать колодец глубиной 5–6 сяку (150–180 см), но вода была красного цвета, и запах у нее был плохой, поэтому пить такую воду было невозможно. Рис, приготовленный на такой воде, приобретал цвет чая и плохо пах. Словами этого не описать. А местные жители с малых лет пользовались этой водой, и было непохоже, что они от нее страдают. Продвигаясь все дальше на север, Мацуда убедился, что Сахалин является островом.

В 19-й день 6-й луны (12 июля 1808 г.) установился штиль, Мацуда перебрался через бухту и оказался в местечке под названием Накко. Отсюда до места, где проживают сантанцы, очень близко. Оставив лодку у берега, он пешком прошел до мыса Рака. И здесь он окончательно убедился, что Карафуто это остров. Мацуда записал в своих «Рассказах»: «Отсюда я четко рассмотрел земли, граничащие с Великой Японией». И далее он повторил: «Здесь и есть граница» [Мацуда 1972,

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

с. 173–174]. Он зарисовал это место: на горизонте гора, мыс, на котором виднеются хижины, пролив и море. После этого вернулся в Накко.

Мацуда отмечает, что с древности сантанцы каждый год прибывали морем в Сирануси в южной части острова Сахалин, вели торг с айнами, проживавшими там, либо даже прибывали в Соя на Хоккайдо ради торговли с ними. Их маршрут пролегал из района устья Амура в местечко Нотэто, а оттуда вдоль берега по морю в Сирануси. В 1808 г. 10 айнов на двух лодках (по пять человек в каждой) пересекли море и прибыли в место Дэрэн в Маньчжурии. Там они торговали через маньчжурского чиновника. Продавали различные меха, а приобретали рис и чумизу.

Мацуда говорит, что хотя остров называют Карафуто, происхождение этого слова неизвестно. Никто из местных жителей не мог ответить ему на вопрос, почему так называли остров. Айны, жившие в удаленных районах, называли этот остров Сирунъайно, а сантанцы — Сирунмосири. Из этого явствует, заключает Мацуда, что название этого острова — Сирун. Далее Мацуда говорит о том, с древности дом Мацумаэ начал просвещать местных жителей, проживавших на островах, а аборигены этого острова прибывали морем в Соя и привозили хлопчатобумажные ткани, синие бусины,

курительные трубки, торговали мехами выдры, лисицы, енотовидных собак. Также они носили одежды сантанцев и других народов. Увидев эти одежды, японские чиновники и самураи стали называть их китайцами, то есть «карабито» (唐人), что на диалекте Мацумаэ произносилось «карафуто». Так и стали называть остров Карафуто.

Далее Мацуда подробно описывает одежду и быт аборигенов. По словам Мацуда, в последние годы вассалы дома Мацумаэ с экспедициями бывали в глубине острова и доходили до Порукотан. Дальше никто из японцев никогда не был. Ныне же впервые, как он пишет, с сотворения мира, Мацуда достиг этих мест. Никто из местных жителей никогда до этого не видел японцев.

Японский исследователь отмечает, что каждый год сантанцы приходят на этот остров, Сахалин, и охотятся в горах. Добывают выдр, лисиц, куниц и других зверей. Мясо съедают, шкурки продают в Маньчжурии. Маньчжурам нравятся меха выдры, так как они высокого качества. Кроме того отмечается, что за единицу обмена на рис, табак или любимые айнами ножи *макири* берется шкурка куницы [Мацуда 1972, с. 175–176]. Далее сообщается, что куницы, добываемые на Хоккайдо айнами, желтого цвета и невысокого качества. Поэтому маньчжурами особенно ценятся шкурки

куниц с Сахалина: они насыщенного черного цвета и высокого качества [Мацуда 1972, с. 178].

Есть любопытная запись от 17-го дня 5-й луны (10 июня 1808 г.). Мацуда записал слова японца, который сопровождал его, когда они плыли вдоль берега по воде, полностью заполненной сельдью: «Жалко. Пересекаешь на лодке этот косяк сельди — и такое ощущение, будто ступаешь по золотым монетам *кобан*».

Наконец, Мацуда вернулся в Сирануси, где японцы расположили для охраны небольшой гарнизон. А оттуда вместе с Мамия Риндзо: на лодке вернулись на Хоккайдо в Соя в 20-й день дополнительной 6-й луны (13 июля 1808 г.). Там они обнаружили, что предприняты дополнительные меры безопасности, усилен гарнизон. Караульные следили постоянно за передвижением судов на море. Это все было предпринято из-за того, что российские суда под командованием Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова недавно побывали в этих местах. По прибытию Мацуда подробно доложил о результатах экспедиции на остров Сахалин. Потом он изложил все в письменной форме. Отчет же Мамия Риндзо был признан недостаточным, и ему был отдан приказ еще раз обследовать остров Сахалин несколько позже. Мацуда же из Соя отправился в

Мацумаэ. Здесь ему было предложено представить в схемах и картах места, которые он посетил. Вместе с вышестоящим начальством, отчетом и схемами-рисунками в 22-й день 9-й луны (10 ноября 1808 г.) Мацуда отправился в Эдо, куда прибыл в 19-й день 10-й луны (6 декабря 1808 г.). Начерченные им карты и отчет просмотрели высшие чины военного правительства. В 27-й день 12-й луны (6 декабря 1808 г.) его усилия в установлении границы с иноземцами на острове Карафуто были отмечены: Мацуда помимо 5 серебряных монет получил также в качестве особого вознаграждения 10 золотых *рё*.

В четвертой тетради «Рассказов» описывается служебная командировка на остров Сахалин в место под названием Кусюнкотан в бухте Анива. На Мацуда была возложена обязанность контроля за торговлей с сантанцами и сопровождение их в морских поездках на материк.

В 22-й день 2-й луны 6-го года правления Бунка (6 апреля 1809 г.) Мацуда получил новое назначение и отбыл из Эдо. По пути он совершил паломничество в святилище Никко Тосёгу, где похоронен основатель династии сёгунов Токугава. В 18-й день 3-й луны (2 мая 1809 г.) он прибыл в Мацумаэ. В 17-й день 4-й луны (30 мая 1809 г.) отправился на судне на остров Карафуто, а в 19-й

день той же луны (1 июня) вошел в гавань Соя на северной оконечности острова Хоккайдо. Погода была неблагоприятной, и в Соя пробыли до 28-го дня (10 июня). А 29-го дня той же луны (11 июня) направились в Кюсюнкотан в заливе Анива, что в южной части Сахалина. Там несли службу самураи из княжества Цугару. Недавно здесь побывали иностранцы на судне (экспедиция Хвостова и Давыдова) и взяли в плен самураев, несших службу. Теперь же сделано крепостное укрепление, на стенах которого воины Цугару разместили пушки на тот случай, если опять здесь появится иноземный корабль. Во всех местах предполагаемой высадки моряков с российских кораблей размещены гарнизоны. Из Кюсюнкотан Мацуда направился в Сирануси.

Прибыв в Сирануси, Мацуда занялся проблемами торговли между местными жителями. Сантанцы издавна приезжали в Сирануси и привозили хлопчатобумажные ткани, перья орлов, бусины синего цвета, а также повседневные вещи для айнов. Айны, проживавшие на Сахалине, по установившейся традиции продавали айнам в Соя на Хоккайдо меха. Как пишет Мацуда, со времени, когда айны с обоих островов попали под управление дома Мацумаэ, у них рос долг из-за торговли с сантанцами. Последние каждый год,

появляясь в Сирануси, требовали возвращения долга у айнов, а у тех не было возможности выполнить требование. Сантанцы стали настаивать на погашении долгов и перешли к противоправным действиям. Каждый год стали возникать ссоры, беспорядки. И если все оставить как есть и ничего не предпринимать, считал Мацуда, то все это в ближайшем будущем может привести к массовым беспорядкам. Мацуда в письменной форме изложил способ урегулирования проблемы. Начальники гарнизона японских сил на Хоккайдо Кавадзири Хиго-но ками 川尻肥後守, Арао Тадзима-но ками 荒尾但馬守 и глава финансового ведомства Ягю Сюдзэн 柳生主繕 рассмотрели предложения и дали свое одобрение на проведение предложенных мер. Мацуда предложил по приезде сантанцев организовать встречу тех, кто дал в долг, с теми, кто взял в долг, и в присутствии свидетелей этих сделок уточнить размер долгов. Затем заставить айнов вернуть своими силами ту часть, которую они в состоянии погасить, оставшуюся часть оплатят японские чиновники по статье расходов военного правительства. В качестве замены письменной расписки, свидетельствующей получение остатка долга, у каждого местного жителя из числа сантанцев возьмут отпечаток руки на бумаге с написанием на ней имени каждого из

них. А после того, как вернут эти земли под управление княжества Мацумаэ, передадут чиновникам Мацумаэ коробку, в которой будут храниться эти расписки.

Очень трудно было установить размеры долгов, потому что из-за безграмотности местных жителей письменно они не фиксировались. Каждый из них полагался только на свою память. И особенно все запутывалось, когда возвращался долг частями, а одна из сторон не могла (или не хотела) вспомнить факта существования какой-то части долга. Поэтому и надо было сделать очную ставку в присутствии свидетелей. Присутствующие переводчики письменно все фиксировали на бумаге, чтобы в дальнейшем избежать ошибок. Задача была очень сложной, потому что ни одна из сторон не имела явных доказательств. И бывало так, что с появлением сантанцев айны разбежались, прятались в горах до тех пор, пока те не уплывали на своих лодках. Бывало так, что раздосадованные сантанцы в отсутствие айнов входили в их жилища, забирали в счет долга домашнюю утварь или то, что имело хоть какую-то ценность: казаны, котелки, ножи *макири* и прочее. Конфликты доходили до применения луков, стрел, пик и холодного оружия. Айны очень боялись сантанцев, которые начали вести себя неподобающе, не

считаясь ни с какими правилами. Конфликты с каждым годом только обострялись. Бывало, что за давностью лет не могли четко вспомнить, когда же взяли в долг и на какую сумму. Бывало так, что сантанцы подобно малым детям, одержимые алчностью, не внимали никаким резонам. Дошло до того, что айны, жившие поблизости от контор, боялись сантанцев больше, чем японских чиновников. «В дождь ли, в ясную погоду ли, с плетью в руках, с трубкой во рту, заложив руки за спину, распевая песенки себе под нос, сантанцы входили и выходили из конторы, то есть вели себя совершенно неподобающе», — писал Мацуда. Особенно хорошо себя показал в этой непростой ситуации переводчик Тайра Хёэ 平兵衛, который пресекал все грубости материковых жителей. Он строго объяснил шестерым, особо отличавшимся грубостью и невоспитанностью, правила поведения и добился от непослушных принесения извинений. Переводчик заявил, что если от ульчей будут исходить запахи спиртного, если они будут говорить на повышенных тонах, то их заявления о понесенном ущербе не будут рассматриваться [Мацуда 1972, с. 189–192].

Мацуда свидетельствует, что в 6-ю луну 6-го года правления Бунка (с 13 июля по 10 августа 1809 г.) был издан указ, провозглашавший, что

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

отныне остров Карафуто следует называть «северными землями айнов» (яп. *кита эдзоти* 北蝦夷地).

Ввиду возможного нападения русских японцы объявили айнам правила поведения в случае появления иноземного, иными словами, российского судна. В частности, айнам предписывалось незамедлительно докладывать японцам, как только они увидят в море приближающееся иноземное судно. Если паче чаяния иноземцы высадутся на сушу, то ни в коем случае не проявлять к ним чувства симпатии и не откликаться на их обходительное поведение. Всякое проявление симпатии к русским будет считаться тяжким преступлением. Отныне айны должны были неукоснительно соблюдать эти правила поведения. Предписывалось между собой жить в дружбе, не браниться и не ссориться, не создавать долгов. От мала до велика должны были соблюдать эти правила. Старые долги перед людьми с материка нужно было погасить и не создавать ни в коем случае новых. Если из-за смерти мужа или жены человек становился одиноким, если у малых детей умирал отец-кормилец, если у престарелых людей не было детей, которые могли бы им помочь, а также если были люди, которые не имели пропитания из-за

продолжительной болезни, следовало сообщить об этом японским чиновникам, чтобы получить в качестве вспомоществования рис.

Мацуда не без чувства удовольствия от проделанной работы по разрешению проблемы долгов айнов перед сантанцами сообщает следующее. Каждую зиму сантанцы приезжают на Сахалин поохотиться в горах на лисиц, выдр, куниц. При этом останавливаются в жилищах местных айнов. И на этот раз остановился гость с материка у айна на постой с едой. Когда же он закончил охотиться и стал возвращаться домой к себе, то ушел, даже не сказав доброго слова на прощанье. Этому потому, что раньше он останавливался и столовался у него в счет долга, но теперь это стало неприлично. Так как старые долги урегулированы, отмечается изменение в поведении айнов. На днях в поселении Кусюнкотан пришли 11 человек из Приморья, остановились в жилище айна Хитаси и пошли охотиться в горы. Однажды им удалось добыть лисицу. Сантанцы собрались и съели ее, не поделившись с хозяином дома. Хитаси возмутился и сказал им, что до последнего времени он находился в долговой зависимости от них, но в этом году проблема долга решена управляющей конторой, и им это известно. Поэтому нет никакого резона терпеть такого отношения к себе. «В

частности, сегодня вы поймали лисицу, вместе ее съели, но не поделились со мной. Хотя это и согласуется с обычаями сантанцев, но поступать так бессердечно. Вы не можете больше оставаться в моем доме. Оставьте оплату за мою еду и уходите», — и выгнал их Хитаси с этими словами. Об этом событии Мацуде сообщил переводчик Томи Уэмон 富右衛門. Все айнские старейшины рады решению проблемы долгов [Мацуда 1972, с. 197–198].

Вечером 10-го дня 5-й луны (30 июня 1811 г.) прибыла смена гарнизона из княжества Цугару, несущего охрану острова Сахалин. Предпринимались все меры для отражения возможного нападения иноземных кораблей. В 9-й день 5-й луны (29 июня 1811 г.) пришло сообщение с острова Итуруп, что в открытом море в местечке Атоия появилось российское судно, а затем вошло в гавань¹⁵. 11–12 членов экипажа высадились на берег. Пока собирались с силами, они вернулись на судно и ушли в сторону острова Уруп. Об этом сразу же доложили в Мацумаэ. Оттуда разослали предупреждения во все гарнизоны с требованием

---

¹⁵ В данном абзаце речь идёт о шлюпе «Диана» под командованием капитана В. М. Головнина, который вместе с несколькими спутниками был пленен японцами при высадке на Кунашир и провел в Мацумаэ около 2 лет.

предпринять дополнительные меры предосторожности. На Сахалине провели учебные стрельбы и тренировки личного состава. В 26-й день 5-й луны (16 июля 1811 г.) пришло сообщение, что высадившиеся на шлюпке с иноземного корабля на остров Кунашир восемь членов экипажа взяты в плен и препровождены в Мацумаэ. В связи с этим инцидентом от японских гарнизонов потребовали повысить бдительность.

В последний день 7-й луны (17 сентября 1811 г.) Мацуда на судне отправился из Сирануси и в тот же день без происшествий прибыл в Соя. В 18-й день 9-й луны (3 ноября 1811 г.) он прибыл в Мацумаэ, где отчитался перед вышестоящим начальством. В 28-й день 10-й луны (13 декабря 1811 г.) на судне водоизмещением 250 *коку* Мацуда отправился из Мацумаэ в Цугару, а далее по суше в Эдо, куда прибыл в 24-й день 11-й луны (8 января 1812 г.).

Через короткий промежуток времени он снова был отправлен на Хоккайдо. Последующим событиям в жизни исследователя посвящена пятая тетрадь, в которой он почти сразу же снова возвращается к теме погашения долгов айнов перед жителями материка. Мацуда снова прибыл в Сирануси 22 июня 1812 г.

В Сирануси прибыло 5 лодок с сантанцами, которых было 40 человек. Мацуда произвел проверку на предмет наличия задолженности айнами прошлых долгов и убедился, что большинство долгов прибывшим сантанцам уже погасили. Оставалось вернуть долг только двум или трем из числа прибывших. Перед ними также закрыли долги, передав им меха, добытые в Соя на Хоккайдо и на острове Сахалин. Мацуда просил передать всем жителям материка, что в течение текущего года должны явиться в контору все те, перед кем остались старые долги у айнов. Мацуда предполагал, что, наконец-то, удалось закрыть эту проблему. Однако за последние три года немало сантанцев приходили на судах с заявлением, чтобы им вернули долг. К 1812 г. каждый год прибывали одна-две лодки с сантанцами, заявлявшими о задолженности перед ними. Но в этом, 1812 г., похоже, проблема с долгами была решена. И далее Мацуда привёл любопытные статистические данные.

Год змеи (1809 г.)	3 лодки	20 человек
Год лошади (1810 г.)	7 лодок	60 человек
Год овцы (1811 г.)	5 лодок	38 человек
Год обезьяны (1812 г.)	5 лодок	40 человек
Итого	20 лодок	158 человек

Мацуда комментирует, что данная статистика представляет выплаты долгов жителям материка с 6-го до 10-го года правления Бунка. Гасили задолженность мехом, добытым на Сахалине и на Хоккайдо. Пересчет шел на меха куницы. До прошлого года на погашение долга, возникшего на Сахалине, ушло 2975 шкурок, а в Соя на погашение долгов айнов Хоккайдо — 2571 шкурка. Итого, на погашение долгов айнов потратили 5546 шкурок куницы. Из этой суммы сами айны с двух островов внесли в счёт долга 499 шкурок, остаток же в 5047 шкурок куницы взяло на себя обязательство погасить военное правительство. Оно, пересчитав эту часть суммы на шкурки выдры, отдало этим мехом 2523,5 шкурки. На денежный пересчет это составило свыше 131 *рё*. Таким образом, была решена труднейшая проблема долгов айнов с островов Хоккайдо (Соя) и Сахалина (Сирануси). По словам Мацуда, все почувствовали облегчение: в первую очередь, конечно же, айны, но также и стражники постов (яп. *баннин* 番人), и управляющие контор (яп. *сихайнин* 支配人). Разом была решена проблема старых долгов, копившаяся на протяжении долгих лет. Переводчик Томи Уэмон сообщал Мацуде, что все айны выражали признательность и благодарность. Вместе с тем он в настоятельной форме требовал довести до всех

старейшин и простых айнов, что впредь ни при каких обстоятельствах не позволено брать в долг товары, чтобы в будущем опять не попасть в долговую зависимость.

Особо оговаривается в «Рассказах» тема заложников, которые были увезены на материк в счёт долга. Во время правления дома Мацумаэ, отмечает Мацуда, было уведено немало таких людей. По последним данным, которыми располагал Мацуда, договорились, что сантанцы вернут трех человек с острова Сахалин и двух — с Хоккайдо (речь идет о Соя). В прошедшем 6-м году правления Бунка (1809 г.) сантанцы их вернули. Вместе с тем представителям власти на местах было отдано распоряжение пересмотреть системы пересчета старых долгов, потому что они были, по мнению японских властей, завышены. Было решено, что сантанцы ловко воспользовались ситуацией, и никак нельзя было сказать, что нынешние цены обоснованы. И поскольку уж со старыми долгами разобрались, то следует довести до сведения сантанцев, что принято решение понизить цены и установить следующий курс обмена меховых шкурок и других предметов торговли. Приведем неполный список, составленный Мацуда.

[Шкурки], добытые в северных землях айнов:

- одна шкурка куницы обменивается на одну шкурку выдры

Шкурки, добытые в участках, отданных на откуп в западных и восточных землях айнов (Хоккайдо):

- восемь шкурок куницы — на одну шкурку выдры
- две шкурки лисицы — на одну шкурку выдры
- шесть шкурок барсука-медведя — на одну шкурку выдры
- четыре шкурки куницы из этой же местности (Хоккайдо) — на одну шкурку куницы из северных земель айнов (Сахалина)
- одна шкурка лисицы с Хоккайдо — на одну шкурку куницы с Сахалина
- три шкурки барсука-медведя с Хоккайдо — на одну шкурку куницы

Расчеты всех товаров, которые поставляются японцами
Из расчета обмена шкурки куницы, добытой в северных землях айнов

- рис, объем 8 *сё*¹⁶ обменивается на 4 шкурки
- солод, объем 8 *сё* — на 4 шкурки
- сакэ, 1 *сё* — на 1 шкурку

---

¹⁶ Мера ёмкости, равная 1,8 л.

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

- табак, 1 пучок — на 1 шкурку
- меч (яп. *эдзо-катана*), 1 штука — на 9 шкурок
- секач-топор для варваров (яп. *эдзо-тадзуки*), 2 штуки — на 3 шкурки
- одежда, бывшая в употреблении, 1 штука — примерно на 15 шкурок
- белая хлопчатобумажная ткань длиной 1 *тан*¹⁷ — 4 шкурки
- котелок для готовки еды вместимостью 1 *сё*, 1 штука — на 4 шкурки
- котелок вместимостью 1 *сё 5 го*¹⁸ — на 5 шкурок
- котелок вместимостью 1 *то*¹⁹ — на 27 шкурок
- котелок вместимостью 1 *то 3 сё* — на 28 шкурок
- котелок вместимостью 1 *то 5 сё* — на 30 шкурок

Закупочные цены на товары, которые привозят на продажу сантанцы

- темно-синяя ткань с изображением дракона в отрезе длиной 1 *дзё*²⁰, рулон — цена за него исчисляется в зависимости от качества ткани, примерно 30 шкурок куницы
- темно-синяя ткань с изображением пионов в отрезе 1 *дзё*, 1 рулон — цена за него исчисляется

---

¹⁷ Тан (яп. 反) — мера измерения тканей, равная 10,6 м при 34 см в ширину.

¹⁸ Го (яп. 合) — мера ёмкости, равная 180 мл.

¹⁹ То (яп. 斗) — мера ёмкости, равная 18 л.

²⁰ Дзё (яп. 丈) — мера длины, равная 3,03 м.

в зависимости от качества ткани, примерно 25 шкурок куницы

- китайская хлопчатобумажная ткань высококачественной выделки за 1 *тан* — по приблизительной оценке 2 шкурки куницы.

Таким образом был составлен прейскурант цен на все товары, которыми торговали на острове Сахалин, и установлен «курс обмена» в шкурках куницы, добываемой на Сахалине. «Курс обмена» колебался в заданных пределах в зависимости от качества товаров. К примеру, 1 шкурка выдры высшего качества обменивалась на 2, 3, а то и 4 шкурки куницы. Военное правительство изменило курс обмена, соответственно изменилась и цена. В то же время в восточных землях айнов, куда входили и южные острова Курильской гряды, закупочная цена мехов, добываемых в тех землях, уже устанавливалась военным правительством, а точнее его заместителем в Хакодате. Сейчас, когда погашали долги айнов перед сантанцами, доходы японцев упали, но в ближайшем будущем с погашением долгов доходы, безусловно, по мнению Мацуда, вырастут. Для роста поступлений в казну ужесточались меры по ограничению прямых контактов японцев, прибывших с целью торговли на японских судах, не только с айнами, но и с сантанцами. Дело в том, что сантанцы, когда

приходили в Сирануси, обустроивались прямо на морском берегу, возводя шалаши округлой формы. Было запрещено всем японцам, прибывшим на судах или собирающимся прибыть в Сирануси, нанимать к себе на работу сантанцев, а также посещать шалаши, где они живут. Помимо того, стражникам постов также запрещалось без дела, не имея на то поручения, заходить в их хижины. Мацуда, вспоминая времена, когда ему было поручено решить проблему с долговыми обязательствами айнов, рассказывает, с какими трудностями и опасностями пришлось ему столкнуться при пересечении опасного морского пролива шириной 18 *ри* и путешествии по острову. Он подводит итог своей деятельности стихотворением:

Преодолевая 18 *ри* [пролива] сурового северного моря,
Вот уж пять лет на службе в землях северных айнов.
Можно быть довольным результатами своей работы,
Но чувство беспокойства не оставляет: что ждет нас в будущем?

Давнишние долги [айнов] взял в свои руки,
Вернув сантанцам, погасил их [Мацуда, с. 214–226].

«Рассказы» оказались чрезвычайно информативным источником в вопросе торговых меновых операций, происходивших у жителей

острова между собой и с японцами. Торговля в долг, когда айны покупали у сантанцев понравившиеся предметы под устное обязательство оплатить их в будущем, видимо, была общепринятой практикой в то время. Отсюда и возникла проблема несвоевременного погашения или даже физической невозможности погашения долгов. Эта проблема была унаследована и местной администрацией военного правительства, взявшего на себя управление владениями княжества Мацумаэ. Чтобы наладить планомерное, беспроблемное пополнение японской казны, Мацуда предложил план погашения айнских долгов с помощью средств, выделяемых местной японской администрации. Из данного письменного источника нам становится известно, по какому «обменному курсу» менялся один товар на другой. «Прейскурант» устанавливался японской администрацией, видимо, исходя из бытовавшей практики. Чтобы получать наибольшую выгоду, предпринимаются дальнейшие шаги по усилению японской монополии в сфере ценообразования и торговли как непосредственно с айнами, так и другими народностями, населявшими Сахалин и даже жителями материка. «Рассказы» Мацуда Дэндзюро наряду с «Описанием» Мамия Риндзо позволяют воссоздать более полную картину

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.

торговых отношений на острове Сахалин и прилегающих территориях.

Список источников и литературы

1. Мамия 1972: Кита эдзо дзусэцу 北蝦夷図説 (Иллюстрированное описание северных [земель] айнов) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Избранные сочинения о Северных Вратах). В 6 тт. Т. 5. Сост. Отомо Кисаку 大友喜作. Токио: Кокусё канкокай 国書刊行会, 1972. С. 277–380.
2. Мамия 1990: Описание северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо / Перевод и аннотация Джона А. Харрисона, Университет штата Флорида, перевод на русский язык В. В. Переславцева // Краеведческий бюллетень № 2. 1990. С. 43–93.
3. Мацуда 1969: Мацуда Дэндзюро 松田伝十郎. Хокуидан 北夷談 (Рассказы о северных айнах) // Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй 日本庶民生活史料集成 (Собрание источников по истории жизни простого народа Японии). В 10 тт. Т. 4. Токио, 1969. С. 77–175;
4. Мацуда 1972: Мацуда Дэндзюро 松田伝十郎. Хокуидан 北夷談 (Рассказы о северных айнах) // Хокумон со:сё 北門叢書 (Избранные сочинения о Северных Вратах). В 6 тт. Т. 5. Сост. Отомо Кисаку 大友喜作. Токио: Кокусё канкокай 国書刊行会, 1972. С. 117–276.
5. Соколов А. М. Айны: от истоков до современности (Материалы к истории становления айнского этноса). СПб.: МАЭ РАН, 2014. 766 с.

6. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н. э.). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 384 с.
7. Harrison, John A. Kita Yezo Zusetu or Description of the Island of Northern Yezo by Mamiya Rinso: // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 99. No. 2 (April 15, 1955). P. 93 - 117.
8. Хора Томио 洞富雄. Мамия Риндзо: 間宮林蔵. Токио: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1960. 342 с.

Сведения об авторах

Климов Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН

Осипова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Щепкин Василий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Климова Ольга Вадимовна — PhD, доцент Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

Климов Артём Вадимович — старший преподаватель Департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

АЙНЫ
В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
XVIII–XIX ВВ.

Под редакцией В.В. Щепкина

ISBN 978-5-00105-503-7

Подписано в печать 30.12.2019 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,9. Тираж 300 экз.
Заказ № 5250.
Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство «ЛЕМА»»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemmaprint.ru>